

грешников

wondi.ru

РОЖДЕННЫЙ
ГРЕШНИКОМ

С. Л. Дженнингс

Двадцать два года назад я была вырезана из холодной, пропитанной кровью, материнской утробы и оставлена в грязной, нищей бетонной колыбели Чикаго. По статистике, я не должна была дожить до восемнадцати лет на этих улицах. Но у судьбы оказался другой план. Я создана для одной и единственной цели: сеять смерть и разрушение в моем мире. Мои мысли — сила. Мои слова — оружие. Зло создало меня, в то время как благодать пыталась спасти. Но в начале... они пытались убить меня. Они называют себя семеркой. Они воплощение греха и спасения, все то, чего мы так боялись с начала времен. И их лидер самый смертоносный среди них. Он не проигрывает. Он не идет на компромиссы. И самое главное, он не отвлекается на смертные слабости. До моего появления. "Убить одного, чтобы спасти миллион". Вот что он сказал, когда меня пленил. "Убить одного, чтобы спасти миллион". Вот что он пытался сказать сам себе, когда взял меня на руки.

Сайрита Дженнингс — Рожденный грешником (Семь грешников — 1)

Переводчики: leno4ka3486, natali1875, Kejlin, lov_oksi94

Редактор: natali1875

Русифицированная обложка: inventia

Я не плакала, когда это случилось в первый раз. Должна была, но не смогла.

Он не заслуживал моих слез.

Именно за это я держалась каждый день — даже когда не верила.

Он был мальчиком, который всегда плохо обходился со мной. Он заглядывал мне под юбку, когда делал вид, что поднимает карандаш.

Он зажимал меня около женского туалета. Рисовал непристойные картинки и запихивал их мне в рюкзак.

Он хотел причинить мне боль. И он заслужил, то, что получил.

Я не плакала, когда он увел меня со спортивной площадки, угрожая ударить, если не пойду.

Я не плакала, когда он пытался расстегнуть мою рубашку.

Я не плакала, когда он положил мою руку на его джинсы спереди.

И я не плакала, когда произносила слова.

Слова, которые заставили выйти его на встречную полосу, именно в тот момент, когда мимо проезжал желтый школьный автобус.

— Развернись. Иди.

Именно тогда я должна была догадаться, что обречена. Хорошая девочка уже бы плакала.

Сегодня ночью холодно, но это не просто холод, а тот его вид, который просачивается в поры и оставляет крупинки инея на костях. Тот, который остужает кровь, замораживая ее в окоченевших венах. Я ходила по этой дороге на работу каждую ночь, про себя молясь о безопасности.

Наркодиллеры и проститутки суетливо бегут от резко мерцающего разбитого фонаря, как тараканы, избегая копов под прикрытием и взглядов любопытных прохожих.

Никто друг с другом не говорит, пока не захочет чего-то, но даже тогда люди довольствуются парой слов, сказанных отрывистым голосом. Здесь я невидима. Никто ничего от меня не хочет. Даже если захочет, мне нечего дать.

— Осторожней, сучка! — рывкает говнюк в уродливой зеленой парке, который чуть не сбивает меня. Настолько громко, что заглушает хип-хоп музыку, играющую в наушниках-капельках.

Пошел снег, и вместо того, чтобы сосредоточиться на своих шагах, мужчина прибегнул к ходьбе, опираясь на каждого, кто стоит между ним и теплым сухим пристанищем и следующим напитком.

— Извините, — ухмыляюсь я, оглядываясь на него через плечо.

— Да, пошла на хер! — выплевывает он, вскидывая средний палец к небу. Я чувствую это внутри себя. Жар его ненависти. Черноту души. Его глаза — пустые остекленевшие глубины горечи и яда. Пожелтевшая липкая кожа — всего лишьместилище химических отходов, обернутое вокруг хрупких костей. Замечаю шепот, затопивший разум, прежде чем могу ему сопротивляться. Голоса настолько отчетливы, что больше не слышно рэп лирики от J. Cole, грохочущей в голове. Мне следует бороться с ними, но я не делаю этого.

Не хочу. Не в этот раз. Я борюсь с подобной хренью всю жизнь. В какой-то момент научишься сопротивляться. Электрические синапсы возбуждаются по команде, а губы открываются, чтобы произнести единственное слово.

— Падай, — мужчина даже не замечает пяточок льда, а каблук его изношенного ботинка уже скользит по нему. Руки бешено молотят по воздуху, пока он пытается восстановить равновесие, но слишком поздно. Он в воздухе — застывший во времени, как легчайшие снежинки, кружащиеся вокруг нас.

Прежде чем из его горла вырывается один единственный душераздирающий крик, он с оглушительным треском падает на залитый мочой тротуар. Выдыхаю сквозь вкус металла во рту и продолжаю идти, оставляя за собой боль и хаос.

Увеличиваю громкость музыки настолько, чтобы заглушить отчаянные крики о помощи. Никогда не говорила, что я дерусь честно.

— Ты рано. — Лили улыбается, когда я вхожу в грязный магазин на углу, где мы обе работаем. Яркая красивая блондинка, у нее слишком ангельская внешность, чтобы работать в такой дыре. Снимаю вязаные перчатки без пальцев, и прежде чем убрать наушники в карман пальто, тру ладони друг о друга.

Эдуардо, менеджер магазина и племянник владельца, слишком скупой, чтобы прибавить отопление.

— Скучно, сестра на свидании. Подумала, тебе не помешает компания. Занята сегодня вечером?

Небесно-голубые глаза Лили сканируют полки и стойки с чипсами и бутылками.

— На самом деле, нет. Но я рада, что ты пришла. — Она снова улыбается.

Она всегда улыбается, всегда до смешного оптимистична. И хотя в ком-то другом это бы раздражало неудачника во мне, ее жизнерадостным характером я по-настоящему наслаждаюсь.

Желанный переход от безнадеги в нашем маленьком кусочке чистилища. Обхожу прилавок, наполовину закрытый пуленепробиваемым стеклом.

На стекло, по крайней мере, до потолка Эдуардо также поскупился, но хоть какая-то защита лучше, чем ничего.

— Ты сама вызвалась? — хмурюсь я. Даже несмотря на установленные камеры и кнопку тревоги работать в ночную смену в этой части города небезопасно.

Особенно для такой девушки, как Лили.

— Логан в подсобке. Все в порядке, правда. Ты слишком много тревожишься, — качаю головой. Хотелось бы, чтобы она больше беспокоилась. Лили не знает об ужасах, которые я видела, которые сама могу сотворить.

Для нее я всего лишь девушка со своими проблемами и темным прошлым, которую она хочет опекать и любить.

В действительности я проблемная девушка с темным прошлым, чьи мысли и слова становятся оружием. Несмотря на то, что Лили одна из немногих, кого я готова назвать другом, она не может узнать обо мне. Никто не может.

Иначе я закончу прямо как моя мать. Складываю пальто и сумку под прилавок и натягиваю уродливый темно-бордовый жилет, который мы обязаны носить.

Учитывая мой черный свитер и рваные выцветшие джинсы, он мне совсем не идет, но каким-то необыкновенным образом Лили в нем продолжает выглядеть стройной и привлекательной. Я спрашивала у нее, почему она работает в этом прогнившем южном районе Чикаго. Она выглядит так, будто выросла с деньгами, хотя и клянется, что это не так. Что-то в ней не позволяет мне в это поверить.

Клеймо нищеты остается на всем, к чему прикасается. Оно покрывает ладони, когда вам холодно, расплывается на губах, когда хочется есть, окрашивает кожу, когда вы больны. Можешь попытаться оттереть его, но результат всегда останется одним и тем же.

Ты тот, кого общество отвергло. Лили никогда не носила это клеймо. Я узнала, если бы оно на ней было. У входа, пугая нас обеих, звенит колокольчик. Чуть не охаю, когда вижу, кто это.

— Господи, только не этот парень, — негодует Логан, таща картонную коробку, полную Pop Tarts. Мы с Лили даже не слышали, как он подошел.

— Что? — шепчу я, так как воздух покидает мои легкие.

— От этого мужика у меня мурашки по телу, — качает головой Логан, заставляя тускло-каштановые кудри покачиваться у лба.

Он ставит коробку и пододвигается ближе, чтобы прошептать. — Серьезно, думаю, стоит сказать Эдуардо о нем. Парень приходит каждую ночь и покупает одно и то же... особенно когда ты работаешь, — указывает взглядом на меня.

— И что с того? Возможно, он тоже работает в ночную смену, — пожимаю я плечами.

— Ночная смена на скотобойне. Он может оказаться насильником или серийным

убийцей. Ты действительно хочешь, чтобы тебя преследовал такой тип?

Закатываю глаза. — Он не преследует меня, Логан.

— Ты этого не знаешь, Иден. У него плохая аура.

— Ну, я думаю, что это мило. Даже романтично, — в разговор включается Лили, ероша косматые каштановые волосы Логана. Хотя я бы предостерегла ее это делать. Эти сальные космы наверно не мылись неделями.

— Пофиг! Этот подонок несет проблемы. Ты только посмотри на него, — и словно биологический инстинкт цепляется за мышцы и кости, превращая меня в полную похоти марионетку, и заставляет смотреть.

Когда он впервые зашел в магазин почти шесть недель назад, он напугал меня. Было больше трех ночи, и я не услышала дверной колокольчик.

По крайней мере, не думаю, что услышала. Я была поглощена новой книгой и музыкой Кендрика Ламара, и не замечала парня, пока он бесшумно не встал передо мной. Ни звука шагов, ни шума дыхания.

Он просто стоял, глядя на меня, ожидая, пока я его замечу. Я чуть не закричала и не навернулась с табурета. Следующей ночью я снова была ошеломлена его присутствием, но в на этот раз, мое любопытство было совсем другого рода.

Я по-настоящему позволила себе на него посмотреть, молясь про себя, чтобы он меня не заметил. Парень был высок и сложен как тот, кто постоянно занимается спортом.

Тогда я подумала, что он, возможно, играет за Bears или даже за Bulls, но по тому, как он двигался, чересчур легко и грациозно, причислила его к атлетам. Да, в этом однозначно было что-то дикое.

А его лицо... строгое и грозное, и притом бесспорно симпатичное. Как будто он знал, что красив, однако не хотел таким быть. Даже темная щетина на угловатом подбородке казалась аккуратной и элегантной. Когда он подошел к кассе, я старалась не таращиться на него, но мне хотелось увидеть его глаза.

Мне нужно было знать, что за тьма скрывалась в этом внушительном мужчине. Но он не посмотрел на меня. Он просто передвинул по прилавку Arizona Iced Tea и пачку мятной жвачки и молча ждал, пока я пробью его заказ.

Я не могла дышать. Из комнаты будто выкачали весь воздух. Закружилась голова, а пальцы стали сильно трястись. В голове змеился шепот, убеждая сказать слова.

«Посмотри на меня. Посмотри на меня». Но мой язык отказывается поворачиваться, несмотря на принуждение разума. Я была благодарна. Складывалось ощущение, что его взгляд может превратить меня в камень. Он приходил каждый вечер, покупал только баночку холодного чая и мятную жвачку.

Иногда это происходило в начале моей смены. Иногда под конец. Он не произнес ни слова, ни разу не встретился со мной взглядом. Я смотрела на него из-за стойки и мысленно запоминала его движения, то, как темная одежда облепляла его тело словно дизайнерская перчатка.

В нем было что-то опасное, но не криминальное. То, что каким-то образом заставляло мои чувства гудеть от предвкушения и страха каждый раз, когда я слышала звон дверного колокольчика.

То, что заставляло меня бояться себя. Хотя сегодня все иначе. Он одет в такую же одежду. Идет прямо к месту выдачи чая и жвачки.

И не встречается со мной взглядом. Ничего нового. Но есть что-то еще... что-то иное.

Могу чувствовать, как вокруг него воздух буквально пульсирует от волнения. На часах 22:40. Я не начну работать раньше 23:00.

Откуда он узнал, что я приду на работу почти на полчаса раньше? Смотрю на Логана, чей темный взгляд направлен на таинственного незнакомца, предполагаемого сталкера.

Мужчина подходит к кассе неспешными шагами, хотя я могу сказать, что напряжение сковало его плечи тисками. Двигаюсь к прилавку, чтобы принять заказ, как это происходит каждую ночь, но прежде чем мне удастся сделать полный шаг вперед, Лили устремляется наперерез, опережая меня.

— Я сама, — она мило улыбается. — Смена моя, и неохота пересчитывать потом всю кассу.

И то верно. Хотя это никогда не имело значения раньше. Голос эхом звучит в моей голове, но я подавляю его, прежде чем могу расслышать слова.

Лили быстро принимает оплату, без своей обычной дружеской болтовни. Но прежде чем мужчина может избежать нашего пристального внимания, она приклеивает улыбку и спрашивает его:

— Что-нибудь еще?

Я задерживаю дыхание, когда он медленно поднимает подбородок и смотрит на ее лицо, давая мне, полное представление о человеке, который преследует меня во сне каждый день, в течение последних шести недель. Серые.

Его глаза серые, самого потрясающего оттенка который я когда-либо видела. Как будто они были сделаны из плачущих небес, покрытых звёздной пылью и облиты сталью. Его ресницы густые и темные, так же, как волосы, которые ниспадают до подбородка и полных, чувственных губ.

Чёрная вязаная шапочка натянута на затылок, из-под которой выглядывают лишь кончики его дразнящих меня волос. Он слишком красив, чтобы замёрзнуть, но я наверняка знаю, что в глубине его души лёд.

Тем не менее, каждая клетка моего тела охвачена пламенем, лишь от его близости. Я почти уверена, что смогу растопить пуленепробиваемое стекло, сжимая его между своих бёдер.

Он щурится на долю секунды, и прежде чем я могу расшифровать изменение, разворачивается и удаляется из магазина.

Я потеряла дар речи... испугалась. Но не его. Я напугана тем, как моё тело воспламеняется от этого незнакомца, который со мной даже ни разу не заговорил.

— Я же говорил... он псих, — провозглашает Логан, после долгого неловкого молчания.

И тут я слышу.

— Наверное, он тот парень, который сегодня звонил и спрашивал твой график работы, Иден.

Не может быть.

— Что ты сказал?

— Да. Эдуардо говорит, что какой-то парень интересовался, во сколько ты будешь.

Я хмурюсь.

— Вы уверены, что он спрашивал обо мне? — Мной никогда и никто не интересовался. И я чертовски хочу, чтобы так было и дальше.

— Уверен. Он спросил девушку с серебристыми волосами, тату и пирсингом в носу. Ты единственная здесь, подходишь под описание. Естественно, мы ничего ему не сказали.

Тем не менее... кто-то тебя ищет.

Я непроизвольно касаюсь короткими, отполированными ногтями, покрытыми черным лаком, к серым локонам

Для окружающих — это дань моде. Но, правда, в том, что мои некогда чёрные, как смоль волосы начали седеть несколько лет назад. Сначала, несколько прядей. Но потом, почти в одночасье, моя грива стала, как у восьмидесятилетней.

Я отворачиваюсь от его вопросительного взгляда и хватаю лоток с "Поп Тартс", только чтобы бороться с желанием заламывать себе руки.

— Хочу пополнить немного, — бормочу я, отступая от прилавка.

— Эй, Логан, почему бы тебе не сдать смену немного раньше?

— Я могу остаться и составить компанию Иден. — Я слышу, как говорит Лили, пока укладываю клубничную выпечку на лоток.

— Ты уверена? Что если этот парень вернётся? Может мне остаться на всякий случай...

— Нет, нет. Мы девочки, сами справимся, обещаю.

Если он вернётся, у нас есть под прилавком электрошокер Эдуардо.

Мне не надо смотреть, чтобы увидеть на лице Логана растерянность. Он хочет уйти; как ни как, вечер пятницы. Но и так же, хочет выглядеть порядочным человеком.

По крайней мере, хочет, чтобы в это поверила Лили.

— Ну... ладно. Если вы считаете, что справитесь. — Перспектива дешевого пива и мясной закуска одерживает верх над порядочностью. Я могла бы попросить его остаться, если бы хотела, но не стала.

Мне не нравится находиться в его голове. И не нравится горький привкус его крови на моём языке.

— Справимся. Иди уже, и оторвись, как следует. — Я убиваю время, раскладывая на прилавке полуфабрикаты и слабо киваю, когда он желает нам спокойной ночи. Я бы хотела, чтобы Логан мне нравился, но его душа темна, а мысли нечисты.

Я не знаю, о чём они конкретно, но могу чувствовать их силу. Похоть. Потворство желаниям. Агрессия. Он хочет быть хорошим парнем, но влияние этого города отравило его сердце и поставило под угрозу его нравственность.

Он всего лишь пленник этого рукотворного ада.

— Тебе нехорошо? — Я подавляю крик и хватаюсь за грудь от удивления, отпрянув назад.

— Черт, Лили! Я даже не слышала. Ты пытаешься меня убить?

— Извини, — хихикает она.

— Ты скоро?

— Да. Две минуты.

— Хорошо. Подойди, когда закончишь. Я хочу кое-что... — Её взгляд устремлён к стеклянным двойным дверям, но сидя на корточках, я ничего не вижу.

— Что там?

— Ничего.

Но она не смотрит в мою сторону.

— Эй, сделай мне одолжение, сбегай за чипсами. Сейчас. — Я смотрю на стойку с чипсами.

— Там их полно. Думаю, Логан опередил меня. — Лили, молчит на мои слова.

Вместо этого, она движется быстро к фасаду магазина. Но прежде, чем она смогла

сделать это, зазвенели колокольчики на двери. Кто-то вошёл. Голос глубокий, с русским акцентом. Следом еще шаги. Затем третьи.

Холодный ужас проносится через магазин, леденящее кровь чувство, заставляет дрожать меня на месте, где я сижу на грязном полу. Через силу встав на колени, я надеюсь лучше рассмотреть вход.

Мне пару раз приходилось сталкиваться с "русской мафией", и всё может закончиться одним из двух сценариев: они по-хорошему оплачивают свой товар и уходят, или устроят дебош, подвыпившие и навеселе, начнут приставать к Лили.

Я смотрю на мою подругу, выглядящую невозмутимо и спокойно, словно заботливая бабушка смотрит на нее из дверного проема.

— Господа, я могу чем-нибудь вам помочь?

Первый был верзилой, страшила же ответил ей на своем родном языке.

Она качает головой.

— Извините, я не понимаю, что вы говорите.

Мужчина нахмурился, и его густые черные брови нависли капюшоном над черными глазами.

— Девушка. Где она? — говорит он с сильным акцентом.

— Я единственная девушка здесь, — Лили улыбается, искусно обманывая накрашенными розовым блеском губами

Она попутно двигается за прилавком без малейшего намека на напряженность.

— Но если вы хотите оставить сообщение...

— Дьявол, не играй со мной. Отдайте нам девчонку, и мы, может быть, оставим тебя в живых.

Святое дерьмо.

Мои глаза сканируют небольшое пространство вокруг, ища все, что может быть использовано в качестве оружия, и лишь пара итальянских кожаных ботинок попадает в поле зрения.

— Здравствуй, Иден.

Ужас скручивает живот. Но прежде, чем я могу бежать, отбиваться или ответить — нечто — сильные руки грубо сжимают мои и тянут меня на ноги.

— Вот она.

Он тащит меня к фасаду магазина, несмотря на мои бурные протесты.

— Отпусти меня, мудака! — требую я, пытаюсь собрать все силы и вырваться из его тисков.

— Ты пойдешь, сука. Хозяин ждет.

Русский бандит тащит меня, словно не замечает мои сто двадцать футов.

— Отпусти ее, — приказывает Лили, расправив плечи. — Или ты не доберешься домой к борщу. Это я тебе обещаю.

— Слишком поздно, дьявол, — отвечает аккуратно подстриженный монстр с другой стороны прилавка.

— У тебя был шанс убить ее. Теперь это сделаем мы.

Все происходит слишком быстро. Слишком быстро для моего ненадежного, человеческого зрения, чтобы поверить. Лили перепрыгивает через закрытый прилавок, в воздухе обнажая бритвенно-острые кинжалы, которые держит в каждой руке.

Русский делает шаг назад, но не раньше, чем она разрезает поперек его грудь. Ярко-

красная кровь брызнула на пуленепробиваемое стекло, но это не остановило бандита, он вытаскивает из-под полов шерстяного пальто пулемёт и открывает огонь в сторону Лили.

К счастью, она быстро скрывается за полкой, двигаясь невероятно быстро, чтобы избежать ранения. Другие мафиози также достают оружие и готовы к бою.

— Выходи, дьявол. У меня есть большой подарок для тебя.

Кровь пропитывает весь торс мужчины, но не было признаков того, что бандит стал слабее. Быстрыми шагами он идет по разбросанным чипсам и лужам газировки, в надежде поймать Лили, и, по сути, убить ее. Не уверена кого мне стоит бояться больше.

— Ну же, Влад. Девчонка у нас. Давай убираться отсюда, — говорит другой головорез. В трясущейся руке у него пистолет. Из трех, он самый молодой, и самый напуганный.

— Нет! Мы закончим работу, — кричит мужчина по имени Влад, заворачивая за угол, где находилась Лили.

Я в единственном проходе, все еще пойманная и загнанная жирной свиньей, облитой дешевым одеколоном. Лили некуда бежать. Даже если она побежит, то она, возможно, не сможет укрыться от их пуль. От внезапного оглушительного звона разбитого стекла у меня сводит челюсть, когда витрина магазина разлетается и осыпается мелкими неровными кристаллизованными осколками.

Русские поворачиваются и наводят пистолеты на вход, но уже слишком поздно. Это он. Незнакомец. Опасно красивый мужчина, приходящий каждую ночь для покупки холодного чая и мяты.

Не теряя секунды, он вбегает с двумя пистолетами. Он бьет молодого бандита, прежде чем тот успевает увернуться, отправляя его на землю, а затем пускает пулю между глаз придурку с вонючим одеколоном. Его тело падает сверху на меня. Мертвый вес придавливает меня к грязному полу.

Кровь льется на меня, пачкая одежду и кожу. Запах угнетающий, я с трудом поворачиваю голову, как раз, перед тем, как меня тошнит. Сильные руки дергают меня с залитого кровью пола и блевотины, и быстро тащат вглубь магазина.

Я дезориентирована среди звуков выстрелов, вида крови и болезненности в моем бурлящем животе. Шок и паника овладевают моими натянутыми чувствами, и я начинаю кричать, как сумасшедшая.

Я даже не знаю, что говорю или даже почему кричу. Я не думаю, ничего не чувствую за исключением сильнейшего страха.

Истерика — вот, что я знаю. Удар наносится до того, как я успеваю его увидеть, не говоря уж о том, чтобы уклониться. Меня бьют по голове и на мгновение, окутанная тяжелой тьмой, я падаю в забвение.

Прежде чем оно окончательно меня поглощает, я поднимаю глаза и смотрю в два серых бассейна, отражающих лунный свет. Затем все расплывется и затягивается мраком.

Я была похоронена заживо.

Глубоко под плитой из своих самых страшных кошмаров.

Голова болит, словно ее раскололи надвое. Мои опухшие глаза закрыты. Я не могу глотать, не ощутив при этом металлический привкус в горле, и я слышу голоса — громкий шепот, который не понимаю.

Они близко, но руки и ноги настолько тяжелые, что я не могу даже пошевелить ими. Не то чтобы мне хотелось.

Я пытаюсь вспомнить свои последние шаги. Покрытый льдом тротуар. Магазин на углу. Логан и Лили. Выстрелы. Крики. Кровь.

Дым.

У меня перехватывает дыхание, когда холодная реальность обрушивается на меня. Я больше не в магазине. Я точно это знаю. Запахи, звуки, все незнакомо.

А еще я слишком напугана, чтобы открыть глаза и увидеть весь тот ужас, лежащий передо мной. Слишком напугана, чем когда-либо в своей жизни. Слишком напугана, чем тогда, когда в детстве собственная мать пыталась утопить меня в ванной.

— За каким чертом, ты притащила ее сюда?

— Мы не могли бросить ее. Они бы убили ее там.

— Это разве не твое дело? Разве эта не главная задача? Она должна быть мертвой. Очень, очень мертвой.

— Нет, если они уже знают, что она такое. Смерть будет благословением для нее. Для каждого.

Они говорят обо мне, но я ничего не понимаю. Что она? Я девушка. Ничтожная, несущественная девушка-невидимка. Забыли. Что, черт возьми, они хотят от меня? И почему... почему хотят убить?

— Не такой был план, Лил. Черт побери, придержишься плана. Мы не можем делать исключения, каждый раз, когда ты испытываешь желание приютить человека, сбившегося с истинного пути.

— Нет, она права. Они не могли бы оставить ее. Только не так.

Три голоса. Двое мужчин и... Лили. Лили была здесь. Дерьмо, они и ее схватили. Или... нет. Погодите. Не схватили. Она с ними. Она одна из них.

— Это не моя инициатива, — говорит она. — Ли сделал выбор. Если он решил взять ее, значит... на то есть уважительная причина.

— Блядь! — Голос одного из мужчин, который хотел оставить меня. Или убить. Если бы я могла дотянуться и почувствовать его мысли, то нашла, как ненависть и злоба разлагают его пустую душу.

Но удар по голове вывел меня из строя и я не в состоянии установить связь. Я не могу сосредоточиться через боль. Хорошо. Подобное зло эхом отражается в темных уголках твоего подсознания. Я не хочу чувствовать тьму внутри себя.

Второй мужчина говорит, его голос намного чище, мягче, у него такой глубокий, чувственный баритон. В нем присутствует акцент элегантности, такой голос привлекает и

его хочется все время слушать.

— Он сказал почему?

— Нет, — отвечает Лили. — Но скорее всего это связано с Прыгуном.

— Ли уверен? — спрашивает второй мужчина.

— Нет, но... разве ты не чувствуешь? Кроме того, мы должны быть полностью уверены, прежде чем избавимся от нее. — Избавимся от нее? Что такое говорит Лили? Зачем она...?

— Ну, есть только один способ выяснить это. Давайте посмотрим, что скрывается под этими одеждами.

Твердые, тяжелые приближающиеся шаги резко заставляют мои инстинкты проснуться и позволяют страху взять вверх над болью в голове. Внезапно, я открываю глаза и рот, и начинаю кричать.

— Отвали от меня! Отвали, блядь, от меня!

Кулаками и ногами я рассекаю воздух перед собой, отчаянно пытаюсь удержать подальше моих похитителей. Надменный, грубый смех лишь больше меня выводит из себя. С обжигающими слезами ярости на глазах, я сосредотачиваюсь на звуке, исходящем сверху от моего места, где я сижу на холодной древесине.

— Она маленькая хлопущка. Мне это нравится, — иронизирует он. Тот, кто хотел оставить меня умирать. Огромный мужчина с кривым шрамом на лице, который тянется от правого уха до уголка рта, словно он пытался вырезать на лице с помощью ножа вечную улыбку.

Он очень коротко подстрижен, практически на лысо, что до безобразия выделяет уродство на его светлой коже. С ног до головы он одет в черную кожу, руки открыты, демонстрируя бугрящиеся мышцы.

Он убийца, в его разуме нет никаких сомнений. И мне не нужно чувствовать его темные мысли, чтобы понять то, что он, не задумываясь, свернет мне шею. Без всяких угрызений совести.

— Оставь ее, — говорит Лили, делая шаг ему навстречу. Она тоже одета во все черное, это совсем отличается от ее повседневной одежды с цветочным принтом и джинсов. Я знаю ее... знала... но эта девушка не моя подруга. Ее лицо... голос... те же самые, но она незнакомка. Волк в овечьей шкуре. Я так отчаянно хотела верить, что в мире еще осталось добро, что не замечала ложь.

Я отползаю по полу, пока спиной не ударяюсь о кирпичную стену, которая обдирает мне кожу и на свитере проступает кровь. Еще один мужчина подходит к Лили.

Его кожа темно-бронзовая, глаза оттенка расплавленного меда. Он улыбается мне, но есть что-то такое в его лице.

Или возможно это то, что я хочу увидеть... то, что необходимо видеть. Он поднимает руку, чтобы остановить первого мужчину, идущего ко мне, и предупреждает его дать мне пространство. Он владелец второго голоса, который согласился с тем, что они не должны были оставлять меня. Но тогда зачем было брать меня?

— Серьезно, я не собираюсь сидеть и ковырять пальцем в заднице, ожидая, когда ее призовут. Лил, ты должна проверить ее или я проверю, — говорит накаченный Лысоголовый.

Лили сомневается, но она делает шаг вперед, вскинув руки перед собой ладонями вверх.

— Не подходи ко мне, — дрожащим голосом предупреждаю я. Я пытаюсь отойти, но путей отступления нет. Справа меня стена и, кажется, слева стоит прикроватный столик.

Кроме этого еще стоит кровать. Я в спальне.

О нет. Нет.

Ничего. Ничего, кроме этого.

Я кричу, молясь, что мои крики о помощи пробьются сквозь кирпичные стены. Все еще поглядывая на своих похитителей, я ищу что-нибудь, что смогу использовать против них, но здесь практически ничего не валяется. Ни обуви, ни книг, ни пустого стакана. Никаких признаков жизни.

Я пулей мчусь к тумбочке, хватаю одиноко, стоящий светильник и швыряю его со всей силы. Не дрогнув, Лицо со шрамом, ловит его в воздухе.

— Ты пожалеешь об этом, — рычит он, сделав рывок вперед и заставляя меня отпрянуть.

— Ли будет чертовски зол, если ты убьешь ее, — произносит безымянный голос. Еще один мужчина появляется в поле моего зрения и смотрит на меня сверху вниз, у него темные раскосые глаза, в которых читается веселье. Он одаривает меня яркой улыбкой, прежде чем переводит взгляд на его сообщника.

— Ты же, знаешь, Ли ненавидит беспорядок.

Новичок, как и его криминальные дружки, одет во все черное, хотя его одеяние мне больше напоминает современного самурая. У него даже за спиной скрещены два клинка. Так вот как я умру? Меня нарежут на ленточки перед кучкой садистов?

— Хорошо. Я сделаю это, — слышится другой голос позади него. Самурай отходит в сторону, пропуская блондина с волосами до плеч. И это Ли? Seriously, сколько нужно людей, чтобы похитить одну, незащищенную девушку?

На удивление, он одет в джинсы и голубую рубашку, хотя его высокое, мускулистое тело не делает его менее опасным. Игнорируя мои крики, он подходит ко мне и сжимает мой свитер длинными пальцами.

— Пожалуйста. Я сделаю все, что угодно. Только прошу... прошу, не делайте этого, — плачу я, давась слезами. Дрожащими руками я пытаюсь оттолкнуть его, но я еще слишком слаба от удара по голове.

В любом случае, я ему не ровня или другим четверем психопатам, которые смотрят сейчас на меня с разным уровнем презрения и скептицизма.

— Успокойся, лапуля. Я не причиню тебе боли, — мягко говорит блондин. Его голос, словно обмакнули в сахаре, но я могу сказать, что его язык покрыт ядом.

Я хочу верить его словам, но что-то в его неземной красоте настораживает меня. Внешне он выглядит почти ангельски — светлые волосы, светлые глаза, долговязое, томное тело.

Он на самом деле напоминает мне Лили. Но я ошиблась насчет нее. Ангелы не похищают невинных женщин и не держат в заложниках в чужой спальне, пока ее друзья насилуют девушку до смерти.

— Чт... что вы хотите от меня? — хрипло бормочу я.

— Хочу от тебя? — Он улыбается. — Я ничего не хочу от тебя, лапуля. Кроме того от тебя воняет.

— Тогда... почему? Почему я здесь? У меня нет денег. Я ничего не знаю. Что... Что вы собираетесь сделать со мной?

Улыбаясь, красивый, светловолосый мужчина цокает и качает головой.

— Поживем-увидим.

Затем без предупреждения, он крепко хватает меня за свитер и тянет, пытаясь стащить с меня. Я извиваюсь и сопротивляюсь ему, но его хватка нерушима. Хотя он выглядит грациозно и изящно, его тело сделано из камня.

— Пожалуйста, — молю я снова, слезы текут ручьем по моему лицу. — Я не нужна тебе. Ты не должен этого делать. Просто отпусти. Клянусь, я никому не скажу.

Светловолосый парень резко делает шаг назад, освобождая мое тело от некогда непреклонных тисков.

— Прекрати.

— Клянусь. Я ни слова не скажу. Пожалуйста, не насилуй меня.

Мужчина поднимает глаза к потолку, потом переводит взгляд на друзей, его голубые глаза наполнены противоречием.

— Какого хрена! — Издается грубый практически животный рык, от которого содрогается пол под моим дрожащим телом. И затем появляется — он. Мужчина... сероглазый незнакомец из магазина заходит в комнату, раздраженно расталкивая похитителей в сторону.

Его красивое, суровое лицо искажает отвращение, когда он быстро опускается на колени и, схватив меня за свитер, разрывает его пополам, словно кусок бумаги. Я даже не успеваю возразить.

И даже если бы смогла, я слишком поражена его присутствием... угрозой, которая кажется, охватывает его тело... ощущением его огромных рук на моей оголенной коже, говорящих лишь единственное слово.

Я пытаюсь прикрыться, но это не мешает ему развернуть меня и прижать лицом к стене. Мозолистым пальцем он проводит вдоль всего моего позвоночника, посылая чувство страха и непрошеного желанья по моему трясущемуся телу.

— Это правда, — выплевывает он, словно ему противно прикасаться к моему телу. — Она та самая.

Затем также быстро, как он зашел в комнату, погружая всех в молчание своим бесспорным доминированием, он покидает ее без единого слова и взгляда в мою сторону.

Удовлетворенные его заявлением, один за другим остальные выходят из комнаты, пока только не остается Лили, которая смотрит на меня большими от шока глазами... или страха.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но медлит, решив проглотить слова, она вслед за друзьями выходит из комнаты. Захлопнувшая дверь позади нее окончательно решает мою судьбу.

Я пялюсь на дверь, когда солнце поднимается в небе. Я больше не кричу и не борюсь. Нет никакого смысла. Отсюда мне живой не выбраться.

Должно быть уже поздний вечер, когда я слышу, как открывается дверь. Я уснула после того, как от злости и смущения проплакала в окровавленные ладони. Я спешно сажусь с пола и оборачиваю разорванный свитер вокруг обнаженного тела.

Лили закрывает за собой дверь и поворачивается ко мне с серьезным видом. В одной руке у нее поднос, видимо с едой, а в другой сумка.

— Привет, — шепчет она. Она не подходит ко мне. Может быть, в ее изощренном уме она ждет, что я приглашу ее с распростертыми объятиями. Хотя если честно, то я благодарна, что здесь есть знакомое лицо. Ненавижу это.

Ненавижу, что смотрю на нее и вижу свою подругу, но с этим ничего не поделаешь. Я совершенно одна и полностью потеряна. Она — единственное, что дает мне надежду.

— Что ты здесь делаешь? — из-за пересохшего горла, хриплю я. Я должна умолять ее помочь мне, чтобы освободиться, но не могу. Мне больно. Я впустила этого человека — убийцу — в своё сердце, а она причинила мне боль.

— Подумала, что ты захочешь привести себя в порядок. И поесть чего-нибудь.

— Ты ошиблась, — вру я, и тут же живот предательски урчит от голода. И блондин прав. После того как я испачкалась в крови, в собственной блевотине и поту, от меня воняло.

Лили оглянулась назад на дверь и нахмурилась, потом снова посмотрела на меня.

— Ли хочет, чтобы ты искупалась и поела. Так что... пожалуйста. Для тебя же будет лучше сотрудничать с нами.

— Почему я здесь, Лили? Кто эти люди? Черт... кто ты?

— Я твой друг, Иден.

— Дерьмо собачье. Если ты мой друг, ты скажешь где, черт возьми, я и почему, блядь, я здесь.

Она вздыхает и закатывает свои небесно-голубые глаза.

— Я спасла тебе жизнь.

— Брехня. Ты хотела убить меня. Ты спасла меня лишь для того, чтобы притащить сюда и сделать все самой.

— Успокойся. — Размеренными шагами она подходит к тумбочке и ставит поднос, а сумку опускает на аккуратно застеленную кровать. — Ты не должна так говорить.

— Пошла. Ты.

Лили качает головой, садясь на кровать.

— Смотри, мы можем сделать это двумя способами. Ты можешь пойти в ванную, принять душ и переодеться, или я тащу тебя туда, раздеваю догола и тру до тех пор, пока кожа не слезет. Так, что выбирай.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то пошлое или даже пригрозить насилием, но быстро закрываю его обратно. Лили не милая, нежная принцесса, которой я ее считала.

Это девушка из фильмов Марвел, укомплектованная ножами и акробатическими трюками. Никогда не видела ее такой. Я никогда не видела, чтобы она так двигалась когда-либо. Я видела отморожков и бандитов раньше. Дерьмо, я сама участвовала в нескольких разборках в ночных клубах. Но ничего не видела подобное ей.

Я стараюсь протянуть руку и коснуться ее разума своим, надеюсь увидеть какие-либо признаки опасности. Если у меня получится, то я могла бы попросить ее отпустить меня. Но ничего не выходит.

Белый шум. Я никогда не чувствовала необходимость проникнуть в ее голову, Лили никогда не давала для этого повода. Теперь, когда у меня есть один, я не могу установить связь.

Я пробую еще раз, фокусируя всю энергию, и направляю ее на Лили, которая сидит в шаге от меня. На лбу и переносице выступает пот. Мое дыхание становится прерывистым, а сердце бешено колотится.

Я хватаюсь за нее, и тяну себя, словно старую резинку, которая уже порядком износилась и вот-вот порвется, угрожая разрушить собственный разум.

Но потом, до того, как сдаться, я чувствую это. Трещина в разуме. Совсем небольшая трещина, которая даст мне доступ к ее разуму. Но в ту же секунду, как только ломаю барьер невидимой рукой, я встречаюсь с мучительной болью.

Я сжимаю зубы так сильно, что, кажется, они стираются в порошок, когда я кричу сквозь них. Глаза слезятся, и тонкие соленые ручейки текут по моим щекам. Металлический вкус наполняет рот, когда из носа хлещет кровь.

Я умираю, умираю, умираю.

— Не надо, — легкомысленно говорит Лили. И с этим одним словом боль уходит, словно ее никогда и не было, оставляя меня кашлять и плевать.

Я хватаю ртом драгоценный воздух, который покинул мои легкие. Слезы и темно-красная кровь каплют на деревянный пол. Если бы не смотрела на крошечные лужицы перед собой, подумала бы, что мои мучения мне привиделись.

— Что ты сделала со мной? — хрипло произношу я, пытаюсь отдышаться.

— Ничего милая. Но если ты не будешь сотрудничать, это будет наименьшей из твоих проблем.

Нет. Нет. Нет. Только не так. Я не могу умереть вот так.

Смирившись со слабостью, я поднимаю разрывающуюся от боли голову и смотрю на еще одну дверь. Она, должно быть, ведет в ванную комнату.

Честно говоря, я так хочу писать, что даже больно и меня уже тошнит от вони и привкуса крови на зубах, но я не скажу ей об этом. Не могу позволить ей думать, что я послушная — что я принимаю то, что со мной происходит.

Даже если она порвет меня на кусочки. Даже если я практически безоружна.

— Хорошо. Я приму душ. Но только если ты скажешь, что здесь происходит.

Она качает головой.

— Не могу. Не сейчас.

— А когда?

Она смотрит на закрытую дверь спальни, а потом на меня.

— Скоро. Когда Ли скажет, что пришло время.

Ли. Снова это имя. Какой-то босс мафии? Наркобарон? В любом случае, что ему надо от меня? Я никто.

— Хорошо. Но только ответь мне на один вопрос — лишь один. И я сделаю, что ты просишь. Я не спрошу тебя, почему я здесь или что вы планируете сделать со мной. Я только... мне необходимо знать.

— Один вопрос? — Лили приподнимает тонкие брови.

— Да. Ответишь честно, и я пойду в ванную без всяких слов. Я даже съем твою еду.

Она закатывает глаза и досадно вздыхает.

— Хорошо. Один вопрос. Давай, я слушаю.

Я поднимаю глаза на девушку, которую считала одной из своих подруг. Мне тяжело любить, большинство людей считают меня слишком холодной и эмоционально закрытой для отношений.

Но Лили... она никогда не сдавалась. Она никогда не заставляла чувствовать себя аутсайдером. И она никогда не жалела меня. Она приняла меня — бедной, брошенной и забытой. По крайней мере, я так думала.

— Ты когда-нибудь по-настоящему заботилась обо мне, или это все уловки, только чтобы схватить и, в конечном счете, убить меня?

Не моргнув глазом, Лили просто отвечает:

— Да.

— Да — заботилась? Или "да" — это все было инсценировано.

— Да... и то, и другое.

Без всяких слов, я поднимаюсь на ноги и осторожно беру сумку. Затем иду в ванную с растоптанным сердцем в моем горле.

* * *

Ненавижу признавать это, но душ оказался именно тем, что мне так было необходимо. Я не понимала, как ужасно выглядела, пока не посмотрелась в зеркало. Засохшая, шелушащаяся кровь покрывала лицо и грудь, а также довольно хороший слой блевотины на волосах. Моя одежда была порвана и испачкана в результате спасения.

В ванной безупречный порядок, как и в спальне, и также холодно. Из туалетных принадлежностей только кусок мыла и бутылка шампуня. Я намыливаю, тру, смываю и повторяю, отчаянно пытаюсь смыть останки погибших русских и события прошлой ночи с себя.

Хотя и сложно было это сделать с шишкой размером с мяч для гольфа, но я все же добилась серебристо-сияющего цвета. Кончиками пальцев я касаюсь ужасного на вид комка и вздрагиваю. Он, должно быть, ударил меня рукояткой пистолета.

Или возможно я перепугала холодную сталь с его кулаком. В любом случае, этот ублюдок вырубил меня, словно я была не больше, чем грязным, бешеным животным. И без единого грамма раскаяния.

При воспоминании, глаза слезятся, и я быстро смахиваю злостные слезы.

После того, как вытерлась небольшим и на удивление мягким полотенцем, я открываю сумку с вещами. И ожидаю увидеть стандартные вещи: невзрачные брюки, футболку и какое-нибудь нижнее белье.

Но чего я не ожидаю, так это увидеть свои собственные вещи. Вещи из моей комнаты. Моей квартиры. Вот дерьмо. Они были у меня дома. У нас дома.

Я оставляю включенную воду в душе, создающую завесу пара в замкнутом пространстве, пока роюсь по шкафам и ящикам.

Ничего — ничего, чтобы я смогла использовать в качестве оружия. Ни намёка на моего похитителя. Даже нет бритвы или булавки. Пусто, холодно и строго. Нержавеющая сталь против кирпича.

Я прекращаю искать и с неохотой выключаю воду, а затем покидаю временное убежище ванной комнаты. Лили ушла, и что-то зашевелилось в моей груди. Я ненавижу ее. Ненавижу за то, что лгала.

Но также знаю, что она нужна мне. Она мой лучший шанс выбраться отсюда.

Она призналась — что заботилась обо мне. И если в её сердце все еще живет привязанность, возможно, я смогу заставить ее отпустить меня. Это займет время, и каждую унцию желания, но если я смогу надавить на маленькие трещины в ее совести, то возможно, смогу выбраться отсюда живой.

Как можно тише, я обыскиваю комнату сверху донизу, в поисках чего-нибудь лишнего. Дверь заперта — не удивительно.

В ящиках ничего нет, кроме мужской одежды, здесь кажется, нет никаких косметических средств по уходу или ювелирных изделий.

Есть шкаф, но он закрыт, а за ним стальная дверь. Вот что мне нужно. Возможно она мой билет на свободу. Или может как раз наоборот. Самурай сказал, что Ли не любит беспорядок. Возможно там, они планируют убить меня.

Здесь одно окно, на котором стоит решетка. Кончиками пальцев я касаюсь матового стекла и смотрю вниз на улицу, наблюдая, как мир проносится мимо меня, словно черно-белое немое кино.

Я все еще в Чикаго. От этого мне должно быть легче. Но вместо этого осознание души меня, я отхожу от окна, не желая ничего больше видеть.

Тихо. Двадцать два года жила в этом городе и в нем никогда не было тихо. Никогда. Окна звуконепроницаемые. Кричать о помощи бесполезно.

Побежденная, измученная и напрочь опустошенная, я плюхаюсь на кровать. Я в жизни не видела такой огромной кровати.

Одеяло стального цвета, кажется удивительно мягким под ладонями, и подушки массивными и мягкими. Это странно и не вписывается в суровость интерьера комнаты.

Поднос с едой по-прежнему стоит на прикроватной тумбочке, мой живот сводит спазмами от голода, поэтому подойдя к подносу, я поднимаю металлическую крышку. На тарелке гамбургер и картофель фри.

Еда, которую можно есть без ножа и вилки. Умно. С волчьим аппетитом я съедаю половину гамбургера и запиваю бутылкой воды.

Хоть еда и остыла, но она вкусная. Наверное, лучшее, что я когда-либо пробовала, учитывая то, что я не ела уже почти сутки. Может быть даже дольше. Я не уверена, сколько прошло времени.

Онемение начинается с моего языка, затем медленно скользит по горлу, как токсичный слизень. Я выплевываю картофель-фри и руками сжимаю шею в безнадежной попытке вырвать яд из онемевшего пищевода.

Я глотаю воздух, вбирая жизнь, чтобы смыть смерть, которая душит мои беззвучные вопли. Захлебываясь слезами, я кричу о помощи, но вырвавшийся голос из горла был едва слышен.

Я захлебываюсь собственной слюной, барахтаюсь в море простыней цвета грозových облаков. Я борюсь остаться на поверхности, но падаю все глубже... глубже... на дно к собственной кончине.

Перед широко раскрытыми глазами, в ярких цветах мелькают кадры из моей жизни, и вдруг в поле зрения появляется знакомое лицо. Ухмыляющееся. Ждушие. Оно наблюдает...

как я умираю.

Я не одна. Я чувствую это. Ощущаю их безжалостные взгляды на себе, ожидающие меня для потехи над моей упрямой смертностью.

— Ты очнулась, — произносит голос с акцентом. Думаю, это французский. Французский... и что-то ещё.

— Замечательно. Мы уже заждались.

Мой пульс трепещет, словно я выскакиваю из кожи. С непослушными и вялыми конечностями я стараюсь изо всех сил сесть и перетащить свое тело на другую сторону кровати.

Темнокожий человек с медовыми глазами сидит не более чем в футах от меня, его лицо выражает любопытство — возможно, его даже позабавило мое барахтанье.

Я поднимаю взгляд и вижу другого мужчину с кожей цвета высушенного солнцем песка пустыни, стоящего у подножия кровати, и молчаливо наблюдающего за мной радужкой оттенка сажи.

— Что вы хотите? — хриплю я, сдавленным горлом. Мужчина с кожей цвета ночи протягивает мне бутылку с водой. Я пытаюсь схватить ее, но потом останавливаюсь, вспоминая себя. — Вы одурманили меня.

— Это сделал не я, но да, тебя одурманили. Я прошу прощения за неудобства.

Он ставит воду на тумбочку, с которой убрали остатки отравленной еды. — Мы не хотели рисковать, ты могла пострадать во время медицинского осмотра. Но уверяю, ты была в безопасности. Это не было насилием. И вода чистая.

Его слова проникают сквозь мой затуманенный разум, и я лихорадочно оцениваю свое тело. К моему облегчению, я полностью одета.

Но мысль о незнакомце... этом монстре... прикасающемся к моей обнаженной коже...

— Ты осмотрел меня?

— Если коротко, то да. Я врач, между прочим. Я просто осмотрел ушиб и сделал несколько записей о любых отличительных знаках.

— Ты прикасался ко мне? — Я хочу закричать, но выходит сдавленный хрип.

— Пожалуйста, Иден. Успокойся. Я не причиню тебе вред.

— Вы накачали меня наркотиками, похитили и прикасались ко мне, даже не сказав и слова о том, почему я здесь. И я должна верить тебе? Какому-то уроду, которого я даже не знаю!

Мужчина кивает.

— Было бы идеально. Я Феникс. Мой напарник Джин. Я надеялся поговорить с тобой.

Я перевожу взгляд с Феникса на Джина, чье лицо не выражает каких-либо эмоций.

— Я говорила вам — у меня ничего нет. Я ничего не знаю. Вы схватили не того человека.

Феникс качает головой, от чего длинные, смотанные дреды, перевязанные на затылке, слегка касаются его темной туники.

— Я не верю в то, что мы ошиблись. Ты та, кого мы так долго искали.

Тем не менее, здесь есть... неувязочка. Я надеюсь, ты поговоришь со мной, чтобы мы

смогли выяснить это по-хорошему, насколько это возможно. Ты найдешь мои методы более... приятными... чем моих коллег.

Я борюсь с ядом, помутившим разум, пытаюсь найти доводы в его словах.

— Приятными? — Я отодвигаюсь от него так далеко, насколько позволяет мое вялое тело. Бессмысленно покидать кровать; такое чувство, что мои ноги не двигались в течение года.

— Мои друзья склоняются к грубой силе, — отвечает он, и смотрит на меня с другой стороны кровати. — Я отдаю предпочтение интеллекту.

— А он? — спрашиваю я, указывая подбородком на Джина. Он стоит, словно статуя и только его мрачные глаза двигаются под палантином, венчающим его голову. Я даже не уверена, что он дышит.

Прежде чем ответить, Феникс смотрит на своего друга.

— Джин руководствуется строгим кодексом этики, сильно отличающимся от всех наших. Уверяю, он не представляет угрозы.

— Тем не менее, я здесь не по своей воле. Он соучастник моего похищения. — Я смотрю на Джина обвиняющим взглядом, как раз вовремя, чтобы увидеть небольшое подергивание уголка его рта. Его руки сжаты в кулаки по бокам.

Я определенно дразню зверя, но это хорошо. Это маленькая реакция говорит о том, что мне нужно знать. Она дает мне надежду.

Раскаяние. Он чувствует угрызение совести за то, что сделал со мной. Может быть, он даже был против.

— Не все является тем, чем кажется, — отвечает Феникс, возвращая мое внимание к нему. — Ты скоро увидишь это. Или возможно нет. — Он берет блокнот и ручку на кровати, которые я не сразу заметила. — Это приказ, так что начнем. Ли не захочет ждать слишком долго.

Ли. Снова это имя. Хранитель моей судьбы.

В качестве акта доброй воли, я поспешно подвигаюсь немного к середине кровати. Я не буду уламывать его пошлостью. Возможно, очарую для получения ответов.

— Кто такой Ли? — спрашиваю я самым нежным и сладчайшим голосом.

Феникс улыбается, идеально изгибая полные губы и сверкая белыми зубами. Он красивый мужчина. Трудно не признать это. Но есть что-то такое в его красоте, что кажется...просто нереальным.

Он преступник. Он не должен быть необыкновенно красивым. Я не должна замечать, как безупречно обрамлены темными ресницами его миндалевидные, глубоко посаженные глаза.

Я не должна задаваться вопросом, на его скулах кожа такая же гладкая, как мрамор. Это обман. Побочный эффект от наркотиков в моем организме.

Я делаю глубокий вдох и выталкиваю себя за пределы тела, словно протягиваю руку, пытаюсь прикоснуться своим разумом к его. Я хочу доверять ему.

Я хочу верить, что меня привезли сюда не для того, чтобы казнить. Но я не могу больше доверять улыбчивому облику. Его слова ничего не стоят. Но душа никогда не врет.

Боль. Изнурительная боль прорезается сквозь кожу головы, вырываясь мучительным криком из моего охрипшего горла. Я сжимаю голову, умоляя сквозь рыдания прекратить это.

Я чувствую, как пульсирует мой мозг, как давит на стенки черепа. Я представляю, как он сочится из ушей, мягким месивом розовой плоти, превращающейся в кровавую жижу.

И потом все прекращается.

— На твоём месте, я бы не делал этого снова, — отмечает Феникс, окинув взглядом мое покрытое испариной лицо. — Ты сделаешь себе больно.

— Да? — я судорожно дышу, моргая сквозь слезы. Боль исчезла, за исключением тупой головной боли, которая была у меня с момента моего пробуждения от медикаментозного сна.

Секунду назад, я могла поклясться, что мой мозг стерли в мелкий порошок, но сейчас... ничего.

— Ты пытаешься прочитать мою душу. Это не сработает. Так же как это не сработало с Лил.

— Что?.. — Как? Откуда он знает? Никто не знает обо мне. Никто с тех пор, как я совершила ошибку, рассказав матери о том, что могу делать. Она была уверена, что я одержима, и пыталась изгнать дьявола из меня. После этого, я никогда не говорила и слова об этом.

Феникс улыбается словно сожалея.

— Твои трюки не сработают со мной или с кем-нибудь еще здесь. Ты не сможешь согнуть нашу волю. Но можешь заработать аневризму, если один из нас решит впустить тебя.

— Но... как? — бормочу я, прижимая дрожащую руку к сухим, потрескавшимся губам. — Откуда ты знаешь? Ты такой же, как я?

Он качает головой, прежде чем перевести свой взгляд на блокнот, в котором что-то записывает таким неразборчивым почерком, что я не могу прочесть.

— Не совсем.

— Тогда как ты узнал?

Черт, даже я не знаю, что я.

Медленная, хитрая улыбка растекается по его губам.

— Мы знаем все о тебе, Иден Фейт Харрис. Как я уже говорил... мы искали тебя достаточно долго.

Сначала Феникс задает простые вопросы. Вес. Рост. Возраст.

Вещи, которые он уже знает. Он проверяет меня, пытаюсь увидеть, лгу ли я, даже о чем-то несущественном. Затем он переходит к более трудному дерьму. Дерьму, которое я похоронила очень давно.

— Расскажи мне о своих родителях.

Я беззаботно пожимаю плечами.

— Отца у меня не было. Мать была сумасшедшая.

— Это всё?

— А что ещё рассказать?

Феникс откладывает блокнот и изучающе смотрит на меня янтарными глазами. В его глазах читается сочувствие.

— Кем был твой отец?

Я снова пожимаю плечами.

— Откуда я могу знать? Он ушел, когда я была еще ребенком. Моя мама сказала, что он был священником. Я полагаю, он чувствовал, что Бог нуждался в нем больше, чем его семья. Не то, чтобы я виню его в этом.

— А почему?

Я смотрю на свои плотно сжатые руки на коленях. Не хочу думать об этом, не говоря

уже о том, чтобы говорить.

Я не говорила об этом дерьме годами, даже Марии, своей сводной сестре, которую я ласково звала сестренка с тех пор, как мы жили вместе. Я была просто сопливым ребенком, навсегда связанной с ней болью потери и одиночества.

— Моя мать была больна. Наркотики, алкоголь, знаешь... она была наркоманкой. Но более того, она буквально выжила из гребаного ума.

Нахмурившись, Феникс вздрагивает от моих слов.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что она была такой. Психом. Из-за нее мой отец оставил нас, думая, что я не его ребенок. Мать считала, что ее соблазнил дьявол, и она забеременела мной. Она рассказывала это всем, кто ее слушал. Даже пыталась заставить врачей сделать аборт, утверждая, что я испорчена. Когда они отказали ей, она попыталась вырезать меня из себя кухонным ножом.

Феникс бледнеет, затем нервно сглатывает. Что-то похожее на печаль омрачает его точеные черты. Это то, чего он не знал.

— Что случилось?

Я качаю головой и пытаюсь улыбнуться, несмотря на боль в груди.

— Из-за этого открылось кровотечение, и начались преждевременные роды. И как напоминание об этом, у меня есть миленький шрам от плеча до локтя.

Я закатываю рукав рубашки, чтобы показать выпуклый кусочек кожи, который покрыт красочной росписью кружева, черепов и роз.

Странная тишина повисла между нами. Даже его молчаливый напарник неловко переступает с ноги на ногу.

— Все в порядке, — отмечаю я, потянув рукав вниз. — Могло быть намного хуже. После того, как мы поправились, они отправили меня домой... с ней.

Золотистая радужка Феникса вспыхивает яростью, и на мгновение, я клянусь, белки его глаз заволакивает черным.

— Как так получилось? Почему никто не вмешался? — Он встряхивает головой, словно пытаясь избавиться от представленной картины. — Мне жаль, — шепчет он, рокочущим глубоким голосом.

Я пожимаю поврежденным плечом.

— Это то, что случается, когда ты беден. Ели бы нас держали дольше, то набрался бы большой счет, который моя мать не смогла бы оплатить. Мы были проблемой, но только не их проблемой.

Я не знаю, почему я говорю ему все это. Не понимаю, почему показываю свои шрамы не просто совершенно незнакомому человеку, а тому, кто приложил руку к моему похищению.

Но есть что-то в Фениксе — что-то теплое и успокаивающее — то, что делает его знакомым. словно, мы были друзьями в прошлой жизни.

Он закрывает глаза и глубоко вздыхает, переводя дух, словно пытается изгнать своих демонов. С слегка приоткрытыми губами, он смотрит на меня с лицом человека, который бредил моими кошмарами и чувствовал мою агонию.

— Когда появилась седина?

Я задыхаюсь. Откуда... откуда он знает?

— Это один из первых признаков, — продолжает он, словно услышал мои мысли. — Твои волосы начали седеть примерно в восемнадцать лет. Почти мгновенно.

— Откуда ты знаешь про волосы? — в недоумении спрашиваю я.

Он улыбается той улыбкой, которая заставляет меня стремиться быть немного ближе и позволяет моему взгляду задержаться на нем немного дольше.

— Я же сказал, что знаю о тебе все. По крайней мере, почти все. И все признаки вполне предсказуемы. Волосы, родинки на спине, кошмары, отторжение серебра. — Он кивает на кольцо, продетое в носу. — Может быть, у нас еще есть время.

— Это титан, — выдаю я, прежде чем могу остановить себя. — У меня аллергия на серебро. Как ты... откуда ты все это знаешь? Что все это значит?

Я не говорила никому — ни одной живой, дышащей душе — о том, что со мной происходит. Даже сестре, хотя она знала о волосах и кошмарах.

Принимая во внимание то, что вся наша квартира была такой же большой, как эта спальня, было трудно для нее не замечать те ужасы, которые приходили ко мне во сне. Вот почему я выбрала ночную смену.

Каждую ночь она спала спокойно. А я металась, кричала и плакала днем... в одиночку.

Феникс смотрит на Джина, словно спрашивая разрешения. Конечно, он не получает никакого ответа.

— Существует семь предзнаменований. Семь физических признаков, которые подготавливают тебя к Призыву. Некоторые простые, как например твои волосы, потерявшие цвет. Другие могут быть более... настораживающими.

Я трясую головой, не в состоянии понять его слова.

— Подожди. Повтори еще раз. Я не понимаю слово, которое ты только что произнес. Призыв? Призыв к чему? В этом нет смысла.

Внезапно, как будто щелкнул внутренний выключатель, Феникс вскакивает на ноги, держа ручку и блокнот в своей большой руке.

— Ли скажет тебе.

Когда придет время. — Он и Джин, как по команде разворачиваются и направляются к двери. Никаких объяснений. Ни до свидания. Ни обещания спасти или освободить.

— Подождите! Кто такой Ли? Ты разве не можешь сказать мне, почему я здесь? Что, черт возьми, происходит?

Феникс останавливается на середине шага и поворачивает голову, предоставляя мне вид на его скульптурный профиль.

— Твоя мать говорила правду.

Прежде, чем я могу понять, его слова, он уходит, оставляя меня метаться где-то между замешательством и сомнением.

Проходят часы, прежде чем я слышу, как открывается дверь.

Спускается темнота. Та темнота, которая порождает насилие и преступление. Та темнота, которая окутывает наши глубочайшие пороки.

Я тру, уставшие глаза и пытаюсь сфокусировать взгляд на фигуре, входящей в комнату. Он запирает нас, прежде чем падает в кресло у противоположной стены.

От его вида, кровь в моих жилах превращается в расплавленную лаву. Дыхание рефлекторно перехватывает, как будто дышать в его присутствии запрещено.

Звук моего сердцебиения, как гедонистический саундтрек — чувственный, заразительный стук, словно прелюдия обещающая порочность.

Он смотрит на меня взглядом, наполненным гневом. Даже в темноте, кажется, будто эти серебристые глаза светятся. Нервно, я хватаю подушку и прижимаю к груди.

— Что ты хочешь от меня? — шепчу я.

Тишина. Мертвая.

— Почему я здесь? Кто ты?

Он молчит. Он просто наблюдает за мной... нервируя меня так же, как с того момента, когда впервые зашел в магазин. Он хочет, чтобы я боялась, и я не могу ничего сделать, и даю ему желаемое.

— Ты... ты убьёшь меня? — Мой голос срывается на последних двух словах, едва слышно даже для собственных ушей.

Мне кажется, я слышу, как он усмехается в ответ, но не уверена в этом. Ночь окутывает его лицо, делая момент ещё более угрожающим. Он мог напасть, и я бы даже не заметила его приближения.

— Проклятье, ответь мне! — Раскаленный гнев кипит под ледяным трепетом. — Почему я здесь? Чего ты хочешь от меня?

— Я так долго ждал тебя, Иден.

Его голос звучит, как басовая партия в чувственной песни — глубокий, проникающий и мелодичный — от которой мои внутренности начинают вибрировать и растекаться в лужу.

Я крепче прижимаю подушку к груди, обхватывая себя руками и молюсь, чтобы его слова не нашли меня в темноте.

— Зачем?

Минуты проходят. Я даже не уверена, что он слышит меня, пока Ли не отвечает.

— Ты следующая. Но ты обманула смерть.

— Что? Я даже не понимаю, о чём ты говоришь. Я не...

— Ты. Ты рождена для уничтожения. Я был послан, чтобы тебя остановить.

Я сглатываю сухость в горле и сажусь. Моя голова все еще пульсирует от удара. Удара, который нанес — он.

— Кто ты? — снова спрашиваю я.

Прежде чем мой одурманенный разум успеваает отметить его передвижение, Ли уже на кровати и нависает надо мной. Он бьет кулаком в изголовье и прижимает меня своим телом.

Жар скатывается с его сильного тела лихорадочными волнами ярости.

Если бы мы были любовниками, он сжимал бы тяжелую дубовую древесину напротив стены, пока бы скользил внутри меня и трахал. Я бы царапала ему спину, повторяя его имя, умоляя не останавливаться...

Нечёткое изображение мигает в моей голове с каждым ударом сердца, затем распадается на миллион кусков. Я моргаю, пытаюсь вспомнить, где я... кто я.

Но это было так реально. Так ярко, что мои бедра дергаются. Я тянусь к реальности, пытаюсь вернуться сюда и сейчас.

Этот мужчина — это чудовище — не мой любовник. Он здесь не для удовольствия. Он наслаждается только болью.

— Ты точно знаешь, кто, блядь, я такой, — иронизирует он, наполненная ядом ярость капает с его языка.

— Что? Отвали от меня!

— Как давно ты в ней? — кричит он, его нос лишь в дюйме от моего. — Покажись, трусиха! Ты даже не представляешь, что наделала!

— Я не знаю, о чем ты говоришь! — кричу я, толкая его в грудь. Он сделан из стали и гладкого мрамора. Сомневаюсь, что он даже чувствует, как я отталкиваю его руками.

Он обхватывает мое лицо другой рукой, грубо сжимая подбородок. Его пальцы, словно ножи для колки льда, вонзаются мне в кожу.

— Выходи сейчас же! Ты не можешь там прятаться, — кипит от злости он, его лицо настолько близко к моему, насколько это возможно. настолько близко, что я могу ощутить его горячее дыхание и коснуться щетины на подбородке.

— Я не понимаю, чего ты хочешь! Отвали!

Гнев душит мой голос, а слезы отчаяния обжигают глаза. Я поднимаю кулаки, чтобы его ударить, но он с легкостью перехватывает мои руки.

Я брыкаюсь и пинаюсь, чтобы освободиться, но Ли зажимает мои бедра между колен.

Я в клетке его огромного тела, как птица со сломанными крыльями, совершенно беспомощная и побежденная. Он буравит меня глазами, излучающими тысячи оттенков презрения и отвращения. Он ненавидит меня. Это ясно читается в его поразительных глазах, созданных из матового лунного света.

Я готова сдаться, позволить страху и гневу целиком поглотить меня. И тогда я чувствую, как его темные волосы касаются моего лба.

Я взвизгиваю от удивления, когда он опускает голову и прижимает лоб к моему, наши носы, наши подбородки, губы, просто захватывает дыхание. Я чувствую, как его тело дрожит напротив моего, и отчетливо слышу его прерывистое дыхание.

— Что ты делаешь? — кричу я, изо всех сил отпихивая его от себя. И каким-то образом, собрав всю силу, я отталкиваю его. Он остается на кровати, но смотрит на меня одновременно с тревогой и страхом.

— Адриэль, — выдыхает он.

— Что? Да что, черт возьми, с тобой?

Я карабкаюсь по кровати и прижимаюсь спиной к изголовью, стараясь, насколько это, возможно, увеличить дистанцию между нами. Моя кожа все еще горит от его иллюзорного прикосновения.

Я смотрю, не веря глазам, как он изо всех сил пытается взять себя в руки. Его дыхание затрудненное, а в кулаках он сжимает простыни.

Бугрящиеся от напряжения мышцы от запястья до плеча, заставляют темные чернила на

его коже танцевать в тени. Когда он поворачивает голову ко мне, его глаза закрыты, а рот искажён гримасой боли.

— Адриэль, — произносит он натянутым голосом, словно чуждое ощущение застряло у него в горле.

— Иден. Ты знаешь, меня зовут Иден. Я не Адриэль. Я даже не знаю, кто это Адриэль.

— Адриэль, ты не можешь этого сделать. Ты знаешь, что он с тобой сотворит. — Слова ломаются под тяжестью его очевидных мучений. Он открывает глаза, демонстрируя полные луны отчаяния. Я не понимаю и не хочу понимать.

— Ты глухой? Я только что сказала, что меня зовут не Адриэль!

— Не делай этого, — продолжает он, не слыша меня. — Ты не выживешь. Он использует тебя. Ты никогда не найдешь путь обратно.

— Прекрати! Ты сошел с ума! — кричу я. Подпитываемая отчаянием, я мечусь у стены, пока бедра ударяются об кровать.

— Пожалуйста, отпусти меня. Ты взял не ту девушку.

Он качает головой.

— Не могу. Я не могу.

— Не можешь?

Может быть, я все еще в бреду от наркотиков или удара по голове.

Или возможно увидев его уязвимым, он кажется мне менее опасным. Но, тупо, я вжимаюсь в матрас, так чтобы, разобрать при тусклом свете луны, надпись, набитую на его предплечье.

Это... Священная Библия? Иронично, учитывая, что он воплощение истинного греха.

— Слушай, мудака. Очевидно ты не принимаешь лекарства и схватил не того человека, думая, что я Адриэль. Просто отпусти меня, пока все не стало еще хуже. Я не пойду в полицию. Никому ничего не скажу. Я просто хочу домой.

— Нет.

— Нет? Почему нет? Я не та, кого ты хочешь!

— Нет.

— Да что с тобой? — ору я, гнев ползет вверх по рукам, заставляя их сжаться в кулаки. — Ты что глухой? Я сказала, что не Адриэль.

Осмелев и поведя себя глупо, я хватаю близь лежащую подушку и бросаю ее в голову Ли. Ударившись с мягким глухим стуком, она падает с кровати.

Это подобие нападения и, вероятно оно ощущалось не более, чем трепет крыльев бабочки против его напряженной, квадратной челюсти, но что-то в нем... резко меняется. Равно, как и очаровашка, которым он был менее двух секунд назад, из-за чего казался открытым и сломленным. Но, отнюдь, это было не слабостью, а милосердием.

В размытом движении он хватает меня за волосы и швыряет на кровать. От внезапного захвата, кожу головы жалит острая боль, я даже не успеваю обхватить руками голову, как Ли сдавливая мое горло, лишая легкие драгоценного воздуха.

— Никогда. Не. Делай. Так. Снова, — с презрением произнес он, уставившись на меня холодными, неистовыми глазами. — Слушай меня очень внимательно. Твоя жизнь висит на волоске. Снова попытаешься, и я так сожму твою шею, что она сломается. Вечное проклятие не сделало из меня терпеливого человека.

Я открываю рот, но не звука из него не выходит. Едва ли свист. Сейчас я заложница его пристального взгляда, в котором назревает разрушение и ярость.

Она закручивается изящными завитками хаоса, уговаривая, тянет в пучину беспросветного отчаяния. "Не смотри. Не смотри". Но его глаза, словно магнит, приковывают меня на месте. И я это чувствую.

Агонию.

Ужас.

Зло.

Зло такое черное и мрачное, что на мои широко раскрытые глаза наворачиваются слезы. Моя душа плачет, разбиваясь о его злой взгляд.

Физическая боль прокатывается через мое тело, миллион оттенков пыток запечатлеются на моих нервных окончаниях. Я хочу кричать — должна кричать. Но не могу.

Так же, как мое тело скованно и зажато под мощными мышцами, мои чувства взяты в плен. Я не могу моргнуть, не могу говорить, не могу двигаться.

Я всего лишь мешок горячей плоти, корчащейся от ужаса, отраженного в этих серых глазах.

Издали, я слышу голос, который зовет не меня, а его.

Через собственную внутреннюю боль, я не могу разобрать слов, но для него этого достаточно, чтобы медленно отодвинуться, забирая тот греховный взгляд с ним.

Я откашливаюсь, брызжа слюной, поскольку кислород заполняет мои легкие и, опираясь на дрожащие локти, глотаю воздух. Лили стоит в дверном проеме, ее лицо искажает тревога. Не за меня, а из-за сотового телефона в ее протянутой руке.

— Я сожалею, что прервала, но...

Она смотрит на меня, пока я сжимаю шею, горячие слезы текут по моим щекам, затем переводит взгляд на животное, которое стоит на коленях, все еще оскалившись с призрением.

— Ли, у нас проблема.

Я должна была знать. Думаю, я уже знала.

Зайдя в комнату, Лили переводит взгляд с меня на...Ли. Человека, который похитил меня.

Человека, который решает жить мне или умереть. Человека, который вытащил меня из-под окровавленного трупа и хладнокровно ударил по голове. Мой череп продолжает пульсировать от боли как напоминание.

Что случилось? — Его голос ровный и бесчувственный. Как будто это не он душил меня секунду назад, при этом гипнотизируя своим порочным взглядом. Я до сих пор не могу быть уверена в том, что видела и чувствовала.

— Ее сестра... она звонит.

Сестра.

— И что с того?

— Ну... она оставила, по крайней мере, с десятков сообщений, а также обзванивает всех знакомых Иден. Оставила мне голосовое сообщение с угрозой подачи заявления о пропаже. От этого будет больше проблем, чем оно того стоит. — Ее напряженные, голубые глаза скользят ко мне, как бы говоря, "От нее больше проблем, чем она того стоит".

Ли проводит рукой по иссиня-черными волосам, тяжелое, раздраженное дыхание расширяет его ноздри.

— Прекрасно. Позаботься о ней.

— Нет! — кричу я, несмотря на хрипоту в голосе.

— Пожалуйста, я сделаю все. Все что пожелаете. Я буду сотрудничать. Только, пожалуйста, не делайте ей больно.

Они оба смотрят на меня, замешательство пролегло складкой над нахмуренными бровями. Я только что вручила им мою самую главную слабость.

Ли одним плавным движением ног спрыгивает с кровати и берет мобильный телефон у Лили. Мой телефон.

— Тойол патрулирует?

Лили кивает. — Уже там. И Андрас сидит на радиочастоте Департамента полиции Чикаго.

— Отлично. Пусть слушает.

Лили быстро уходит, закрыв за собой дверь. Затем Ли поворачивается ко мне, в его глазах настороженность и расчетливость.

— Звони ей.

Без всякой задней мысли, я кидаюсь вперед, чтобы выхватить свой телефон из его рук.

Он поднимает телефон чуть выше, тем самым я почти впечатываюсь в его твердокаменную грудь.

— Скажи ей, что с тобой все в порядке и ты с Лили. Скажи, что ты решила переехать к Лили, чтобы дать пространство ей с парнем. Скажи, что заедешь за своими вещами и что любишь ее. Сделай так, чтобы она во все это поверила. Но если вдруг ты намекнешь что-либо о нас, то... она умрет, прежде чем ты успеешь нажать "Отбой". Поняла?

— Почему я здесь...? Как я могу говорить ей о том, о чем не имею ни малейшего понятия? — Мой голос дрожит. — Да. И когда я должна сказать ей, что вернусь?

Он бросает телефон на кровать и шагает через всю комнату к креслу и садиться в него, при этом его мускулистое тело выглядит изящно и грациозно.

— Ты не вернешься.

Я отвожу в сторону взгляд, боясь позволить ему увидеть слезы в моих глазах. Я так много плакала за последние дни. Больше, чем сейчас я никогда в жизни не плакала.

Больше чем тогда, когда правительство посадило мою мать под замок, а меня отдали в приемную семью. Больше чем тогда, когда в двенадцать лет начались мои кошмары. Больше чем, когда они пытались разлучить меня с сестрой, единственным человеком, который выказывала ко мне хоть каплю доброты и любви.

Я должна защитить ее. Я должна сделать все, что в моих силах, чтобы уберечь ее от этих монстров. Я не сомневаюсь в том, что он убьет ее, если сестра решится пойти в полицию.

Черт, я уверена, что рано или поздно меня ждет такая участь.

Но я расходный материал. По мне никто не будет скучать. Никого из живущих не потрясет мое внезапное исчезновение. И честно говоря, никто и не удивится, что я попала в дурную компанию.

Поэтому совершенно логично, что похитили меня, а не сестру. Не невинную и настолько же хорошую и добрую. Обо мне забыли уже давным-давно.

Я поднимаю телефон, еще теплый от его ладони. И это возвращает меня обратно... обратно к тому, что эта же рука секунду назад сжимала мою шею. Обратно к нему, разрывающему в клочья мой свитер и прикасающемуся к моей обнаженной коже.

Образ потрясает меня так сильно, что я громко вздыхаю.

Его руки на моих обнаженных бедрах, он скользит ими выше и выше, пока не проникает в мои белые трусики. Эти длинные, толстые внушительные пальцы находят влагу на моей вершине. Дразнят, поглаживают, наказывают...

Я тяжело выдыхаю, когда видение рассеивается, так же быстро, как заполнило мой разум. Я видела и ощущала. Мои трусики стали влажными от преследуемого воспоминания, словно это часть меня. Как будто он был внутри меня. Я неловко сажусь на колени.

— Что-то не так? — Мудак имеет наглость выглядеть самодовольным — забавляемым, как если бы покопался в моей голове и сам взрастил это поддельное воспоминание.

— Нет, — лгу я, отказываясь дарить ему наслаждение от понимания, что он напугал меня.

— Ну... — Он машет рукой в мою сторону, скучающий и готовый вернуться в темницу, из которой он выполз. — Покончи с этим.

Я опускаю глаза на телефон, лежащий в моих потных ладонях. Было бы так просто... всего лишь два слова, чтобы сказать ей, позвонить в полицию. Или я могла бы позвонить в 911 и сделать вид, что разговариваю с сестрой.

Он никогда не узнает. Он даже не подозревает, что я могу быть настолько смелой, чтобы бросить ему вызов. Но потом я вспоминаю слова Лили, о поручении — Андрасу — подслушивать.

Не сомневаюсь, что они прослушивают мой телефон, и, наверное, телефон сестры тоже. Но возможно этого будет достаточно... достаточно, чтобы предупредить ее. Возможно, он слишком увлечется, моим убийством, и сестра будет в безопасности.

— Не пытайся играть в героя, — говорит Ли с его места через комнату, тени

набрасывают маску полуночи на его лицо. Все же, так или иначе, его глаза при лунном свете кажутся яркими. Как будто они на самом деле светятся — расцветают — в темноте. Словно они вырезаны из самой тьмы.

Он знает. Он знает всё. Он не обычный человек. Он — убийца, обученный уничтожать всё, что встанет на его пути. Обученный, чтобы уничтожить меня.

Учитывая его предупреждение, я нажимаю кнопку. Затем другую и другую. Я не позволю ему победить. Он хочет, чтобы я бросила ему вызов, лишь бы у него был повод меня убить. Я не дам ему желаемое. Пока что.

— Сестрёнка?

— О мой бог...Иден? — произносит она заспанным голосом, но тут же оживляется. — Где тебя черти носили? Я звоню тебе вот уже несколько дней.

Пожар в магазине показывают по всем новостям. Я чуть с ума не сошла от страха! Я думала... я думала... прошло 72 часа, как никто не видел и не слышал о тебе.

72 часа. Прошло три дня, как меня похитили. Я даже не поняла, что прошло так много времени.

Словно в живот пырнули ножом. Я ненавижу лгать сестре.

Из всех — из всех людей, которых я оттолкнула, из всех отношений, которые я испортила, из всех страданий, которые причиняла — она была единственным человеком, который удерживал меня к последней частицы моей человечности. Если спасение ее жизни означает потерять сестру, значит, я должна это сделать. Должна заставить ее поверить в то, что я всегда знала: я этого не стою.

— Да, я знаю, — говорю я в трубку, проглотив ком в горле. — Слушай... ничего не выйдет... пока я живу там. Я решила переехать к Лили.

— Что?

— Ага. Так будет лучше. Для нас обеих. Она будет работать днем, а я по ночам. Мы вряд ли увидим друг друга. Я просто... мне нужно уйти ненадолго. Мне нужно пространство.

— Иден. — Ее голос ломается, превращаясь в звук, который ненавистен моим ушам.

Она так много плакала из-за меня. Я не заслуживаю слез.

— Иден, я знаю, что было тяжело. Знаю, ты была в последнее время в депрессии, а из меня вышла плохая старшая сестра. Я обещаю... обещаю, что постараюсь все исправить к лучшему. Я буду меньше работать. Буду проводить меньше времени с Беном. Пожалуйста, не закрывайся от мира. Не притворяйся, будто тебе все равно — словно это не ранит тебя — потому что ты думаешь, что лучше быть одной, чем забытой.

Забытой.

Именно это слово использовали сотрудники Службы по защите прав ребенка, когда нашли меня. Когда они, наконец-то, довели дело до конца. Они знали, что моя мама больна, но они забыли.

К тому времени, когда они дошли до нас, я была не больше, чем кости обтянутые кожей, вся в синяках и шрамах от бесчисленных попыток моей матери "изгнать дьявола из меня".

Они знали, что она убьет меня; она уже пробовала несколькими годами ранее. Она сказала, что пыталась окрестить меня в ванной. Пыталась очистить мою душу от разлагающегося внутри зла.

Она держала меня под водой достаточно долго, и мой хрупкий пятилетний организм сдался. Я перестала брыкаться, метаться и царапаться ради спасения. Я должна была умереть в тот день, но не вышло. Я бы хотела умереть, только лишь избавиться от этой боли

сестру.

Я смотрю на Ли, который, как гадюка, уставился на меня своими серебристыми глазами. Интересно, видит ли он, как я ломаюсь на кусочки, которые падая на пол, рассеиваются, как зола на ветру.

Татуировки, пирсинг, волосы... они мои доспехи. Но его пронизательный взгляд говорит мне, что он видит сквозь всю эту броню. Вплоть до моей холодной, пустой груди.

— Дело не в тебе, сестра. Мне просто нужно... — Время. Пространство. Тишина от тихих голосов в моей голове.

— Ты не должна этого делать, — шепчет она. — Не должна оставаться одна.

Я знаю, что должна врать, но правда обволакивает мой язык. Каждое слово я произношу с мучительной искренностью.

— Да. Да, я согласна.

Она рыдает, поэтому я отнимаю телефон от уха, отказываясь слушать. Не плачь по мне сестра. Все будет хорошо. Просто. Отпусти меня.

Отпусти меня.

— Это ведь никак в прошлый раз? — слышу я, как она говорит, когда я, наконец, нахожу в себе силы и подношу телефон к уху.

— Нет, ни так. — Или время перед этим. Или время перед этим.

— Просто... ты только береги себя. И помни... помни, что я люблю тебя. Кто-то любит тебя, Иден. И я не откажусь от тебя и не забуду.

Прежде чем она сможет сказать больше, я скидываю звонок и кидаю телефон на кровать. Я не сказала, прощай. Не сказала, что тоже люблю ее. Это уже не важно.

"Ты не вернешься".

Я верю ему.

Ли встает и подходит к кровати, чтобы забрать телефон. Не то я в полном оцепенении, не то просто глупа, но я даже не отступаю от него.

— Лил вернется с едой и водой, — ровно говорит он. Я не знаю, почему они так беспокоятся. Зачем оставлять меня в живых, только чтобы убить потом? Может в следующий раз они отравят еду, и она станет моим последним ужином.

Я до сих пор застыла в собственной эгоистичной боли. Но я не сломлена. Я не позволю ему увидеть, что он сделал со мной.

— Почему ты ее так называешь?

Мне кажется, что я слышу его, но не уверена. Я смотрю на него остекленевшими глазами.

— Почему ты зовешь ее сестрой? — спрашивает он с пустым выражением на лице, лишь нахмурив лоб. Не могу сказать, проявляет ли он снисходительность или искренность. Меня это даже не волнует.

— Когда меня отдали в приемную семью, она была там. Так как Сестра старше, она присматривала за мной. Учила, как завязывать шнурки. Заплетать волосы. Я всегда мечтала о сестре, поэтому она сказала, что будет моей. Она вырастила меня. Она любила меня... когда никто не любил. Думаю, она мой ангел-хранитель.

Ли смотрит на меня сверху вниз, глубокая морщина появляется между его звездными глазами, затем он разворачивается и уходит из комнаты. Но прямо уже на самом выходе замирает в дверном проеме.

— Возможно, она была им.

Я стараюсь изображать безразличие, когда Лили приносит поднос со свежей едой, от которой вздымаются нити пара, распространяя аппетитные ароматы пряностей и растопленного сливочного масла.

— Ждешь, что я буду это есть? После того, как вы меня отравили? — С подозрением я смотрю на еду, при этом ненавидя боль в животе от голода.

— Опоили, а не отравили. Хотя Каин не возражал против второго. — Она переводит дыхание и закатывает глаза. — Еда безопасна. Видишь?

Я смотрю с завистью, как Лили берет в руки свежую, маслянистую зеленую стручковую фасоль и надкусывает.

— И как, по-твоему, я должна это есть? — Жареная курица, сливочное картофельное пюре, овощи на пару и булочка. Выглядит всё очень вкусно, словно кто-то вложил душу в приготовление.

Тем не менее, они положили вилку и никакого ножа, чтобы я смогла отрезать кусочек от курицы.

Лили обнажает клинок из-за спины, один из таких кинжалов она воткнула в спину русскому бандиту в магазине... три дня назад. Быстрым движением она погружает его в мясо курицы. Без всяких усилий разрезает ее насквозь, проходя через мясо и кости, словно они, как сладкая вата. Я громко сглатываю.

— Вот, — самодовольно улыбается она. Она берет льняную салфетку и вытирает четырех с половиной дюймовое лезвие, а затем быстро закрепляет его за спиной. Как будто я настолько смелая, что попытаюсь вырвать его. — Ешь.

Я смотрю на еду, представляя пятна крови на испорченном мясе. Затем отламываю кусок хлеба и пытаюсь протолкнуть его по болезненному, распухшему горлу.

— Так... это, правда? — спрашивает она, пока я пытаюсь вилкой отломить кусочек масляной зеленой фасоли.

— Что, правда?

— На счет... Адриэль?

Я трясую головой.

— Я даже не знаю кто это Адриэль? Твой друг, Ли, буйно помешанный. Я ему миллион раз сказала, что я понятия не имею о ком или о чем он говорит. — Я с лязгом кладу вилку на тарелку и смотрю на нее, при этом даже не скрываю гнев. — Seriously, вы ребята с головой совсем не дружите. До тех пор пока не позволите мне уйти, будете удерживать в заложниках не того человека. Какого черта, вам нужно? Деньги? Я говорила, у меня ни цента за душой. Вы тратите свое, блядь, время.

— Мы не держим тебя в заложниках, — говорит Лили с каменным выражением лица, — Мы пытаемся защитить тебя.

— Защитить меня? — язвительно говорю я. — Опоив и напав? Моя жизнь была прекрасной до тех пор, пока в ней не появилась ты и твоя развеселая бесчувственная банда, и не заперли меня здесь.

Лили надменно выгибает бровь.

— Разве?

Нет. Все не так.

Я качаю головой, отказываясь доставить ей удовольствие от моей неловкости.

— Будет только хуже. Чем дольше вы удерживаете меня, тем труднее будет потом вам.

Ты знаешь это. И если ты не хочешь, чтобы твоих друзей трахнули в задницу в тюрьме, ты должна просто отпустить меня.

На лице Лили расцветает решительная улыбка.

— Ты ведь знаешь, что этого не произойдет. И на твоём месте, я бы сделала так, чтобы

Ли не услышал твои слова.

Я отодвигаю поднос с колен подальше, слишком разгневанная, чтобы проглотить ещё один кусок.

— Ли? И почему же мне насрать на то, что он подумает? Я не боюсь его. Не боюсь вас.

— А должна бы, — фыркает она.

Я скрещиваю руки на груди, как какой-то капризный ребенок.

— Да кто он такой? И почему ты позволяешь ему здесь рулить?

Лили вздыхает и откидывается назад на кровать, словно у нее нет забот в этом мире.

Как будто лезвие размером с мою руку не прижимается к ее спине.

— Ли... он своего рода — лидер. Он все начал это. Он собрал нас вместе. Он заставил нас поверить в нечто большее... гораздо большее, чем нам говорили. Он подарил нам надежду.

Я ощущаю во рту отвратительный вкус презрения.

— Убийство невинных людей, есть ваша надежда?

— Если это ради блага, то да. Мы не по собственному желанию убиваем, Иден. Мы убиваем, потому что должны. Это наше призвание.

— Так или иначе, тебя призвали убить меня. — И это не вопрос.

— Изначально, да.

Я практически чувствую, как от щек отхлынула кровь.

— А сейчас?

— Сейчас... — Лили смотрит в потолок, а розовыми наманикюренными пальцами стучит по животу. — Теперь мы призваны для чего-то другого. К чему не готовы.

Я немного подаюсь вперед. Она говорит, рассказывает мне то, что могло бы помочь мне при побеге.

— А кто вы все?

Быстро — слишком быстро, Лили поворачивает голову в мою сторону, ее глаза становятся ярче, чем я когда-либо видела. Ее губы растягиваются в злобещей улыбке.

— Мы зовемся Се7меркой. Мы грешим, чтобы твой вид мог найти спасение.

— Мой вид? — Дюжина различных образов приходит мне на ум. Испуг и замешательство на моем лице, кажется, ее лишь подстегивает.

— Мир — страшное, злобеще место, Иден. Полное зла, которое нельзя увидеть. Но ты уже знаешь об этом.

Я изо всех сил пытаюсь унять дрожь.

— Что вы такое? — снова спрашиваю я.

— Что-то... — Она снова переводит взгляд к потолку, пока я хватаюсь за каждый ее вдох, за каждое моргание ее завораживающих глаз.

Скажи — хорошее. Скажи — доброе.

Скажи — человеческое.

— Что-то другое.

— Другое, как... — Часть меня не хочет знать. Часть меня должна узнать.

Без предупреждения одним быстрым, гибким движением Лили садится. Она даже не притворяется. Она скалится на явный шок, написанный на моем лице.

— Я оставляю право за Ли рассказать тебе. Теперь ты его.

— Что... Его? — заикаюсь я. Но прежде чем я могу получить ответ, она берет поднос на моих скрещенных ногах и уходит. Когда она открывает дверь, я чуть из кожи не выпрыгиваю.

Он стоит, как будто сделан из камня — нерушимый, непроницаемый. Выкованный самой землей и стихией, но Ли снова идет в тень. Темнота обнимает его устрашающее тело, обхватывает его широкие плечи, мускулистые руки и подтянутую грудь.

Серебристые глаза уставились на меня, изучая каждый вдох и выдох, рвущиеся из моей груди. Он рассматривает мою хрупкую смертность. Я подтягиваю колени к груди и обхватываю руками, в надежде, что Ли через этот блок не сможет увидеть мое бьющееся сердце.

— Спокойной ночи, — забавно воркует Лили, проносясь мимо него. Я уже и забыла, что она там стоит.

Он входит в комнату и закрывает позади себя дверь, заполняя пространство своим доминирующим присутствием. С каждым его шагом в мою сторону — я задерживаю дыхание. Я не знаю, что мне делать.

Что сказать. Этот мужчина... монстр... жестоко обошелся со мной. Проклинал меня. Угрожал убить. Он зверь, ждущий удобного момента, чтобы нанести удар и учитывая этот блеск в его глазах, я его любимый вид добычи.

Он подходит к шкафу и достает свернутую одежду, и без слов идет в ванную комнату. Сразу услышав звук льющейся воды, я вскакиваю с кровати, руки и ноги сильно дрожат.

Что он здесь делает? Что он хочет от меня? Мысль о том, что он всего лишь в метре голый и мокрый противна мне. Такой наглый и уверенный, что я под его властью. Я пробую открыть дверь.

И, конечно же, она закрыта. Дрожащими пальцами, я хлопаю по брюкам, ощущая металлические зубья вилки за моим поясом. Лили так была занята своей напыщенностью, что не заметила, когда забирала поднос.

Поскольку я не могу проникнуть в его разум и заставить отпустить меня, то придется отсюда прорываться с боем. Нужно быть умной. Завоевать его доверие. Заставить думать, что я буду сотрудничать. У него должны быть какие-нибудь слабости. Может быть, Адриэль одна из них.

Теперь нужно выяснить, кто и что эта Адриэль и использовать против него.

Я задерживаю дыхание, когда слышу, что вода больше не льется. Мне нужно держать свое остроумие при себе. Если я собираюсь прожить достаточно долго и выбраться к чертям отсюда, то нельзя совершать глупых ошибок.

Дверь открывается, выпуская в комнату клубы пара. Ли выходит, одетый лишь в черные тренировочные штаны, по его золотистой, расписанной чернилами, коже скатываются капельки воды.

Через шею перекинута небольшое белое полотенце, задевающее его темные, вьющиеся волосы на затылке. Босиком Ли направляется прямиком к кровати.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, подавляя дрожь в голосе.

— Ложусь спать.

— Здесь? — скрежещу я.

— Да. И тебе не помешало бы. Завтра, мы начнем.

— Начнем что?

Он не отвечает. А просто поднимает одеяло и своим мускулистым полуобнаженным телом скользит на простыни. Простыни, на которых я спала и плакала. Простыни, которые пахнут чистым хлопком, зимним дождем и ароматным дымом.

— И где именно ты предлагаешь мне спать?

Он тяжело и досадно вздыхает.

— Где только пожелаешь, Иден.

Мое сердце пропускает удар при звуке моего имени, скользящего по его языку и слетевшего с губ. Ни за что я не стану спать с ним в одной комнате, не говоря уже о том, чтобы разделить постель.

С большим усилием, чем того нужно, я вырываю подушку и швыряю ее в дальний угол подальше от него. Он хочет быть мудаком и смутить меня еще больше, отлично. Я не буду умолять его о чем-либо.

— Тебе не обязательно это делать, — говорит он сквозь сжатые зубы.

— Я лучше предпочту спать на жестком полу, чем рядом с тобой, — огрызаюсь я.

— Хорошо. Как пожелаешь.

Он тянется через кровать, через пустое место, которое оставил для меня, и выключает свет. Я слышу, как он выдыхает, выпуская напряжение в воздух. Нехотя я ложусь спиной на подушку, холод от пола жалит мою спину через вязаный свитер.

Минуты проходят, я настороже не смыкаю глаз. Прислушиваюсь к его дыханию, жду, когда от усталости оно станет ровным. Возможно, мне стоит принять его предложение. Будет намного легче воткнуть вилку ему в глотку, когда он будет спать.

— Прости, — тихо говорит он, слова эхом отзываются в обволакивающей тьме.

— Что?

— Я сожалею. За то, что обидел тебя. В магазине и...здесь. — От меня не ускользает резкий тон на слове "прости", словно он не привык произносить его. Или слышать.

— Все в порядке, — лгу я.

— Нет, не в порядке. Я не должен был... — Я не могу видеть его со своего места на полу, но думаю, он расстроенный хмурит брови.

— Я не должен был так поступать. Легко забыться. Срываешься... временами.

Я закатываю глаза. Парень выжил из гребаного ума. Он убийца. Почему такого морально разложившегося монстра волнует это?

— Я просто хотел, чтобы ты знала, — говорит он, отвечая на мой немой вопрос. — Что... мне жаль.

Я не удостою ответом его дебильное извинение. Он не заслуживает моего прощения.

* * *

Я сжимаю холодную зазубренную сталь в ладони, ощущаю, как она режет чувствительную кожу моих пальцев. До безумия острая. Достаточно острая, чтобы превратить плоть и кости в топленое масло.

При мысли от предстоящего насилия между ног становится влажно. Звук трудно

рвущихся в клочья сухожилий. Теплая свежая кровь стекает по моим рукам.

Свет в их глазах меркнет, а лица застывшие и бледные.

Он будет так рад. Счастлив от того, что я сделала для него.

В награду он будет трахать меня среди трупов, которые будут наблюдать за нами с мертвым ужасом в глазах. Я буду почитать на алтаре его толстую длину, восхвалять его, пока он заставляет подчиниться меня.

Кровью он будет рисовать руны на моем обнаженном животе, груди, заднице и между бедер.

Но сначала, я заставлю их всех кричать, так громко, что их рты порвутся. Я заставлю их захлебываться собственной слюной и желчью, пока буду перерезать им глотки и выпускать нутро.

Я сделаю это медленно, так медленно, что они будут молить о смерти. Так медленно, что они станут свидетелями их последней секунды.

Он будет так мной гордиться.

Мой Повелитель.

Мой Хозяин.

* * *

Придя в себя, я бьюсь, окруженная жаром. Оглушительный, почти, что звериный вопль пронзает ночь, разрывая темное пространство, полное серебряных звезд. Нет, не звезд.

Глаз. И нет ни одного забитого животного. Это мой крик.

— Шшшшш, — шепчет Ли, крепко прижимая меня к его голой груди. — Все хорошо. Ты в порядке. Это просто сон.

Он укачивает меня, блокируя ужасы, которые проявились в моем сознании. Шепчет нежные слова утешения в волосы, которые промокли от слез.

Его запах, выжженной земли и полуночного жасмина, обволакивает меня, подавляя ужас на задворках сознания, рассеивая страх. Это казалось настолько реальным, таким ярким. Я чувствовала запах крови, которая стекала к моим ногам.

Я могла слышать их отчаянные мольбы о пощаде. И я чувствовала его внутри себя, наказывая и трахая меня в блаженном забвении.

— Это был всего лишь сон. Все кончено. Теперь я держу тебя.

Слова эхом отозвались в моей голове, придавая заявлению Ли совсем иной смысл.

"Теперь ты его".

Я не знаю, что это значит. Все что я сейчас могу ощущать, так это его изнуряющий жар. Его успокаивающий голос. Его гладкую, холодную кожу у моей щеки.

Где-то на задворках разума, я вспоминаю, что ненавижу его. Должна бояться. Но сейчас я испытываю страх, совершенно по-другому поводу.

Я боюсь себя.

Тёплый солнечный свет струится через решетки на окне, рисуя золотые полосы на моем лице. Ладонями растираю глаза, зеваю и потягиваюсь, снимая острую боль в суставах. Я не вижу Ли и очень рада этому. Когда он рядом мне трудно дышать.

Мои мысли превращаются в бессвязные слова и мямлящие звуки, когда он рядом. Как пережила прошлую ночь, я никогда не узнаю. Но точно знаю, что меня переполняет чувство благодарности. За то, что он здесь, обнимает и утешает меня — я никогда не знала, каково это. Чтобы кто-то сказал мне, что это был лишь дурной сон и что всё это не реально. Я давным-давно научилась подавлять приступы истерии из-за страха, что меня посчитают сумасшедшей.

Как её. Как мою мать.

Свежий комплект одежды, зубная щетка, паста и расческа лежат в том месте, где обнаженная кожа Ли касалась простыней. Невольно, я провожу рукой по мягкому, накрахмаленному хлопку, задаваясь вопросом, могу ли я еще ощутить его удушающий жар.

Находясь в его объятиях, прижимаясь щекой к его твёрдой груди — это уже было чересчур. Но не только его температура тела. Ли слишком много. Слишком настойчивый. Слишком грубый. Слишком ужасающий. Всего слишком много за один раз.

Я иду в ванную, чтобы принять душ и переодеться, благодарная за горячую воду и чистую одежду. Представляя, что Ли был здесь... голый... мокрый... всего за несколько часов до того, как я потеряла самообладание.

Я стряхиваю образ из головы, разочарованная своей же слабостью. Он показал мне немного доброты и капельку сострадания.

Большое дело. Это не делает его менее смертоносным. Не оправдывает того, что он почти до смерти задушил и похитил меня.

Во всяком случае, это делает его еще большим куском дерьма, потому что Ли способен отличить плохое от хорошего. Он знает, что делает. Если бы он был сумасшедшим, я многое могла бы понять.

Я стараюсь не смотреть в зеркало. В любом случае в этом нет смысла. Я всегда гордилась своим резким, эксцентричным взглядом, но сейчас не хочу видеть дикий ужас в глазах. Ненавижу, что не могу контролировать это — то с чем я долго и упорно боролась и старалась понять большую часть своей жизни.

Кто-то принес мои любимые потертые джинсы и удобный свитер. Интересно, сколько же одежды они взяли из моей квартиры.

Возможно, они собрали и перевезли все мои вещи из комнаты, размером с обувную коробку, так как я уже сказала сестре что переезжаю. Не сомневаюсь, что они скрывают свое месторасположение.

Когда я выхожу из ванной, то кровь в жилах холодеет, словно я и не принимала горячий душ. Ли сидит на краю кровати, на той стороне, где я спала. Он одет в черную теплую с длинным рукавом и разрезом под самым горлом кофту, достаточно тесную, чтобы разглядеть под ней очертание его мышц.

Джинсы тоже черные, так же как и сапоги. Руки Ли лежат на коленях, от чего у него

немного задумчивое выражение, он поднимает голову и смотрит на меня, изучая серебристыми глазами каждый дюйм моего тела.

— Ты не постучал? — ляпаю я.

Он поднимает темную бровь.

— Стучать? В собственную спальню?

Его спальня. Я спала — с ним — в его спальне. Это не просто комната для пленников. Это его личная комната, где он живет. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

Ли разминает шею рукой и хмурится.

— Выглядишь... отдохнувшей.

Комплимент? Но почему Ли выглядит так, словно ему больно? Все равно. Я не отвечаю.

Он встает и шагает в сторону двери.

— Пойдем, — командует он, не глядя на меня.

Он дает возможность мне покинуть комнату. После почти четырех дней заточения, — половину которых я провела без сознания и накаченная наркотиками — он выпускает меня. Возможно насовсем? Это могло бы произойти. Моя свобода могла ждать меня по другую сторону двери.

Или меня ждет что-то ужасное. Возможно, Ли ведет меня не на свободу. Возможно, он ведет меня на смерть.

Украдкой, я проверяю вилку, закрепленную на внутренней стороне пояса джинсов. Возможно, этого будет недостаточно, но если пришло мое время, то я заберу кого-нибудь из них с собой.

На трясущихся ногах, я следую за ним из комнаты, которая выводит в длинный коридор. Пять дверей, все закрыты, никак не говорят о том, где меня удерживают. Заточены ли другие девушки в тех комнатах?

Его поиски отыскать Адриэль привели к тому, что Ли похищает случайных женщин с улицы? Я ни разу не слышала никаких криков, но учесть то, что окна звукопроницаемые, то думаю двери тоже. Однако, чем дальше мы уходим от спален, тем четче я что-то слышу. Что-то знакомое.

Музыка.

Ли приводит меня в широкую, просторную комнату, которая напоминает гостиную. Нет, не напоминает. Это и есть гостиная. С правой стороны находится кухня. Я в квартире, наполненной убийцами.

Лили. Феникс. Джин.

Высокий блондин. Самурай. Лицо со шрамом.

Они суетятся, занимаются тем, что делают обычные люди, словно им нет никакого дела до мира. Я не знаю, стоит ли мне злиться или выдохнуть от облегчения.

Джин и Феникс на кухне, и они, кажется, готовят праздничный ужин. Лили разносит тарелки с ароматной едой на длинный, мраморный стол, пока блондин расставляет стулья.

Парень, покрытый шрамами, и самурай разлеглись на полу в гостиной и играют в видеоигры.

В грёбаные видеоигры! Я один раз моргаю... второй. Определенно, я это вижу. Убийцы не играют в Икс-бокс. Они должны сдирать шкуру с кошек или делать ожерелья из ушей.

Не говоря ни слова, Ли проходит в гостиную и плюхается на большой, мягкий диван, оставляя меня стоять в полном недоумении. Меня затягивает, засасывает в иллюзию, разворачивающуюся передо мной.

У них хватает наглости вести себя, как нормальные люди. Похоже, что они друзья или... семья. Должно быть это трюк — уловка, чтобы заставить меня доверять им. Черт, может я есть в их меню.

— Привет, Иден! — трелью говорит Лили, заметив меня на пороге. Она ставит миску с йогуртом, заправленным свежими ягодами на красивый стол и чуть ли не скачет ко мне, широко улыбаясь.

Все поворачиваются, чтобы посмотреть на меня и ни у кого нет удивления на лице. Словно всё это было преднамеренно. Азиат даже улыбается мне.

— Привет, Иден. Довольно не плохие плейлисты. У тебя хороший вкус. — Он кивает головой в сторону моего телефона, установленного возле беспроводного динамика.

— Ты рылся в моем телефоне? — вырывается из меня, мой голос переполняет раздражительность. Он имеет наглость смущенно улыбнуться и пожать плечами, прежде чем вернуться к его видеоигре.

Парень со шрамами использует момент и посылает град из пуль в парня, одетого в камуфляж в видеоигре.

— Вот, черт! Ты грязный ублюдок! — смеется азиат, быстро двигая пальцами по джойстику пытаясь спасти то, что от него осталась. Странно.

— Добро пожаловать, Иден, — говорит Феникс, подходя ко мне. Он вытирает руки кухонным полотенцем, прежде чем протянуть её. Я просто плююсь на неё, затем хмуро смотрю на его, кажущееся, доброе лицо.

— Что это за место? — спрашиваю я требовательным тоном.

Феникс одергивает руку и обводит ею комнату.

— Это наш дом. Ты как раз успела на бранч.

— Бранч?

— Да. Учитывая, что мы патрулируем по сменам, то у нас мало времени, чтобы собраться вместе. Но вторники — это наши тихие дни, поэтому в приказном порядке мы едим за одним столом.

— Джин — сказочный повар, — вмешивается Лили. — На самом деле он обучался на шеф-повара, что кажется смешным, поскольку он практически ничего не ест.

Феникс бросает на нее резкий взгляд, но быстро приходит в себя.

— Да. Я так рад, что ты присоединишься к нам. И к твоему сведению... я приготовил макароны с сыром. Твое любимое блюдо, верно?

— Эмм... да?

Я ничего не могу сделать с настороженным выражением на лице, но кажется, он не обиделся.

— Хорошо! Надеюсь, тебе понравится. Не хотел оскорбить тебя, приготовив макароны из коробки. Кроме того, Ли запретил большинство полуфабрикатов в этой квартире. — Прежде чем я успеваю взвизгнуть или отпрыгнуть назад, он наклоняется вперед и заговорщически подмигивает. — Но если у тебя есть какие-нибудь предпочтения, не стесняйся, заказывай, я сделаю все, что в моих силах.

— Ладно, все! Время поесть! — объявляет блондин из-за стола. Красивая ваза стоит в центре стола, резонирующая золотистыми, красными и желтыми цветами. Цветами дня благодарения.

Дорогие тарелки и столовые приборы мастерски стояли на каждом из восьми мест. Они ждали меня. Словно я была частью этой закрученной маленькой игры.

— О проклятое время, — бубнит Лицо со шрамом, бросая джойстик на ближайшее кресло. — Я чертовски голоден.

— Ну, нам пришлось ждать Иден, — отвечает Лили, хватая меня за руку и тащит в просторную гостиную. Я хотела одернуть руку, но просто застываю на месте, когда изуродованный бандит смотрит на меня сверху вниз и усмехается.

Лили ведет меня к месту рядом с Ли, который садится в конце стола. Феникс садится напротив меня, а Лили рядом со мной. Слава Богу.

Зловеще ухмыляющийся мудака занимает место за другим концом стола, вместе с Джином и Азиатом. Великолепный блондин садится рядом с Фениксом.

Я оглядываю стол и поражаюсь количеству еды, приготовленной для одного раза.

Блины, вафли, яйца, приготовленные тремя разными способами, нарезанные фрукты, свежая выпечка, любой вид завтрака, который только можно вообразить и, конечно, макароны с сыром. Здесь больше еды, чем я могла съесть за целый месяц и больше еды, чем я могла позволить себе в самые лучшие мои времена.

Без предупреждения, Лили скользит ладонью в мою. Вздвогнув, я вижу, что все взяли за руки. Я обращаю внимание на Ли.

— Пожалуйста, — язвительно говорит он, словно слова причиняют ему боль. Он протягивает мозолистую руку ко мне, ладонью вверх. Предложение. Выбор.

Я сглатываю и смотрю на лица людей, сидящих за столом и уставившихся на меня. Прошлая ночь была случайностью. Не нужно было прикасаться к нему. Мне не нужно прикасаться никому из них.

Но есть в их искренних глазах что-то — умоляющее...обнадеживающее- от чего я медленно двигаю руку ближе к Ли. Кто-то из них смотрит на нас с нетерпением.

Я вкладываю пальцы в его руку, это максимум, на что я готова пойти в этом нелепом фарсе. Жар его прикосновения опалает мне кожу и посылает тепло в самую глубь моего живота. Я говорю себе, что мне это мерещится. Это не имеет значения. Ничего из этого, в конце концов.

Если они хотят притворяться, что всё хорошо — прекрасно. Я подыграю им. Я буду действовать так, словно никто в этой ситуации по-царски не облажался.

И как только они отвернутся, думая, что я стала покорной, тогда я нанесу удар.

В унисон все они склоняют головы и закрывают глаза — за исключением меня. Они... молятся. Эти преступники, варвары. Все молча молятся, взявшись за руки.

Затем в тот же момент они поднимают головы и прежде чем наполнить тарелки едой, произносят "Аминь". Я вырываю руки и кладу их себе на колени.

— Что такое, Иден? — спрашивает Лили, укладывая, по меньшей мере, восемь вафель себе на тарелку, перед тем как смазать их маслом, полить домашним сиропам, украсить взбитыми сливками и ягодами черники. — Не голодна?

Я глазею на её переполненную тарелку и оглядываюсь кругом. У всех — за исключением Джина, который сидит с кефиром и обычной кашей — на тарелках много еды, больше чем они могли съесть. Больше, чем кто-либо мог съесть.

— Вот, — говорит Лили с полным ртом бекона. Она подносит блюдо и накладывает порцию макарон с сыром мне на тарелку.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить ее, но что-то совсем другое вырывается.

— Какого черта здесь происходит?

Лязг вилок по тарелкам. Рты перестают жевать.

— Ты не сказал ей? — задает вопрос Феникс, хмурясь на Ли, который даже не потрудился оторвать взгляд от тарелки, чтобы ответить.

— Я подумал, что для начала мы могли бы поесть.

— Сказать мне, что? — К черту еду. Даже, несмотря на то, что паста и сыр на моей тарелке так восхитительно пахнут, я хочу получить ответы. Поем позже.

— Иден... — Феникс склоняет голову набок, словно пытается подобрать нужные слова. — Мои братья и сестра, а также я... мы не те, кем ты нас считаешь.

Убийцы. Лжецы. Психи.

— А? Так что же, во имя всего святого, вы такое?

Он поднимает брови на мой резкий тон.

— Мы привезли тебя сюда под ложным предлогом. И я прошу прощения за это. — Он бросает хмурых взгляд на Ли, тот, кажется, на удивление поглощен горой из блинчиков и сосисок на тарелке.

Когда он смотрит на меня, его янтарные глаза полны тепла и раскаяние в содеянном.

— Иден... что ты знаешь о Библии?

— Что?

— Библии. Которая про ангелов и демонов.

С другой стороны стола слышится хихиканье.

— Не много. Моя мама была слегка фанатиком, и мы знаем, чем это закончилось. Поэтому, когда достаточно повзрослела, я восстала против всего этого. Это бред, если вы спросите меня.

— Это? — Феникс приподнял брови.

— Полагаю, что ты сейчас скажешь, что я ошибаюсь. — Я закатываю глаза, беру вилку и отправляю себе в рот макароны с сыром. Вкус во рту подобен раю и я прилагаю все усилия, чтобы не закатить глаза от удовольствия.

— Я не скажу, что ты ошибаешься. Тебя просто ввели в заблуждение. Руководствуясь сложившимися обстоятельствами в твоей жизни, ты не можешь считать иначе.

— И почему это? — Я отправляю следующую порцию макарон себе в рот и даже тянусь за беконом, лежащим на соседней тарелке.

— Потому что, как могут существовать ангелы и не помочь тебе? Не спасти тебя? Как такое зло может существовать в мире без отсрочки на милость?

Я стараюсь полностью сосредоточиться на еде, хотя мой желудок стал словно свинцовым.

— Я давным-давно перестала в это верить.

— Печально. Крайне печально.

Я пожимаю плечами и натянуто улыбаюсь.

— Но это правда.

— Я вижу, почему ты в это веришь. Но ты никогда не была одна. И думаю, ты тоже знаешь об этом.

Я смотрю поверх еды, которая потеряла вкус. Во рту ощущается вкус пепла.

— Что ты имеешь в виду?

Красивый чернокожий мужчина улыбается, от чего в его карих глазах пляшут сверкающие золотые искры.

— Иден, мы не с этой земли. Наши истоки восходят к началу времен, задолго до того, как в глазах Творца заискрился мир. По происхождению мы всадники тьмы — посланники

зла. Мы были выкованы из огня, грязи и крови проклятых. Иден, мы демоны.

Жар змеей обвивается вокруг моей шеи, опалая щеки. Язык становится тяжёлым. В ушах стоит шум от того, что кровь бьёт в голову.

— Что? — Я не правильно его расслышала. Наверное, неправильно понимаю то, что он говорит. Демоны — это как плохие парни. Преступники. Не в буквальном смысле.

— Демоны, — кто-то произносит с другого конца стола. Я даже не смотрю кто.

— Но это... это... — Невозможно. Смешно. Безумно. Ужасно.

— Знаю тебе тяжело все переварить...

— Тяжело? — Я с трудом сглатываю и качаю головой. — Думаешь, мне тяжело поверить, что я похищена д... — Я даже произнести это не могу. И не буду. Произнеся это вслух, оно станет реальным.

— Не похищена. Спасена, — проговаривает Лили, обращаясь ко мне. — Мы спасли тебя, Иден. Те люди в магазине были не просто обычные отморозки. Они были Призваны. Мы пытаемся спасти тебя именно от этого.

— Призваны? Призваны для чего? Или кем?

Читая вопросы, отраженные на моем бледном лице, Лили продолжает свою ужасающую... ложь.

— Есть те, кто будут Призваны. Прежде чем они родились, их выбрали, чтобы сделать орудием зла — серийными убийцами, террористами. Они этого не знают, но как только их активируют, они теряют всякий контроль. Их единственная цель — боль и разрушение.

Я набираюсь смелости, но она тут же сдувается. Я выталкиваю слова из пересохшего горла.

— Ты хочешь сказать, что я одна из этих... орудий. Или рождена, чтобы им стать.

— Да, — отвечает Феникс, его глаза переполняет сочувствие. Я не хочу этого. Не хочу ничего из этого.

— И вы... вы хотите остановить его.

— Да, — кивает он.

— Но вы... — Скажи это. Просто скажи. Выпали и покончим с этим. — Демоны?

— Мы потратили более столетия, чтобы обуздать нашу истинную природу, в надежде на возрождение милосердия и мира твоего рода. Было слишком много... слишком много потрясений и боли. Но всё совсем по-другому. Должен существовать баланс. Но он был нарушен.

— И мы постарались исправить это, — добавляет Лили. — Мы охотились на тех, кого выбрали и кончали с ними до того, как их Призовут. Надеюсь, что убив одного, мы спасем тысячи... миллионы. Надеюсь, что мы спасем твой мир.

Комната вращается, смазывая свет и цвета в хаотичное призматическое пятно. Оно падает и вращается, лишая меня равновесия. Рискнув, я перевожу взгляд на Ли, которого вижу до сих пор, даже несмотря на "американские горки" в моих глазах.

— Это, правда, — говорит он, обрушая на меня слова, словно двухтонные глыбы.

— Вы хотите убить меня, — дрожащим голосом произношу я, осознав реальность вещей.

— Больше нет. Мы хотим спасти тебя. Мы должны спасти тебя.

"Больше нет".

"Больше нет".

Я слышу слова, но они не имеют никакого смысла. Они все равно не смогут утешить

меня. Я рождена стать орудием. Убийцей. И сижу за столом, ем с демонами, призвание которых убивать людей, подобных мне.

Хороших, невинных людей, которые не имеют власти над тем, кем станут.

На ватных ногах, которые едва ощущаю, я пытаюсь подальше убежать от стола. Я не могу дышать через стеснение в груди, в результате чего мои легкие кричат от напряжения.

Я не могу думать сквозь туман паники в моей голове, кричащей бежать отсюда. Мне нужно идти. Я не знаю, где или как, но мне необходимо выбраться отсюда.

— Я должна... — начинаю я, мои произнесенные нечленораздельно слова, чуждые моим ушам. Опершись потными руками, я поднимаю свое оцепеневшее, словно свинцом налитое, тело. — Мне нужно немного свежего воздуха.

Я слышу визг стульев по деревянному полу, прежде чем погружаюсь в пёструю темноту.

Я просыпаюсь в знакомой постели — в кровати Ли — с одеялом натянутым до самого подбородка. В руках и ногах все ещё ощущается тяжесть от сна, я быстро оцениваю свое тело. Полностью одета и даже вилка под поясом осталась нетронутой.

На тумбочке стоит стакан апельсинового сока, который я с благодарностью выпиваю. Я одна, но дверь спальни открыта. Приглашение.

Я уже и так слишком много времени потратила сидя, забившись, в этих четырех стенах. Если то, что они утверждают, правда — если я не пленница — тогда я больше не должна прятаться.

Даже если не могу избавиться от страха, который каждый раз ползет по позвоночнику, как только думаю о том, кто они такие.

Демоны.

Мифические существа. Выдуманные. Всё-таки нутром ощущаю, странное, выворачивающее на изнанку чувство, что они говорят правду.

Не могу отрицать, что чувствую это. Я видела, что может сделать невидимая глазу сила. И если я в состоянии ходить по земле — не приметная девушка со способностью ломать волю лишь шепотом — значит, я могу поверить, что там есть ещё что-то. Что-то большее... большее, чем все мы.

Мне нужно решиться, чтобы верить их словам. Я должна быть уверена, что они не навредят мне. Реально, они могли бы сломать меня как тростинку, уже давным-давно.

Лили могла вонзить в моё сердце один из её ножей, прежде чем я бы поняла, что происходит.

Я дрожу.

Преследующее воспоминание, где в руках я держу лезвие, вспыхивает красным, прежде чем я загоняю его в темный уголок моего разума.

Я слышу разговор, пока медленно иду по тускло освещенному коридору. Теперь, когда у меня есть время и место, где я могу все переварить, я осознала, что оно невероятно стильное с кирпичными стенами и стальными акцентами.

Мы должно быть в каком-нибудь дорогом высотном здании Ближнего Норт-Сайда или в деловом районе Чикаго. Так или иначе, мы очень далеко от ветхого дома с двумя спальнями, который я делила с сестрой на Саутсайд.

Сестра.

Я останавливаюсь и на мгновение закрываю глаза. Ещё одно воспоминание для моего мрачного места. Я не могу туда вернуться. Если вернусь, это меня сломает.

Я вхожу в просторную комнату и словно впервые вижу её. Слева гостиная, с панорамными окнами, выходящими на гавань. Справа кухня, оборудованная для самого изысканного шеф-повара высококачественными, какими только можно вообразить, приборами и, конечно же, сверкающими в блеске нержавеющей стали. Позади широкая, громоздкая дверь с различными замками и датчиками, а напротив где я стою у входа в коридор находится столовая.

Пространство окружает свет и богатство, полная противоположность того, что я

ожидала. В какой-то степени холодно, но уютно. Лоск и элегантность — верный выбор.

Здесь не темное, ветхое подzemелье, по которому разбросаны скелеты невинных людей. Это дом. И именно то, что я хотела бы для себя — для сестры — если бы мои мечты не ужасали меня.

— Хорошо! Ты очнулась! — лепечет Лили, когда видит меня, крадущуюся в тени. Она откладывает книгу на стеклянный столик и вскакивает с мягкого дивана, махая мне рукой. — Иди сюда. Посиди с нами.

Я быстро перевожу взгляд на других, которые, кажется, совершенно не обращают внимания на моё присутствие.

Тем не менее, я знаю, что они в курсе каждого моего движения. Каждого удара сердца, каждого вдоха. Я почти уверена, что Лили специально устроила шоу из моего появления для меня.

Самурай отрывается от ноутбука, который держит на коленях, и улыбается мне. Он прекрасен — во всём. Но в нём скрыто коварство, кричащее о неприятностях.

— Привет, Иден. Хочешь, я перекину тебе какую-нибудь музыку?

Я качаю головой, когда иду на дрожащих ногах.

— Нет, спасибо.

— Я добавил несколько своих треков в твою библиотеку. Надеюсь, ты не против.

Я просто моргнула в ответ. Должна ли я быть против? Черт, и это учитывая мое затруднительное положение?

— Это Тойол, — встречает Лили, махнув рукой в сторону экзотического убийцы. Сегодня он без мечей — слава Богу. Но сильно сомневаюсь, что без них он менее смертоносен.

Он наклоняет голову ко мне, отчего прядь черных, как смоль, волос падает на миндалевидные глаза.

— Демон лжи и воровства. В легендах меня изображают, как мертвого ребенка какого-то существа, но уверяю я мужчина. — Он подмигивает, и я ненавижу то, что практически хочу засмеяться.

— А это Андрас, — заявляет Лили, махая головой на красивого светловолосого мужчину со скандинавскими чертами. Они могли быть близнецами.

Андрас величественно поднимает голову, отрываясь от журнала и ухмыляется.

— Приятно официально познакомиться с тобой, Иден.

— Он демон раздора и конфликтов. Не позволяй смазливому личику одурачить тебя. Он любит начинать всякое дерьмо.

Андрас смахивает золотистый локон с плеча, а затем рассматривает свои ногти.

— О, я тебя умоляю, Лилит. Ты злишься потому что, старая и злобная. И ты никогда не сможешь удержать такого мужчину.

Мои глаза расширяются.

— Лилит?

Она изящно приседает в реверансе и улыбается той улыбкой, которую я знала и обожала. Прежде чем, узнала о предательстве, скрывающемся за этой улыбкой.

— Это я.

— Первая отвергнутая женщина, — насмехается Андрас. — Демоница болезни и смерти. И такая кайфаломщица на вечеринках.

Я смотрю на Андраса, затем на Лилит, в ожидании объяснений.

— Отвергнутая женщина?

Она закатывает глаза и плюхается на диван.

— Я была первой женой Адама. Кажется, все об этом позабыли.

— Ты бесплодная старая карга. Никто не хочет вспоминать всё то отвратительное дерьмо, которое ты натворила.

Тойол. Андрас. Лилит.

Святое дерьмо.

Я слышала о них — читала про них. Ежедневное изучение Библии являлось обязательным условием, живя с моей матерью. Отказ означал избиение книгой.

Я была слишком юной, чтобы понять, но когда стала старше, я стремилась развенчать учения мамы и свои личные исследования. Рай, Ад, Мироздание.

Все разные религии мира. Я помню их.

— Где... где другие? — заикаюсь я и, подойдя, сажусь на огромный диван. Он такой же мягкий и плюшевый, как и выглядит.

— На патрулировании. Джин в своей комнате, медитирует, — отвечает Тойол. — У него довольно интересная история. Слышала что-нибудь о джинах в Исламе?

Я пожала плечами.

— Мало что.

— Ну, они на самом деле, вроде городских легенд твоего мира. Люди любят романтизировать то, что находят слишком мрачным и неприятным, чтобы понять. В ваших книгах говорится, что существует несколько видов, которых изображают в виде различных существ и у каждого своя цель. Джинны, вампиры, оборотни, зомби. Но на самом деле, он — все их воплощения. Поэтому естественно, он мастер маскировки, способный появляться по одному лишь желанию.

— Довольно жутковато, да?

Жутковато? Да я неделю теперь спать не буду.

— Так он демон? Или что-то ещё?

Тойол кивает.

— Все к чему Творец не приложил руку, то является злом. Твои люди могут все это идеализировать в фильмах и любовных романах, но он демон.

— А Феникс?

— Заклинатель, — отвечает, не глядя Андрас. — Мастер всех наук, литературы и фольклора. Именно так он заманивает тебя. Добрыми словами и нежным голосом. Не воистину, он демон. Очень старый демон.

— Он падший, — добавляет Лили-Лилит. — Пал с небес, он бывший ангел. И с тех самых пор ищет способ, чтобы вернуться обратно.

— Он самый старший из вас?

Все, качают головами.

— Нет, — отвечает Лилит. — Ли старше. И сильнее.

— Только не говори этого при Каине, — ухмыляется Тойол. — Его ржавое эго выходит за границы Чикаго.

Покрытый шрамами зверь. Каин.

— Я думала, он был смертным — сыном Адама и Евы?

Я слышу, как Лилит фыркает со своего места на диване.

— Он заключил сделку и так оказался в аду. Дурак, — говорит Тойол, качая головой. —

Плюс за ним убийство, а это стоит учитывать. Возможно, он бы никогда не попал наверх.

Не остается замеченным, что я не спросила о Ли. Ли — их лидер, ведущий. Ли — демон, который прижимал меня к груди, пока я плакала.

"Ты теперь его".

Знаю, что не должна настаивать на большем: они и так много рассказали. Гораздо больше, чем я могу переварить во время непринужденной беседы. Но если есть то, что я должна знать о нем — то, что могло бы объяснить его одержимость к Адриэль — я должна знать.

— А Ли. Кто он?

Лили оживилась, словно не может ждать, чтобы не поделиться сочной сплетней.

— О, Ли, он...

— Просто, Ли.

Четверо из нас оборачиваются и видят, что Ли стоит за нами с каменным выражением на лице. Обеспокоенным взглядом он буравит меня, обжигает жидким серебром. Одно его присутствие источает мощь и неумолимую силу.

— Ты здесь. — В моем голосе слышится... Удивление? Страх? Желание? Даже я не могу понять.

Не моргая, он отводит глаза от меня и смотрит на Тойола.

— Организуй наблюдение на Линкольн Парк. Каин обнаружил какую-то активность в этой области.

Одним нажатием кнопки на пульте, большой плоский экран спускается с потолка, полностью закрывая 85-дюймовый телевизор. Тойол нажимает еще на одну кнопку и на экране появляется восемь с разных ракурсов изображений. Святое дерьмо. Изображение транслируется в реальном времени.

— Сколько камер у вас по городу? — осмелев, спрашиваю я.

Тойол пожимает плечами.

— Двести или около того, большинство расположено в центре города и неблагополучных районах.

Неблагополучных районах. Так вот как они нашли меня.

— Человек, который Призывается, как правило ничего не подозревает и влечет жалкое существование, — продолжает он. — Они остаются незамеченными, как муха на радаре. Именно тогда ты слышишь о стрельбе в школе или резне в церкви, их друзья и семья удивляются. Они не могут поверить, что тихий, сдержанный человек, которого они знали, стал кровожадной мразью.

Хм. Жалкое существование.

Больно, но это правда. Я подхожу.

И после того, как сделано... после того, как их активируют... или призовут... или как там еще.

— Они помнят о том, что сделали? — Я не могу уложить мысль в голове о стрельбе в начальной школе и кафетерии, в то время как маленькие дети с жадностью едят тосты с арахисовым маслом и молоком.

Я не могу приставить, как бомба взрывается в толпе во время воскресного причастия. Какое животное будет такое делать? Почему они не сопротивляются желанию убивать? И как... как ты потом сможешь жить с самим собой после этого?

— Нет. Потому что в 9 случаях из 10, они кончают жизнь самоубийством, если их до

этого момента не убивают. Это дает им возможность так покаяться или почувствовать сожаление о содеянном. Их жизни его не волнуют, он просто хочет, чтобы они подчинялись.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Кому подчинялись?

Тойол переводит снова внимание на черно-белые картинки на экране, в его черных глазах читается злость.

— Люциферу.

Люцифер.

Как в...

— Сатана? — шепчу я так тихо, что человек с трудом бы услышал. Словно сказав его имя, он появится тут.

— Сатана. Вельзевул. Дьявол. Абаддон. Аполлион, — отвечает Андрас. — Много имен для его огромного эго. Но да. Он в ответе. Он заражает их еще до рождения, в утробе матери. Они рождаются грешниками и умирают грешниками.

— Но с тобой этого не случится, — вдруг заявляет Ли, в его голосе слышатся нотки осуждения. — Я не никому или ничему не позволю обидеть тебя.

Я поворачиваюсь к нему и взглядом окидываю его подтянутое тело. Большими руками Ли вцепился в спинку дивана, было видно сквозь облегающую рубашку, как напряженные мышцы плеч перекатывались...он всегда выглядел как натянутая струна.

Если бы у запугивания было лицо — или тело — то оно было бы как у Ли.

Но всё же в нём есть что-то... знакомое и утешительное. Может быть, потому что он обнимал меня или успокаивал, нашептывая слова снова и снова, пока я рыдала во сне.

Может быть это образы, которые беспорядочно мелькали перед глазами и которые я не могу объяснить. Я чувствовала его руки на теле — эти толстые, мозолистые пальцы гораздо мягче, чем выглядят, когда он водил ими по моей чувствительной коже.

Я пробовала каждый дюйм его кожи, пока он наслаждался каждым дюймом моей. Я слышала его смех и нежилась в его улыбке.

Я знаю и не знаю этого мужчину. Не совсем.

— Иден? Иден?

Я быстро моргаю, разрушая заклятье, звучащее как мое имя.

— Эм, да?

Лилит хихикает.

— Я спросила, ты голодна? Ты мало поела перед тем, как вырубиться, и я надеюсь, что этого снова не произойдет. Тебе предстоит многому научиться.

— Научиться? — хмурюсь я. Люцифер заразил меня злом, когда я еще была эмбрионом. Моя мать оказалась права — внутри меня дьявол. Сколько мне ещё нужно узнать?

— Тому, кто ты, — вставляет Ли. — Тебе нужно узнать кто ты, и так мы сможем остановить твой Призыв. Поэтому я не планирую тебя убивать.

— Но ты уже сказал мне. Я уже знаю, что являюсь одной из этих уродов, которых призывают, и меня нужно запереть до того, как я совершу что-то ужасное. Что ещё нужно знать?

Его полные губы медленно растягиваются в улыбке. Губы, которые я пока не целовала.

— Сперва еда. Тебе нужно поесть.

Пока Джин готовил мне суп, явились Феникс с Каином. Я настаивала, что могла просто подогреть что-нибудь из оставшейся еды или сделать сэндвич, но он проигнорировал меня и сосредоточился на овощах на разделочной доске.

— Я ему не нравлюсь, да? — шепчу я Лили — черт — Лилит. Думаю, будет легко снова завязать с ней дружбу. Сейчас она мне кажется... нормальной.

— Кому, Джину? Почему ты так говоришь?

— Ну... — Я смотрю на смуглого мужчину с бородой, молясь, что он не услышит мои слова на другом конце стола. Если то, что сказал Тойол правда, то я не хочу стать свидетелем его плохой стороны. — Он не хочет со мной разговаривать.

Лили громко смеется, а я оглядываюсь на тот случай, если вдруг что-то упустила.

— Он не хочет с тобой разговаривать, потому что не может, глупенькая! Ему отрезали язык.

— О, Боже мой. Мне так жаль. — Я прикрываю рот дрожащими пальцами. Не уверена почему извиняюсь перед ней, но думаю, что так правильно. И тут еще слово на букву "Б". Я заперта в небоскребе с отрядом демонов. Разве не похоже, что играешь роль важной персоны на вечеринке в камере смертников?

Она пожимает плечами.

— Давно произошло. Подготовка помогает ему расслабиться.

— Так... Л-Люцифер сделал это? За убийство его пешки?

— Нет. Джин сам. — Она говорит это так обыденно, словно рассказывает, что завтракала сегодня. Он отрезал собственный язык. Что могло с подвигнуть человека на такое?

— Но... зачем? — Знаю, у них есть кошачьи рефлексы — я сама видела. А также их сверхъестественная сила. Но я действительно надеюсь, что Джин не услышит, как я копаюсь в его прошлом.

— Джин использует свою силу, чтобы причинять вред жертвам. Он нашептывает им в ухо, очаровывая жертв их собственными желаниями. Он не ломает свободу воли, но заставляет поверить, что они хотят совершить злые и похотливые вещи. Ты спишь с мужем лучшей подруги, потому что только об этом и мечтаешь. Ты крадешь деньги у соседа, потому что уверен, что тебе они нужнее, чем ему. Ты перерезаешь кому-то горло, потому что считаешь, что кровь на руках выглядит возбуждающе. Он играет на твоих слабостях — пороках — и слегка подталкивает их наружу.

Она разворачивается, чтобы посмотреть на сильного, молчаливого мужчину, который спокойно нарезает зелень для супа, и вздыхает.

— Это может негативно повлиять на тебя... постоянные предательства и обман.

Постоянно вызывать боль, злость и страх. Это может полностью опустошить тебя, пока ничего не останется. Пока ты не начнешь чувствовать себя так же, как и твои жертвы.

Я моргаю на ее скромное заявление.

— Но разве вы не этого хотите? Причинить нам всем боль? Склонить мир ко злу?

Она оборачивается ко мне, на ее лбу проступают морщинки.

— Мы демоны, Иден. Это не значит, что у нас нет совести.

— Говори за себя, — слышится грубый голос с другого конца стола. Каин. Сын Адама и Евы, Убийца Авеля. Демон убийств. Он словно стервятник впивается в меня недружелюбным взглядом темных слегка раскосых глаз. Пытается запугать меня своей злобной ухмылкой. Я чувствую, как пауки ползут по моему телу, обдирая и царапая кожу своими колючими маленькими лапками. Но все же, я не отвожу взгляд.

Я не позволю увидеть ему, как сильно он меня пугает и как просто от вида его чертового шрама внутри меня все сжимается. Он не получит того удовольствия, которого так жаждет.

Я верю, что он может быть еще красивым. Даже сейчас с таким увечьем. Но он не хочет. Он наслаждается страхом и отвращением. Он хочет, чтобы люди испытывали неприятные чувства и избегали с ним контакта.

Он восхищается тем, что заставляет женщин с полными сумками нестись на противоположную сторону, когда он приближается. Он получает радость от запугивания мужчин, которые корчатся как маленькие мальчики.

Я знаю его, потому что я — это он.

Изоляция гораздо лучше, чем отказ.

Показав в этот момент страх, я только докажу насколько беспомощна. Я упала в обморок за бранчем, плакала, так что сопли пузырились из носа, и я облевала волосы. Я кажусь ему — слабой и жалкой.

Он ненавидит, что я здесь — ясно, как день. Но все же, он один из них. Поэтому скорее не презирает меня так, как ему кажется. И возможно у него нет никакого выбора.

— Я презираю тебя, — с иронией он произносит, оскалив зубы. Кончая с теорией.

— Что? — Его слова и резкий тон застают меня врасплох.

— Я сказал, что презираю тебя. То на что ты... на что ты способна. Несмотря на то, что ты пытаешься изменить свою судьбу. Трусиха.

— Остынь, Каин, — резко говорит Лилит, отмахиваясь от него. — Он просто расстроен, что никого не убил за последние шесть недель.

— Той ночью я должен быть там! Я был в пути! — кричит он, размахивая руками. Никто даже не обращает на него внимания.

— Ли и я на отлично справились с этим.

— Ага, — фыркает он. — Ты хочешь сказать, Ли справился на отлично. Ты пошла бы крысам на корм. Знаешь... я разочаровался в тебе, Лил. Ты обычно более сконцентрированная. Возможно из-за отсутствия члена на протяжении трех столетий, заставило тебя потерять сноровку. И все мы знаем, что твой сосед, Андрас, также не дает тебе. Скажи мне, ты пользуешься фаллоимитатором?

Это происходит так быстро, что я не успеваю вскрикнуть или спрятаться, но от силы скорости я плюхаюсь обратно в кресло.

Забравшись в кресло с ногами, я смотрю как Лилит, схватив за ворот рубашки, поднимает от пола Каина. А затем бросает его на мраморный стол с таким грохотом, что возможно от такого удара у него треснул череп.

— Следи за языком, Каин. Иначе я его вырву и украшу твое личико улыбкой от уха до уха, — шипит она, ползя вверх по его телу, словно какое-то существо, лишенное костей и суставов.

Её руки и ноги сгибаются под неестественным углом. Шея вытягивается, словно змея и

я клянусь, что изо рта Лилит виднеются клыки.

Она поднимает когтистую руку в воздух, чтобы нанести удар и в это самое время Лилит входит в гостиную из спальни. Он останавливается в нескольких фунтах от разворачивающейся сцены и качает головой.

— Вы двое, прекратите. Я не собираюсь покупать новый стол.

Со зловещей улыбкой, которая определенно демонстрирует острые, как бритва клыки, Лилит медленно слезает с громадного тела Каина. Мужчина размером с гору вскакивает на ноги без каких-либо признаков повреждения и разглаживает одежду.

— Черт подери, Лил, новая рубашка! Я просто валял дурака. Не будь такой чувствительной.

Лилит аккуратно ставит, упавшие стулья и садится на место с грацией балерины.

— Извинись, — дерзко требует она, приводя в порядок свои белокурые волосы.

— Прости. Черт. — Каин плюхается обратно в кресло с раскрасневшимся лицом, то ли от гнева, то ли... от смущения.

— Не передо мной. — Она машет рукой в мою сторону, где я стою с широко раскрытыми глазами. — Перед ней.

— Что? Я не собираюсь извиняться перед каким-то поганым человеком...

— Извинись или я отрежу тебе яйца ножом для масла.

Нехотя, Каин поворачивается ко мне со сжатыми в узкую линию губами.

Он поднимается, тяжело дыша, и скрещивает руки, от напряжения на них выступают вены.

— Приношу извинения.

— За что? — сладко спрашивает Лилит.

Он вздыхает и раздувает ноздри, словно бык.

— За то, что плохо отозвался о тебе.

— Хорошо! Так намного лучше!

Лилит громко откашливается, он прикрывает рукой рот, еле сдерживая смех. От низкого рычания Каина с другого конца стола дрожит пол.

Шум, кажется, стих, и Джин приносит мне обжигающе горячую тарелку с супом и ставит передо мной вместе с корзинкой свежего хлеба. Голод берет вверх, и я робко сажусь на свое место.

Первая ложка почти обжигает язык, но оно того стоит. Ох, как стоит. Сочные кусочки курицы, нежные овощи, макароны аль-денте, свежие травы и специи.

Я могу, есть этот суп до конца своих дней, и он мне не надоест. Я отламываю кусок теплого хлеба и макаю его в бульон, позволяя ему вобрать аромат. Это рай — самый настоящий рай — в моем рту.

— Я все равно презираю тебя, — ворчит Каин, уставившись на меня, как изголодавшийся ястреб.

Я заканчиваю жевать и вытираю рот салфеткой.

— Все нормально. Я не особо нравлюсь тебе. Но знаешь, ты должен работать над своей проблемой управления гневом. Стероидная ярость — серьезная штука, я то знаю. — Затем я откусываю еще кусок и при этом не свожу с него глаз.

Помимо лица у Каина от ярости краснеют уши, и он так сильно сгибает руки, что новая рубашка рвется на бицепсе. Лилит кашляет немного громче.

Джин возвращается к столу с другой тарелкой и ставит ее напротив Каина. Небольшой

лейкопластырь для его побитого эго. Когда Джин идет обратно на кухню, могу, поклясться, что его губы дернулись в улыбке.

* * *

— Я знаю, у тебя много вопросов, почему ты здесь... и что мы собираемся делать с тобой, — говорит Ли, сидя во главе стола. Опять же я сижу зажатая между ним и Лилит.

Феникс сидит напротив, его желтовато-коричневые глаза излучают спокойствие и безмятежность.

— Да.

Это еще мягко сказано. Я ничего не понимаю. Я не понимаю, почему меня выбрали, чтобы потом Призвать. И более того, я не понимаю, почему банда демонов-убийц поклялись защищать меня.

— Иден, что случилось, когда тебе было пять?

Я словно похолодела, несмотря, что в квартире тепло. Я смотрю вниз на руки, лежащие на коленях.

— Не понимаю, о чем ты.

— Всё хорошо, Иден, — успокаивающе шепчет Лилит. Протянув руку, она берет мою ладонь. От Лилит исходит тот же жар, точно такой же, как от Ли.

Я раньше такого не замечала, но опять-таки не могу вспомнить касалась ли ее прежде. Мы виделись только в магазине, где она всегда мерзла. Я начинаю догадываться почему, и это не имеет ничего общего с попыткой Эдуардо сэкономить.

Я поднимаю глаза и осматриваю стол. Семь пар жадных глаз уставились на меня и ждут, чтобы подтвердить мою судьбу.

— Моя мама... она сказала, что может очистить мою душу и для этого нужно окрестить меня. Однажды утром она приготовила на завтрак блинчики. Раньше она никогда их не готовила. Затем она зажгла свечи вокруг ванны. Она читала священное Писание и напевала молитвы. — Я сглатываю, образовавшийся ком в горле. — Она положила меня в ванну, наполненную водой, и удерживала на дне. Я брыкалась и царапалась, пытаюсь выбраться на поверхность, но она не отпускала. Она не отпускала меня. В конце концов, я перестала бороться.

Феникс кивает, его рот сжат в тонкую мрачную линию.

— Ты утонула.

— Да.

— А после?

— После... — Я закрываю глаза, вызывая в памяти воспоминания, которые поклялась больше не трогать. Они были запечатаны за семью печатями и каменной стеной.

Далеко за забытыми днями рожденьями, морозными ночами на твердой кровати и шкафах, кишущими тараканами. Только два воспоминания были покрыты пыльным одеялом в этом небольшом, темном пространстве.

Это было одно из них.

— После того, как я очнулась под водой, я была холодная и бледная. Но живая. И это было ночью.

Повисла мертвая тишина, за исключением стука сердца. Моего сердца.

— Был ли еще кто-то в доме? — спрашивает Ли тоном, в котором не слышится обычный

ему тембр.

Я отрицательно качаю головой.

— Никто не навещал. Вся округа знала, что моя мать сумасшедшая.

— Любые животные... домашние питомцы?

— Собака, — киваю я. — Бродячая. Не знаю почему, но она все время приходила ко мне. У нас не было никакой еды, за исключением объедков, которые я давала ей каждый раз, когда могла сэкономить немного денег. Она была моим единственным другом. Мама ненавидела эту собаку. Она, должно быть, прогнала ее навсегда, когда решила... когда решила... — я сглатываю желчь, чтобы пройти через это достойно. Не показывая, насколько я сломлена и слаба, — ... решила, что я умерла.

Ли смотрит на Феникса, который в ответ кивает. Кажется, что я не удивила их.

— Иден, ты спаслась, потому что в тебя вселился, как мы называем Прыгун, — объясняет ангел-демон. — Твой собачий друг не только приходил за объедками.

Она приходила, чтобы спасти тебя.

— Она? — Это бессмыслица. Ничего из этого. Я просто списала этот инцидент, как один из множества причудливых, произошедших трагических событий в моей жизни.

— Адриэль, — отвечает Ли.

Я хмурюсь и качаю головой. Только не снова это дерьмо.

— Слушай, я уже сказала, что не знаю...

— Адриэль — ангел. Она пала, чтобы найти тебя, и спасти. Она использовала собаку в качестве сосуда. Вот как та появилась в твоей жизни. Она знала... знала, что это вопрос времени. Адриэль прыгнула в твое тело до того, пока не стало слишком поздно.

Я один раз моргаю... второй. Паника заполняет мои легкие, отчего я начинаю прерывисто дышать. Ангел. Адриэль — ангел. Внутри меня.

— Но это... этого не может быть.

— У тебя есть способности, которые ты не можешь объяснить. Ты можешь сломить волю человека, всего, одним словом. Как думаешь почему?

Я трясую головой, Лилит в знак утешения сжимает мою руку, но я вырываюсь.

— Нет. Нет, невозможно. Ничто из этого не может быть реальным.

Ангелы, демоны...это смешно.

— Иден, мы можем помочь тебе, — уверяет Феникс. — Это то, что мы пытаемся тебе объяснить. Если тебя Призовут — если Люцифер активизирует тебя, пока Адриэль обитает в твоей душе...

— Ты будешь способна стереть с лица земли все человечество, — заканчивает фразу Ли, его глаза светятся, как сферы лунного камня.

— Нет! — Я кладу потные ладони на стол и, оттолкнувшись от поверхности, вскакиваю.

— Вы ошибаетесь! — кричу я, отчаянно пытаюсь поверить в свои утверждения.

Если принять их нелепые теории, то в этом мире не осталось ничего хорошего. Потому что, как может ангел стоять и смотреть, как страдает ребенок?

Как ангел может терпеть побои после избиений? Как он может приказывать мне причинять людям боль, обманывать... убивать людей?

Я поверила им, когда они сказали, что я родилась со злом, бегущим по моим венам.

Это я могла представить. Это объясняет все те плохие вещи, которые я сделала. Но ангел? Я не ангел. Ангел не упивается страданиями других.

— Вы не знаете, о чём говорите, — произношу я, мой голос пустой, как и душа. — Вы

ничего обо мне не знаете, не знаете того, что я совершала.

Ли быстрым движением поднимается на ноги, сжимая кулаки по бокам. Он сверлит меня звездными глазами, в которых читается его собственная древняя боль.

— Знаю, — сквозь зубы говорит он, челюсть дрожит под тяжестью его искреннего признания.

— Откуда? Тебя там не было. Ты не знаешь... — Что я сделала. Что я вызвала. — Ты не можешь точно знать.

Он обходит стол и встает рядом со мной, так близко, что я почти ощущаю его жар.

— Знаю.

— Как? — шепчу я, взглянув на него. Осмелев, я смотрю на это невероятно красивое лицо, высеченное из камня и кости.

— Потому что раньше я был серафимом, — произносит он, от его командного тона в голосе, пол дрожит под моими ногами. От его тела исходит изнемогающий жар, что я отступаю назад. - Но теперь... я — Легион.

Мы сидим вокруг стола, укутанные в последовавшую тишину от истины. В течение нескольких минут никто не проронил и слова, но я слышу их вопросы. Я чувствую, как они прощупывают меня и задаются вопросом убегу я, закричу или просто заплачу.

Но я в таком оцепенении, что ничего из этого сделать просто не могу сейчас.

Я открываю рот, но быстро закрываю, проглатывая слова. Что ты можешь сказать одному из самых могущественных и ужасающих демонов в истории?

Монстру, который терроризировал невинных людей и уничтожал целые деревни? Я даже не знаю, смогу ли теперь смотреть на него. В его глазах читается непонимание или боль.

А лицо пепельного цвета, как и у многих... многих демонов, которые равняются на монстра, сидящего со мной.

— На сегодня достаточно, — заявляет он, вскочив на ноги, словно под ним загорелось кресло. Не говоря ни слова, он идет к входной двери и дергает ее, исчезая в полутемном коридоре.

— Я пойду, — говорит Каин, вставая. Он идет к выходу, в то время как другие мужчины быстро расходятся по комнатам большой квартиры.

Я смотрю на Лилит, вопросительно хмуря брови.

— Он чувствует, гораздо больше, чем кто-либо. Страдает больше, чем кто-то другой. Когда твоя сущность состоит из десятков потерянных душ, твои страдания становятся нескончаемыми. Ты по-настоящему не можешь определить, где ты, а где они. Он сражается на протяжении тысячелетий, ища покаяния для каждого из них. Он не сдастся. Он думает... думает, что однажды снова попадет на небеса. И спасая тебя, считает, что так сможет заслужить Божье благоволение и милость.

Я смотрю на закрытые двери. От Легиона и дух простыл.

* * *

Лилит, Андрас и Тойол отправились на следующую смену патрулирования, оставив меня с Джином и Фениксом.

Эта пара меньше страха не вызывает, впрочем, как и другие, поэтому отказавшись от предложения Феникса сыграть в шахматы, я иду в спальню Легиона.

К счастью, Лилит дала мне несколько книг, чтобы скоротать время.

— Эту ты должна прочитать первой, — радостно сказала она мне, подняв книгу с красной обложкой в твердом переплете и яркой надписью. Я провела пальцами по иллюстрации на обложке — девушка с закрученной татуировкой на все предплечье.

Это не похоже на рассказы, которые я обычно выбираю, поскольку всегда предпочитала читать более современную литературу.

— О чем эта книга? — спросила я.

Лилит покачала головой.

— Если скажу, ты не захочешь читать. Просто доверься мне, хорошо? Имей немного

веры.

Она права. Я не захочу читать.

Но пока я листаю страницы, глаза впитывают абсолютно каждое слово, мое сердце трепещет в груди, я так рада, что последовала ее совету. Я теряю себя в фантастическом путешествии, ощущая гнев героини, отчаяние... ужас.

Я даже чувствую что-то еще, намного большее. Надежду. Возможно даже любовь.

— Тук, тук, — говорит Феникс, стоя в дверном проеме, его лицо скрывают тени. Наступила ночь. Я даже не заметила, сколько прошло времени.

— Привет, — говорю я с натянутой улыбкой.

— Думал смогу тебе все здесь показать, пока Джин готовит ужин. Должен сказать — ему нравится, что ты здесь. Ему редко выпадает трижды на дню готовить.

Я закладываю нужную страницу и неохотно встаю с кровати.

— А разве обычно он не столько готовит?

Феникс качает головой.

— Когда мы не патрулируем, отдыхаем или тренируемся. Кроме того, нам не нужно регулярно есть, как людям.

— О. Ну, пожалуйста, не беспокойтесь на счет меня. Я недавно ела суп и обычно не ем много. — Или, как правило, у меня нет возможности купить хорошую еду.

— Никаких проблем. Остальные, после того, как вернуться с патрулирования, оценят горячий ужин. Пойдем. Я покажу все тебе здесь, чтобы ты смогла чувствовать себя, как дома.

Дома.

Это не мой дом. И никогда не станет моим.

Я даже не уверена, что даже знаю, что такое "быть дома".

Феникс ведет меня по коридору и останавливается у двери, расположенной ближе всего к комнате Легиона.

— Здесь живут Лилит и Андрас, — поясняет он, махнув рукой на большое пространство. Комната огромная.

Одна сторона, явно принадлежащая Лилит, украшена в мягких розовых, пурпурных и бирюзовых оттенках. Ее сторону отделяет перегородка с гирляндой, в то время как пространство Андраса оформлено в азиатском стиле.

Между их сторонами стоят плюшевые, в модных цветах кресла, 65-ти дюймовый телевизор, книжные полки и письменный стол. Дверь в ванную комнату находится слева.

Обстановка напоминает мне комнату в общежитии, конечно если она в три раза больше обычной комнаты и забита самыми лучшими вещами, которые можно купить за деньги.

— Раньше в здании находился склад, — объясняет Феникс, заметив мое изумление. — Мы полностью переделали его и теперь живем на верхнем этаже. Внизу под нами, в этом же здании, находится бар, ресторан и несколько бутиков.

Не удивительно, что это место такое большое. У них есть целый квартал, чтобы обустроиться и жить.

Напротив комнаты Лилит и Андраса комната Феникса и Джина. Практически такая же мебель, но декор сильно отличается.

В то время как демоны блондины украшали свои пространства цветами, тканью и украшениями, комната Джина и Феникса выглядела довольно простой с приглушенными тонами и деревом дорогих пород.

Я замечаю, что нет телевизора, а большая часть комнаты заполнена стеллажами из

книг. Книги на разных языках, начиная от древних томов до более поздних работ. Громоздкий стол из красного дерева стоит у стены.

— Если у вас так много места здесь, почему не сделать отдельные спальни? — спрашиваю я, не для того, чтобы обидеть. И чтобы показать мои намерения, я улыбаюсь.

— Быть ближе друг к другу лучше для нашего вида. Искушение вернуться к нашей старой природе, трудно игнорировать, будучи сидя в изоляции. А когда мы вместе, то чувствуем ответственность. Так мы чувствуем связь друг с другом.

Я понимающе киваю.

— Но... Ли...

Я до сих пор не могу произнести его имя.

— У Легиона есть душа, и он может находиться в одиночестве.

Феникс кривит губами и смущенно пожимает плечами.

Дверь рядом с их комнатой ведет в медпункт, оснащенный высокотехнологичными аппаратами, медицинскими препаратами, которые я видела только в больнице на больничной койке.

Феникс говорил, что он врач. Интересно, сколько раз ему приходилось латать раны и собирать кости. Демоны ведь бессмертны. Они же не регенерируют или сами исцеляются?

— Наши тела на Земле в той или иной степени могут быть повреждены, так же, как тела людей, — говорит Феникс, дав ответ на мои невысказанные размышления. — Мы можем исцелиться от самых незначительных поверхностных ран буквально за несколько минут, но вот серьезные повреждения делают нас очень слабыми, и мы не можем восстанавливаться. Вот именно, тогда современная медицина приходит на помощь.

Я пальцами провожу по машине, на которой примерно десяток кнопок, с монитором.

— Ваш вид трудно лечить? Или почти так же, как человека?

— По сути, то же самое. Но мы не можем использовать анестезию...

— Погодите. Вы не используете никаких обезболивающих?

На лице Феникса расцветает легкая улыбка, от которой его глаза светятся золотистым цветом.

— Это лишнее. Поскольку температура наших тел составляет 39,5 градусов, и мы выжигаем эффект от обезболивающих, прежде чем они успевают подействовать.

— То есть они находитеесь в сознании, и все чувствуете? Даже во время хирургического вмешательства?

Он кивает.

— Если сперва от боли не теряем сознание.

Холодная дрожь, словно змея, вьется вверх по моему позвоночнику. Как... ужасно.

Мы выходим в коридор, и я указываю на дверь напротив медпункта.

— Эй, а что там?

— Хранилище, — хладнокровно отвечает он, прежде чем приводит меня в комнату, где играют Каин и Тойол.

Именно так, как я ожидала.

В темных тонах и полностью забита различными играми и гаджетами. Если не обращать внимания на двуспальную кровать и разбросанную одежду, то можно подумать, что ты зашел в Best Buy.

Также везде валяется оружие — пистолеты, охотничьи ножи и кинжалы и то, что я никогда не видела. Мы останавливаемся здесь всего лишь на пару минут.

— Я могу спросить тебя кое о чем? — интересуюсь я, когда мы проходим в гостиную.

— Конечно, — отвечает Феникс и садится на диван, побуждая меня занять место рядом с ним.

— Почему я не могу уйти? Почему не могу увидеться с сестрой?

Он глубоко вдыхает, сцепляя пальцы перед подбородком.

— Ты все же представляешь риск для населения. Если тебя Призовут где-то там, то ты будешь опасна для окружающих, особенно для сестры. Мы держим тебя здесь для твоей же собственной безопасности и их. Не потому что мы жестокие. Как раз наоборот.

— Но, что если меня Призовут здесь? Вы сможете остановить меня?

— Ну, ты не можешь подчинить себе нашу волю, так что твой единственный способ атаки — это физический. А мы сможем... с этим справиться.

Перевод: Мы бы тебя убили.

Ему не нужно произносить слова. Я могу прочитать это на его явно красивом лице.

— Но... как долго? Я не могу вечно оставаться здесь. Не могу сидеть взаперти от внешнего мира до конца своих дней.

Мысль о том, что я больше не смогу встречаться с другими людьми, никогда больше не почувствую на лице солнечный свет, никогда больше не опущу ноги в холодные воды озера Мичиган... если честно это не лучше, чем быть мертвым.

— Мы ищем способ, как остановить Призыв. Может быть, с обучением и наблюдением мы сможем обнаружить признаки вовремя и избежим трагедии. — Он смыкает и разводит руки в стороны, словно пытается схватить мое беспокойство руками.

— А если я не исполню, то для чего буду Призвана? Если ты каким-то образом сможешь предотвратить нападение? Что тогда?

На мгновение он опускает глаза в пол, словно вес его жалости слишком огромен, чтобы сразу все выдержать.

Когда он снова смотрит на меня, его выражение лица мрачное и... безнадежное.

— Мы будем пытаться спасти тебя от самоубийства.

Я загнана в ловушку собственной судьбой, усажена в клетку рукой этой жизни — ничтожной, незначительной человеческой жизни, — с чем пришлось справиться. Если останусь, то буду изолирована от всего, что знаю.

Не больше, чем заключенная в уютной тюремной камере. Если я уйду, то рискую причинить боль людям — убить их. Нет никакого способа остановить это. Никакого способа бороться с этим. Андрас прав. Я родилась грешником и умру грешником. Даже если от собственных рук.

— Должен быть способ... — предложил Феникс. Он кривит губами, словно борется с решением, которое хочет рассказать мне. — Мы возможно, сумеем узнать, что тебя приводит к этому и помочь тебе — научить — бороться с желанием. Особенно с Адриэль...

— Адриэль? Зачем ей помогать мне? Она ничего не сделала, а лишь отсрочила неизбежное.

Феникс хмурится.

— Она спасла твою жизнь, Иден.

— Я бы лучше умерла! — Слова быстро слетают с губ, и я не успеваю остановиться. Я не хотела кричать на того, кто показал мне ничего кроме доброты и заботы, с того момента как меня схватили. Я не привыкла к этому. Я ни к чему подобному не привыкла.

— Я не верю, — говорит он, качая головой. — И ты тоже. У тебя есть предназначение,

Иден. Предназначение, которое важнее чем ты или я, или все мы. Адриэль, наверное, увидела это. Мы не знаем, почему она пала, но она сделала это, потому что у нее были причины. Может быть она... — он качает головой. — Неважно.

— Что?

— Я не верю, что она рискнула бы и пала с небес, если бы знала, что надежды нет. Если бы знала, что нет никакого способа вернуться.

Я хочу сказать ему, что он ошибается. Адриэль не та, кем он ее считает.

Шепот в моей голове твердит причинить боль людям, чтобы удовлетворить мой собственный безрассудный гнев, а не заслужить билетик в Рай. Адриэль пала, чтобы привести меня к спасению. Она пала, чтобы поставить нас на колени.

Легион и Каин не вернулись к ужину. Я не скучаю по принудительной болтовне вокруг стола, пока мы едим рагу из дичи и кукурузный хлеб. Вкус божественен, конечно, но все, что я могу ощущать так это горький привкус моей судьбы.

Я умру здесь.

* * *

Я резко просыпаюсь от оглушающего звука металла о металл. Первое, что хочу сделать закричать, бежать, но я всего лишь тихо издаю писк, когда вижу две темные пугающие фигуры, шатаясь, входящие в спальню, которую освещает лишь свет луны, заглядывающей в окно.

— Черт, Ли, ты вешишь гребаную тонну! — рывкает Каин, ведя высокого мужчину к кровати.

Я сажусь и натягиваю простынь до самого подбородка. Лилит дала мне ночную рубашку, она красивая, но слишком тонкая. Толстые фланелевые пижамы точно не для нее, а также они не подходят из-за повышенной температуры ее тела.

Моя первая мысль, что Ли ранен, я злюсь на то чувство паники, которое зарождается у меня внутри. Но потом я слышу то, что полностью меня запутывает.

Легион... смеется.

Каин закидывает одну татуированную руку Легиона себе на плечо и ведет его к кровати. Как только он садится на край кровати, то падает назад и почти касается моей ноги.

— Что с ним случилось? — шепчу я демону со шрамами.

Каин смотрит на меня, как ни странно, его взгляд лишен той обычной злости. На самом деле, он выглядит так... словно его это забавляет.

— Твой мальчик слегка навеселе.

— Он пьян?

— Нет. Нисколечко, — мямлит Легион, после чего начинает хихикать. — Я справлюсь с любым из вас... с любым из вас в эту же секунду. Помогите мне встать. Я покажу вам. Ни черта вам не светит со мной!

Я обеспокоена, как бы мне этого не хотелось. Волновалась, что что-то происходит. А он все это время напивался.

— Легче, здоровяк, — щетинится Каин, снимая сапоги со своего друга. — Может быть в другой раз. Не хочу помять твое смазливое личико.

— Дерьмо. Собачье. — Легион смотрит вверх, обращая эти серебристые глаза на мой ошарашенный вид, прежде чем он опускает глаза на мои обнаженные плечи и открытые

руки. Он приоткрывает рот и совсем другое чувство появляется в его глазах.

Голод.

Я не могу отвести взгляд.

— Ладно, красавчик, — говорит Каин, выпрямившись. — Пора немного поспать. Ты сам в состоянии раздеться. К черту это все.

Я хочу попросить Каина, чтобы тот остался и спас меня от разбушевавшегося зверя, скрывающегося во взгляде Легиона.

Спаси меня от смущающих чувств, которые я испытываю к этому монстру.

Спаси меня от самой себя.

Но Каин выходит из комнаты с хитрой улыбкой на его, изуродованном шрамами, лице. Он играет в опасную игру. Возможно, мы оба.

Я не могу просто встать. Теперь не могу, когда он так... смотрит. Я тяжело сглатываю и справляюсь с волнением.

— Давай. Уложим тебя в постель.

— Ага.

Он, наконец-то, моргает, вспоминая, кто он. Вспоминая, кто я.

С усилием он разворачивается и встает коленями на кровать, и двигается, словно все его огромное тело налито свинцом от усталости.

Он ползет на четвереньках, словно животное, а его призрачный взгляд касается моей холодной кожи. Я чувствую тепло Ли, которое проходит через меня, ласкает шею, целует губы, скользит по моим соскам, скрытым под атласом.

Он медленно ползет к изголовью кровати, его движения гибкие и смертельно опасные, как у пантеры.

Я задерживаю дыхание, кажется, проходит вечность между ударами моего сердца, когда он приближается все ближе... ближе... ближе... пока не останавливается прямо передо мной. Я как-то подумала, что размер кровати до безобразия нелеп.

Теперь я не так уверена, буду ли благодарна или расстроена из-за этого.

Я ахаю, когда Ли расположив мускулистые руки по обе стороны от моих бедер, нависает над моими согнутыми коленями. Он движется вперед, так что наши лица находятся на одном уровне.

Видит меня. Он видит мою душу. Видит весь ужас, всю боль. Всё желание, разжигающее мою трепещущую плоть.

Я не выдыхаю, пока неожиданно Ли не перекатывается и ложится на спину. Он сжимает подушку, его пальцы так напряжены, что мне кажется, он разорвет ее пополам.

Невероятно длинные, темные ресницы веером опускаются на великолепные скулы, когда он закрывает глаза. В течение нескольких секунд его дыхание становится тяжелым и глубоким.

Не думаю, что смогу уснуть.

Всё начинается, как и всегда.

Холодный бетон кусает мои босые ноги. Лезвие в руке ощущается невесомым, я провожу им по моей обнаженной груди, словно шелковым перышком.

Я задыхаюсь от ощущения покалывания на моих сосках, которое спускается ниже к животу, высекая призрачные символы вдоль моих ребер. Я покачиваю бедрами из стороны в сторону, наклоняю и вращаю, чтобы он смог увидеть во всей красе каждый дюйм моего тела.

Так, чтобы он мог видеть, какое удовольствие я могу ему доставить.

Я слышу их крики — сладкая, эротическая симфония для моего медленного, гибкого танца. Они умоляют отпустить их.

Умоляют меня пощадить их жалкие жизни. Я запрокидываю голову и смеюсь, позволяя им любоваться, как трясутся от удовольствия мои тяжелые груди.

Я раздвигаю бедра и самым наконечником лезвия провожу по скользкому лону. Я стону от ощущения холодной стали против влажного тепла. Не сводя глаз с пленников, я подношу нож ко рту и облизываю лезвие.

Они тоже этого хотят. Они просто не знают об этом. Но я планирую исполнить их желание.

Я знаю, чем быстрее убью их, тем быстрее смогу ощутить его внутри себя. Я страстно желаю его, но эта игра слишком веселая. Ожидание, тоска — такие же сладкие, как и убийства.

И когда я получу свою награду, когда он поставит меня на колени в лужу теплой крови и глубоко войдет в меня, будет еще слаще.

Ослепительная вспышка полностью окутывает помещение, словно сверхновая. Когда мои глаза привыкают к странному, яркому пламени, я понимаю, что нахожусь на кровати, застеленной шелком и атласом цвета утреннего тумана.

Я больше не ощущаю холода под ногами, ни лезвия в руке. Мое тело теплое, мягкое и жаждущее. Я протягиваю руки и ноги и улыбаюсь, тихий вздох слетает с моих губ.

Он ползет по моему телу с дьявольской улыбкой на губах, от которой у меня слабеют колени. Я претворяюсь испуганной и пытаюсь вырваться, но он быстро хватает меня и подминает под себя.

— Ты не сможешь убежать от меня, — лениво улыбается он.

Я смотрю в его глаза цвета летнего дождя и поднимаю руку, чтобы провести по черным, как ночь, волосам. Он содрогается от моего прикосновения.

— Зачем мне это?

— Никогда, — шепчет он, опуская голову так, что наши губы соприкасаются. Я дрожу от ощущения, когда он касается моего лица щетиной.

— Никогда не бойся меня. Никогда не убегай от меня.

— Никогда, — обещаю я, значение этих слов важнее, чем последующий стук моего сердца.

Коленом он раздвигает мои бедра и устраивается между ними. Я ощущаю его, пульсирующую, тяжелую длину. Он толкается в меня, даже не согнув колени.

— Никогда, — повторяю я, выдыхая стон. Головка члена свободно проникает в меня, обжигающие, ноющие чувства действуют, как бальзам на мою дрожащую плоть.

— Никогда, — стенаю я ему в рот, когда он языком пробует меня на вкус.

Он садится и тянет меня за собой, так что я медленно скольжу по его длине, обхватывая ее, как перчатка.

Я хочу двигаться — хочу почувствовать его глубоко, настолько глубоко насколько мое тело сможет его принять — но он качает меня, сжимая мои спину и бедра, а я от отчаяния вцепилась ему в плечи.

"Держись за него", шепчет голос. "Держись и никогда не отпускай...".

Я просыпаюсь с первыми лучами рассвета, под простынями мои руки и ноги переплетены с конечностями Легиона. Он крепко спит на спине, я щекой прижимаюсь к его груди, он обнимает меня. Мы оба лежим на его стороне кровати.

Либо он притянул меня к себе, либо я повернулась к нему ночью, в поисках его тепла. Он так крепко обнимает меня, словно боится, что я ускользну.

Словно ночью какое-то чудовищное зло вырвет меня из его объятий.

Я решаюсь посмотреть на его лицо, интересно почувствует он мой взгляд. Интересно, а он знает, что моя обнаженная нога лежит на его бедре.

Я должна освободиться от его объятий и вернуться на свою сторону кровати, но я боюсь, что разбужу его. И Ли такой теплый. Такой теплый, в то время как мое сердце такое холодное.

Я не готова проснуться. Я не готова потерять чувство безопасности и спокойствия, дарующие этим коконом и столкнуться с еще одним днем обучения моей судьбе.

Я закрываю глаза на фоне восходящего солнца и еще немного продлеваю длинную ночь. Еще несколько минут его тьмы, заставит почувствовать меня хрупкой и человеком.

День принесет вопросы, которые растворятся в болезненных ответах. Истины, еще больше запутывающие и злящие меня. Я не хочу покидать его кровать, его руки или этот спектакль. Еще нет.

Я слышу манящий голос, но покрывало сна уже окутало меня. Я позволяю голосу петь мне колыбельную, мягкую и мелодичную, пока все что я чувствую это тепло, гладкий камень и атлас цвета дождевых облаков. Пока мрак затмевает солнце сквозь мои закрытые веки.

"Держись за него. Держись и никогда не отпускай".

— Никогда, — шепчу я напротив груди Легиона, прежде чем погружаюсь в сон.

* * *

Когда я просыпаю, уже во второй раз в середине утра, то нахожу, что Легиона уже нет в кровати и за это очень благодарна. Не могу себе представить, что творилось в его голове, когда он проснулся и увидел меня в его объятиях. Честно говоря, я даже не знаю, что происходит у меня в голове. Он демон. Создание мерзости и разрушения. Монстр, который обращался со мной грубо в то время, когда я была напугана и растеряна.

Но его прикосновения дарят мне безопасность. Его слова приносят утешение. Само его присутствие прогоняет ночные кошмары и меняет их на что-то другое.

На нечто милое и нежное. Он заменил то зло... собой.

На протяжении нескольких лет мне снились кошмары, каждый из них потрясал меня до глубины души. Кошмар всегда был один и тот же: холодная с бетонным полом комната, без

окон и дверей, я голая и извивающаяся... и их крики.

Их кровь. И, в конце концов, меня кто-то или что-то, чего я не вижу — не могу потрогать — бесчувственно трахает среди окровавленных трупов.

Я всегда ору на него. Всегда умоляю сильнее и больше. Он избивает меня изнутри, до тех пор, пока моя плоть не становится восполненной и болезненной, но я не хочу, чтобы он останавливался. Словно я истосковалась по жестокости.

Знаю, что это неправильно, но часть меня — больная, извращенная и развращенная — чувствует, что так и должно быть, так правильно. Словно его метка взывает во мне зло.

Я зажимаю в кулак взерошенные волосы и сильно дергаю, как будто пытаюсь вытянуть садистские мысли из головы. Мне просто необходим хороший, очищающий душ, который смоем этот затянувшийся ужас.

На кровати нет чистой одежды, но на комодке стоит картонная коробка. Видимо, кто-то устал таскать мои вещи из старой квартиры, и решил сложить их.

Одежда, обувь, предметы личной гигиены, книги, зарядка к телефону. Нет фотографий или каких-либо вещей, напоминающих о прежней жизни, которую мне пришлось оставить позади. Я рада этому. Я уже давно упаковала эти воспоминания и похоронила их навсегда.

Я принимаю душ и одеваю футболку и штаны для йоги, выбрав удобство моде, прежде чем отправляюсь в гостиную. К моему удивлению, все ушли, за исключением Андраса и... Легиона.

Он сидит за обеденным столом, уставившись в чашку кофе. Поставив локти на стол, Ли обхватывает голову руками, как будто прилагает усилия, чтобы не упасть лицом в горячее варево.

Я иду к дивану, где Андрас сидит и смотрит телевизор. Он мне кажется меньшим из двух зол.

— Доброе утро, соня, — дружелюбно говорит он. — Джин оставил твой завтрак на плите.

Я киваю и натянуто улыбаюсь ему.

— Где все?

— В основном патрулируют. Лилит хотела пройтись по магазинам. Такое тщеславное маленькое создание. — Он переключает канал и попадает на НВО, по которому показывают старый фильм с участием Аль Пачино. Он ухмыляется. — Клянусь, они всегда представляют его, как какого-то темноволосого старика. Люди.

— Кого?

— Люцифера, — небрежно отвечает он. — Что никто Библию не открывал? Он любимчик Бога, самый талантливый и красивый из всех ангелов. Почему, черт возьми, он выглядит, как дряхлый, сморщенный чувак?

Люцифер.

Просто представлять его иначе, чем красный, рогатый зверь меня нервировало.

— Ну... так, как он выглядит?

Андрас пожимает плечами.

— Великолепный. Чувственный. Высокий. Просто как Творец создал людей по образу своему, Люцифер создал нас по — своему. Ну, большинство из нас, так или иначе.

С любопытством в глазах я окидываю взглядом светловолосого мужчину с головы до ног.

Глубоко посаженные голубые глаза, прямой идеальный нос, пухлые губы. Светлые

волосы до плеч, которые сзади собраны в хвост, обычно при виде такого меня передергивает.

Однако Андрас выглядит изящно и стильно. Без всяких сомнений, я думаю, если он оденет мешок на голову, так или иначе, будет очаровательным и таинственным.

Если эта работа Сатаны, то я не могу понять, как он выглядит.

— Я думала, что ангелы и демоны только мужчины, — говорю я, меняя тему, — А здесь Лилит и... Адриэль.

— Библия написана женоненавистниками, которые думали, что это Воля Божья избивать женщин и приносить в жертву девственниц. У некоторых святых было по несколько жен и наложниц, они видели в них лишь инкубаторы для их праведного семени. Не верь обману.

Согласившись, я киваю. К сожалению, слишком много самовлюбленных эгоистов с микро-членами придерживаются такого же мышления в современном мире.

Я быстро искоса смотрю на Легион, до сих пор сидящего, обхватив руками голову и уставившегося в кофе.

Андрас замечает, что я смотрю на Ли, и хитро улыбается.

— Он так сидит все утро, — почти шепотом говорит он мне.

— А?

— Думаю, прошлая ночь его сломала. Он не любитель выпить. Ли считает это... грехом. Странно звучат эти слова.

Я хмурюсь в замешательстве.

— Зачем ему переживать о том, что это грех. Я имею в виду, учитывая тот факт, кем вы являетесь и что он...

Из моего рта слова звучат неправильно.

Андрас пожимает плечами.

— Легион не такой, как другие демоны. То, что он считает... что ищет... это не просто для галочки. Он хочет жить праведной жизнью. Черт, после того, как он ударил тебя, прошел через ад. Ли постился, просил покаяния. Он хочет этого больше, чем кто-либо из нас.

— А что хочешь ты? — спрашиваю я дрожащим голосом.

— Спасения. — Искренность в его глазах такая ясная, что я вижу собственное отражение в этих голубых омутах. — Для большинства из нас это более достижимо, чем для других.

Я состою в клубе Хороших Мальчиков. И согласно доброй книге я проклят, так или иначе.

— Ты гей? — Не хочу показаться слишком нахальной для него, но... он гей? Думаю, что даже демоны не могут отрицать того, кто они. Хотя не удивлюсь.

Андрас просто чертовски красив. Любая женщина бы позавидовала его красоте.

— Насколько я знаю, — хихикает он. — Я рожден, чтобы быть ангельским и манящим. Я известен как... искуситель мужских тел.

Интересно. Я слышала, что даже гетеросексуальные мужчины сменяют ориентацию, но я просто думала, что они в глубине души чувствуют себя гомосексуалистами и слишком напуганы или упрямы, чтобы признать это.

Возможно, Андрас ответственен за большее, чем несколько сексуальных пробуждений.

Андрас смотрит на своего лидера, друга... брата. Когда наши взгляды снова пересекаются, он кивает в сторону Легиона.

— Поговори с ним. Уверен, он будет рад отвлечься.

Не могу быть уверен в том, что он прав, но я что-то чувствую. Что-то грустное, одинокое и запутанное. То, что я думаю, Легион хорошо знает.

Делая вид, что мне нужно поесть, я тихо иду на кухню за любезно оставленным Джином завтраком: яйца, бекон и домашнее печенье.

Даже оставил свежий кофе в кофеварке. Я беру завтрак и сажусь за обеденный стол, выбрав привычное для меня место... рядом с Легионом. Он даже головы не поднимает.

— Ты в порядке? — наконец-то набравшись смелости, спрашиваю я. Он мычит, что-то похожее на "да".

Молча я ем, оставив его в покое и позволив Ли упиваться своей виной и страданиями. Мы не друзья. Нас ничего не связывает. Он не обязан объясняться передо мной или разговаривать.

Я не могу ждать от кого-то проявления хоть толики доброты, лишь только потому, что спала в его объятиях последние две ночи. Черт, может из-за этого он теперь игнорирует меня.

Вдруг почувствовав себя неуверенно и немного — совсем немножко — смущенной, я решила быстро закончить с завтраком и убежать в спальню.

Но прежде чем я успеваю взять тарелку, чтобы отнести на кухню, он поднимает голову.
— Ты плакала.

Салфетка выпадает из рук и падет на половину съеденные яйца.

— Что?

— Прошлой ночью. Ты плакала во сне. Я не стал будить тебя, поэтому я...

Он сглатывает и смотрит на свой кофе. Поэтому он притянул меня к себе.

— Ты тянулась... искала кого-то.

Искала меня.

Я не знаю, что сказать или сделать. Поблагодарить его? Притвориться, что ничего не произошло? Кажется, что никакие слова не подходят и поэтому я говорю:

— Я... что-нибудь говорила?.

К счастью он качает головой, вздрогнув, как будто движение вызвало головную боль. Я бы предложила ему выпить обезболивающее, но оно не подействует.

— О. Думаю это хорошо.

Я смотрю в свою тарелку. Теперь я хочу снова есть, лишь бы чем-нибудь занять рот.

— Извини.

Я поднимаю голову, думая, правильно ли я его услышала.

— За что?

— Я не должен был напиваться. Это глупо, особенно, когда ты в моей постели.

— Всё нормально.

— Нет, — говорит он, немного громче, чем я ожидала.

Этого достаточно, чтобы заставить меня отпрянуть.

— Я мог бы сделать что-то, что тебе не понравилось бы. Что-то непростительное.

— Я в порядке, Ли. — Это ближе всего к его имени, которое я могу произнести. — Ты не сделал мне больно. Мы просто легли спать.

— Да, но я мог бы. Не пойми меня неправильно, Иден. Я демон. Моя природа — чистое зло. Просто потому, что я выбрал другой путь, не означает, что я не склонен к похоти.

Похоти.

Легион... испытывает ко мне похоть?

Я делаю большой глоток крепкого кофе.

— Иден, есть кое-что, что тебе стоит обо мне знать.

— Да? — Слово почти застревает у меня в горле.

— Когда я был...

Прежде чем он успевает закончить свою мысль, входная дверь резко открывается, проливая темноту в ярко освещенную комнату.

За долю секунды Легион вскакивает на ноги, кулаки сжаты по бокам и он встает между мной и столом.

Я ценю тот факт, что могу в полной мере насладиться видом его задницы, если бы по комнате эхом не разлетались крики полные отчаяния. Я обхожу твердое, как скала тело Легиона и вижу...

Кровь.

Повсюду много крови.

На их коже. Кровью пропитана их одежда и забрызганы ботинки.

Столько крови означает, что что-то серьезно пошло не так.

Столько крови, говорит о том, что кто-то умер.

— Что, мать вашу, случилось? — кричит Легион, и от его сильного рева дребезжат окна.

— Мы попали в засаду, — отвечает Тойол, поднимая под руку Феникса. Джин держит его с другой стороны. — Их было несколько десятков. Словно они знали наш маршрут.

О нет, Феникс. Он откидывает голову назад, словно пытается удержаться за сознание.

Я в ужасе смотрю на Феникса, его штаны разодраны, обнажая рану на бедре. Выглядит так, словно на него напал медведь. Или хуже.

— Эти ублюдки осмелели. Атаковали при дневном свете? Он идет на крайние меры, Ли. Они хотят ее и они знают, что она под нашей защитой.

Легион сжимает челюсти, когда переваривает слова его братьев.

— Отведите его в медпункт. Мы должны обработать его раны, прежде чем он потеряет слишком много крови. Каин, сколько их там еще?

— Мы убили всех, кроме двоих. Они сбежали, когда на Феникса напали. Блядь! — Я могу видеть ярость, смешанную с чувством вины на его лице. Его друг ранен и, двое с кем они сражались, сбежали. Он чувствует, что ответственен за это.

— Лилит, — задыхаясь, говорит Андрас, его лицо бледное, а глаза широко раскрыты. Легион кивает, понимая его беспокойство.

— Найди ее и приведи обратно. Каин, отправляйся с ним.

Андрас выбегает из комнаты через минуту, до зубов вооруженный и готовый к бою.

Совсем не тот светловолосый ангельской внешности мужчина, который валялся на диване, переключая каналы, и делал вид, что не подслушивает.

Легион направляется в сторону медпункта, после того, как два воина покидают квартиру.

— Я могу помочь, — говорю я ему в спину. Он не поворачивается, но останавливается, так что я продолжаю. У нас нет времени на вежливость.

— Сестра... она медсестра. Она научила меня кое-чему. Возможно, повреждена артерия. И я могла бы помочь

Он молчит, а через миг кивает.

— Пошли.

Игнорируя насыщенные красные кровоподтеки, тянущиеся от двери в коридор, я быстро иду в медпункт, пытаясь угнаться за широкими шагами Легион.

Феникс был в ужасном состоянии и едва в сознании, так что я не могу просить помощи. Его братья также не могли мне помочь, слишком шокированные и злые, чтобы делать что-то, кроме как стоять там с бледными лицами и наблюдать, как Феникс истекает кровью.

Видя, что не могу положиться ни на одного из них, я напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить, чему меня учила сестра и что я узнала, когда помогала ей в медицинской школе.

Тойол смотрит на меня с широко раскрытыми глазами.

— Яд.

Я осматриваю его ногу. И оказываюсь права. Кровь хлещет фонтаном, заливая белый кафельный пол. Чтобы не напало на него, у Феникса задета артерия.

— Хорошо, нам нужен жгут и много бинтов. Ли, ты можешь отрегулировать стол и

поднять ногу Феникса? Джин, возьми марлю и прижми здесь.

— Тойол, поможешь мне завязать жгут, — поручаю я, бросая каждому латексные перчатки.

Это, кажется, возвращает их в реальность, и они быстро берутся за дело.

— Хорошо, выше раны, это влияет на сердце, так что сильно не затягивай.

После того, как ногу поднимают, и потеря крови замедляется, от ужасного фонтана до струйки, я роюсь в большом белом шкафу, в котором стоят тысячи различных флаконов.

— Что ты ищешь? — спрашивает Легион.

— Адреналин. Я не знаю, каким ядом его отравили и если у тебя где-то завалилось чудодейственное средство от него, то прошу, дай мне его. Он слишком много теряет крови. И с его повышенной температурой у него возможно несколько минут. Или секунд.

Легион исчезает из комнаты, умчавшись в какое-то секретное место, оставив меня читать непонятные каракули на крошечных стеклянных баночках. На лбу появляется пот, пока я шурюсь на бессмысленные символы.

Для меня они все одинаковые. Я теряюсь, но я не должна стоять и ничего не делать, пока кто-то истекает кровью.

— Вот. Антидот, — произносит, тяжело дыша Легион, внезапно оказавшись рядом со мной.

У меня нет времени, чтобы изумиться, Ли пихает мне в руки небольшой красный контейнер и достает флакон с прозрачной жидкостью.

— Адреналин. Зачем он тебе?

— Увидишь. Дай мне спирт и держи его за плечи. Джин держи его ногу. Будет очень больно.

Я убираю, пропитанную марлю с отвратительной раны, делаю глубокий вдох, прежде чем лью жидкость на ногу.

Феникс кричит от мучительной боли, но я стараюсь оставаться сосредоточенной и проглатываю ком, образовавшийся в горле. Знаю, что все делаю неправильно, но я не знаю, что еще могу сделать.

Всё о чем я думаю это, как спасти Фениксу ногу... и его жизнь.

— Тойол, мне нужна свежая марля, — говорю я, беря ампулу с адреналином. Он протягивает мне свежую, белую ткань, пока я вскрываю ампулу. Я полностью выливаю адреналин на марлю перед тем, как прикладываю ее к ране.

— Что ты делаешь? — спросил Легион. Он по-прежнему держит друга за плечи.

— Трюк при перевязке. Помогает остановить кровотечение и способствует скорейшему заживлению раны.

— Это действительно сработает?

Я про себя молюсь.

— Думаю, сейчас увидим.

Адреналин и способность Феникса быстро исцеляться замедляют кровотечение до капиллярного.

Жгут уже не нужен и Феникс перестает кричать. Но он все еще не подвижен. Слишком бледный. И холодный.

— Этот яд, — объясняет Тойол. — Их лезвия пропитаны им. И он смертелен для нашего вида.

С усилием, я набираю противоядие в стерильный, большой шприц. Оно необычного

дымчато-перламутрового цвета, совсем по-другому я представляла медицинскую сыворотку.

Но у меня нет времени гадать. Мы быстро его теряем. Если я окажусь не правой, то семерка станет шестеркой.

Дыши глубже, Иден.

Я прижимаюсь ухом к его груди, надеюсь — молясь — услышать сердцебиение, чтобы предпринять следующий шаг. Но ничего не слышу, кроме низкого гула там, где должно быть человеческое сердце.

У меня нет выбора. Я смотрю на Легион, ища любой признак того, что я на правильном пути. К счастью, он резко кивает мне.

Уповая на веру, я погружаю иглу прямо в грудь, пронзая плоть и кость. От тошнотворного звука металла, проникающего сквозь толстую ткань, меня начинает мутить, но отбросив это назад, я уверенно давлу на поршень.

Не думаю, что кто-то из нас дышит, пока Феникс не делает глубокий вздох, наполняя легкие воздухом. Пепельный цвет его кожи постепенно возвращается к обычному для него мягкому коричнево-красному цвету.

И прямо перед моими изумленными глазами, его сухожилия и мышцы стали восстанавливаться. Сработало.

Я делаю шаг назад, предоставляя им больше пространства, зная, что я больше не нужна. Различные эмоции появляются у них на лицах. Я улыбаюсь про себя. Я сделала что-то... что-то, что думала никогда не смогу сделать. Что-то хорошее для разнообразия.

— Эй, — говорит Легион, подойдя ко мне, пока я смываю кровь с рук, лица. К счастью, в медпункте есть большая раковина и много мыла.

К несчастью у двери остался темно-красный след, заполняющий замкнутое пространство резким металлическим запахом с оттенком странной сладости. Похоже на запах жимолости и солнечного света.

— Привет, — отвечаю я, смотря на вихрь ржавых потоков, стекающих в канализацию.

— Ты... была неподражаема. Ты спасла жизнь моему брату и за это, я у тебя в огромном долгу.

Я поднимаю глаза на него и вижу, как он смотрит на меня пронзительным взглядом, от которого у меня на мгновенье перехватывает дыхание. У меня пропадает дар речи и с губ срывается беззвучный вздох.

Мой ум, как рассыпанная мозаика, части, которой не совсем совпадают, чтобы собрать в последовательную цепочку мыслей. Я ищу... ищу способ передать то, что чувствую.

Но я даже не знаю, что именно. Этот мужчина — монстр — мой потенциальный убийца. Но каждый раз, когда я касаюсь его кожи, когда он обнимает меня, в этот момент я чувствую себя как никогда живой.

Я качаю головой, отгоняя безумные мысли. Это адреналин, шок или все вместе сразу. Я испытываю к нему то, что он чувствует ко мне. Ничего.

— Это... ничто, — наконец отвечаю я, откровенно имитируя боль в голове. — Ты мне ничего не должен. Я даже не знаю, что делала. Честно, нам просто повезло.

— Нет. Ты помогла ему, Иден и в результате помогла нам. Ты не должна была. Ты просто могла стоять и смотреть, как он умирает, и никто бы тебя не винил в этом. — Ли хмурит лоб, словно вспоминая, кто я и что олицетворяю. — Почему?

— Не знаю, — отвечаю я, пожимая плечами. — Я полагаю... думаю, что не смогла бы стоять и смотреть, как кто-то умирает, даже... демон... из-за меня. Потому что пытался

защитить меня. — Я смеюсь язвительно, но звук выходит не таким и режет мне уши. — Это того не стоило бы.

Недоброжелательность просачивается в его глаза, пока в них не вспыхивает неистовая, древняя буря. Он делает шаг вперед, двигаясь подобно жидкости... подобно хищнику. Как пантера в моем сне. Как крадущейся зверь прошлой ночью.

Он открывает рот, на кончике его языка собрался гнев. Но прежде чем, он может натравить его на меня, Тойол хлопает Ли по плечу, обращая на него внимание. Я выдыхаю.

— Эй, чувак. Остальные уже в пути. — Он переводит взгляд раскосых глаз на меня, они переполнены благодарностью и облегчением. Тойол искренне улыбается, так легко, словно это вторая его натура. Словно он... счастлив. - Спасибо, Иден. Ты не знаешь... спасибо тебе. — Он кланяется мне.

— Эмм... пустяки. И я рада, что с ним все будет в порядке.

— Да, — говорит он. — Спасибо тебе. Нам повезло, что ты оказалась здесь.

Я быстро вытираю руки, пытаюсь избавиться от сладкого запаха крови и их огромной благодарности. Я не привыкла к этому... что людям нравится мое присутствие.

С самого рождения мне говорили, что я обуза — пятно, которое омрачает то, что должно быть счастливой жизнью. Моя мать никогда не позволяла забыть то, что я разрушила.

И когда меня забрали от нее, лучше не стало. Пока не встретила сестру, я хоть немного, совсем капельку чувствовала с ней нормальную жизнь. И любовь.

Я направилась к выходу из медпункта, натянуто улыбаясь Джину, когда тот кивнул мне, его глаза блестят — срань Господня — от слез. Феникс, казалось, отдышал, пока его тело само себя исцеляло.

Рана полностью затянулась, хотя и немного выглядит восполненной. Такая рана убила бы любого смертного за несколько минут, даже без яда.

Я почти перехожу на бег, когда оказываюсь в коридоре и не замедляю шаг, пока не добираюсь до ванной комнаты в спальне Легион. Нужно избавиться от этой окровавленной одежды на мне.

Мне нужно смыть запах смерти и гибели с моей кожи. Я не могу сделать воду горячее. Я не могу заставить струи душа литься сильнее. Я не могу убежать от того, что сделала, от того, кто я и что будет, пока я жива.

Я выхожу из душа и даже не заворачиваюсь в полотенце и провожу рукой по запотевшему от пара зеркалу. На меня смотрит девушка, ее боль настолько глубокая, что она въелась в цвет ее лица.

Я не вижу ангела. Я даже дьявола не вижу.

Я вижу незнакомку с серебристыми волосами, которая смотрит на меня моими карими глазами, дышит моим воздухом, как будто каждый глубокий вдох жизни принадлежит ей.

Она не ничтожество. Её жизнь важная. Она храбрая, сильная, рациональная. Сегодня она спасла чью-то жизнь. Того, кто стал бы участником ее убийства на прошлой неделе.

А сегодня она была нужной. Не была обузой. Или ошибкой.

Эта девушка решила быть во главе, а не жертвой. Она не будет мученицей перед лицом невзгод. Она будет стоять, и сражаться, вопреки смертельной слабости. Вопреки ее судьбе. Она будет бороться и... победит.

Я последний раз окидываю ее взглядом, прежде чем отворачиваюсь и беру полотенце. В спешке принять душ я забыла взять чистую одежду, так что, обернувшись в пушистое,

махровое полотенце, я открываю дверь и покидаю уединение пара и тишины.

Легион сидит на кровати, его стоический взгляд направлен на ванную. От удивления я взвизгиваю и прикладываю руку к груди, так, чтобы полотенце не упало.

— Извини, я... — На его лице как обычно хмурый вид, а челюсть сжата от гнева. Или разочарования? Серебристым взглядом он окидывает мое влажное тело, как будто обнаженная плоть вызывает у него чувство отвращения. Я крепче сжимаю полотенце.

Не говоря ни слова, он в гневе встает, бросив маленький пакет на кровать. Пересекает комнату, смотрит на меня через плечо и закрывает за собой дверь.

Там среди кучи атласа лежат мои наушники, телефон и украденные вилки.

* * *

Умная бы позвонила в 911. Может быть, даже позвонила сестре и объяснила, что случилось со мной. Но трезво думающий человек знал, что так я подпишу ей смертный приговор.

Я не сомневалась, что мой телефон прослушивался и за моими действиями внимательно наблюдают.

Кроме того, я не могла впутать в это еще кого-нибудь. Даже натренированный человек не мог противостоять против любых сверхъестественных сил.

И если се7мерка прослушивала мой телефон, то почему же величайшему злу не делать то же самое? Я могу привести их врагов — наших врагов — прямо к парадной двери.

Я принимаю предложение мира — этот маленький акт веры.

Он хочет увидеть, может ли доверять мне. Он пытается показать, что я не пленница. Я буду полной дурой, если пренебрегу его добротой.

Я вставляю в уши наушники и включаю, любимый плейлист и беру книгу, которую дала мне Лилит. Я теряюсь в линии басов и жёсткой лирики, погружаясь в вымышленный мир полный фантастических фантазий.

Я даже не моргаю, пока мурашки не ползут от плеч до основания позвоночника. Я не одна.

Мужчина с горой непоколебимых мышц и твердым выражением лица, высеченным в постоянном оскале, стоит менее чем в метре у подножия кровати.

— Я стучал, — говорит Каин, после того, как я вскрикиваю. Он смотрит своими безжизненными, черными глазами на белые наушники, которые я сжимаю в руках, и из которых все еще доносится музыка A\$AP Rocky.

— Ты слишком громко слушаешь музыку.

Я проглатываю страх.

— Что тебе нужно?

— Семейный сбор в пять.

Приподняв брови, я смотрю из стороны в сторону, как бы говоря "Иииииии?"

— Ты должна присутствовать там, — отвечает он, прочитав по моему выражению лица невысказанный вопрос.

— Зачем?

На его мрачном лице появляется кривая ухмылка.

— Ты спасла жизнь моему брату. Ты одна из нас, — отвечает он. Затем, разворачивается и уходит из комнаты до того, как я успеваю ему возразить.

Одна из них? Я даже не знаю, должна ли польститься или оскорбиться. Но я не могу игнорировать то теплое чувство в груди, которое окутывает мое холодное, умершее от одиночества и пустоты, сердце.

Я смешна, знаю, но... так приятно чувствовать, что ты нужна. Даже если это означает, нужна — абсолютному злу.

"Ты теперь его".

Я гоню глупую мысль прочь и встаю. Я не его. Я никому не принадлежу.

Робкими шагами я вхожу в столовую и вижу, что они сидят вокруг мраморной столешницы.

Даже Феникс сидит рядом с Легион, его почтительные, золотистые глаза блестят от эмоций. Он улыбается и склоняет голову, когда я сажусь напротив него рядом с ним и Ли.

Только по этой причине, мне стоило сказать нет... стоило остаться в комнате.

Я не знаю, что говорить или делать. Любезно принимать благодарность, совершенно, чуждо мне.

Легион бросает на меня ледяной взгляд, и я не уверена, удивлен или расстроен он тем, что я влезла в их семью. Я кладу руки себе на колени, отказываясь смотреть на него.

Возможно, если я не буду говорить и даже дышать, то стану невидимкой.

— Прежде чем мы начнем, — в тишине эхом раздается его глубокий голос, — мы должны кое-что обсудить.

Ох, нет. Нет, нет, нет, нет.

Я чувствую их пристальные взгляды на себе.

Немые вопросы "как?" и "почему?" нависли надо мной. Я опускаю плечи, надеясь, что так удержу поднимающуюся во мне тревогу.

— Я облажался, — объявляет Ли, когда я смотрю на его лицо. Он смотрит перед собой, с вызовом вздернув подбородок. — Тем утром мне следовало быть с вами. Была моя смена, а Феникс вмешался лишь потому, что у меня было сильное похмелье и я не смог собраться.

Произошедшее сегодня — моя вина. И я прошу прощения.

Я хмурюсь, но про себя произношу молитву благодарности. Я не знаю, что он делает, но...

Почему?

— Теперь, когда это все позади... Каин скажи, что ты узнал.

Мужчина со шрамами на лице кивает.

— За последние семьдесят два часа активность демонов возросла, чем обычно, сосредоточившись вокруг южных кварталов...

Он подробно рассказывает свой доклад, информируя друзей о необъяснимом увеличении атак демонов на город. Об убитых людях на улицах.

В собственных домах убивали целые семьи. Это Чикаго, поэтому СМИ списывают случившееся на враждующие между собой группировки, они по-другому все преподносят.

Они провоцируют их. Заставляют семью сделать выбор: отдать меня или смотреть, как невинные умирают. У меня пересыхает во рту.

— У нас есть какая-нибудь зацепка по поводу яда? — спрашивает Легион.

— Нет, — качая головой, отвечает Тойол.

— Это не имеет смысла. Зачем ангелам отдавать свое единственное оружие, которым они могут уничтожить их врага? Зачем отдавать единственную вещь, из-за которой они могут проиграть в войне?

— Что? — восклицаю я, прежде чем успеваю остановиться. — Что ты сейчас сказал?

— Ангелы, — повторил осипшим голосом Феникс.

— Яд опасен для нас. Оружие, нападавших сегодня на нас демонов, было покрыто им. Кто-то им поставляет яд и только Серафим, самый главный имеет доступ к яду.

Но это... бессмыслица какая-то. Зачем ангелам сотрудничать с демонами, убивающими беззащитных людей, которые даже не связаны со мной?

И почему то, что предполагается быть хорошим позволяет смертям и разрушениям обрушиться на смертный мир? Я качаю головой, отказываясь верить в это.

— Зачем? Почему?

Но даже, когда я задаю вопросы, я уже знаю ответы на них. Я вижу их в уголках его плотно сжатых губ, в белых костяшках, в напряженной челюсти.

— Мы не знаем, — отвечает Легион, не глядя на меня.

— Ты знаешь, кто может знать, — говорит Лилит рядом со мной. Я поворачиваюсь к ней и вижу, как ее розовые губы растягиваются в ухмылке. Блондинка ведет себя невозмутимо.

Без всяких признаков жестокости. И я не могу сопротивляться тому теплу, которое согревает мою грудь.

— Нет, — все, что произносит Легион, его слово резкое и окончательное. Он отводит взгляд от озорных глаз Лилит.

— Да брось, Ли. Ты ведь знаешь, что это самый лучший вариант. Мы не можем оставаться уязвимыми и пытаться защитить ее, в то время как не можем защитить самих себя. Нужно остановить того, кто стоит за этими нападениями или в следующий раз все может обернуться еще хуже. Любой из нас может оказаться на месте Феникса. Даже ты.

— Нет, — повторяет он. От грозного тембра его голоса мрамор содрогается под его локтями.

— Она права, — встречает Андрас. — Она права, и ты знаешь. Мы теперь практически

легкая добыча. И мы потратили последнее противоядие, которое у нас было. Очень сомневаюсь, что Люцифер даст нам еще его крови.

— И мы можем получить ответы, — добавляет Лилит. — Ответы на то, почему Иден была выбрана и для чего ее Призовут. Если бы мы могли точно определить сущность ее Призыва, то смогли бы его перехватить. Или научить ее сопротивляться. Мы должны что-то делать, а не сидеть с бомбой замедленного действия и ждать, когда сработает детонатор.

Я выпрямляюсь и умоляюще смотрю на него. Существует способ... способ остановить Призыв. Остановить меня.

— Кто? — с надеждой в голосе спрашиваю я.

— Наблюдатель, — отвечает Лилит, она по-прежнему искренне смотрит на Ли. — Ты знаешь, что я права, Ли. Это единственный способ.

Он не произносит ни слова, от эгоистичной гордости он не может даже языком пошевелить. Как он может просто сидеть здесь, когда люди гибнут? Когда его семья в опасности? Когда есть шанс — хоть и маленький — остановить меня от того, чтобы стать убийцей?

— Пожалуйста, — шепчу я единственное слово, вкладывая в него каждую унцию моей тревоги. — Пожалуйста.

Наши глаза встречаются и всего лишь на долю секунды, слишком быстро, чтобы я успела заметить, но его грозная маска слетает, открывая мне тепло и нежность. Показывая мне Легиона из моих видений.

Он делает глубокий вдох и закрывает глаза на выдохе.

— Хорошо. Но мы держимся вместе и делаем то, что я говорю. Тойол, определи местонахождение Наблюдателя. Феникс, как исцеление?

— Я исцелился почти на 80 % процентов. К утру буду в норме.

— Хорошо. Наблюдатель потребует аудиенции, и ты должен согласиться, — Феникс поднимает брови, когда Легион игнорирует немой вопрос. — Лил, проследи, чтобы Иден должным образом подготовилась и оделась. Я хочу сопровождать ее.

— Погоди... я иду? — удивляюсь я. Я готова пойти с ними и искать Наблюдателя, но мне... я могу быть где-то более опасной, чем в логове у семье7рки.

— Мы не получим ответы, если тебя там не будет, — отвечает Лилит. — Не волнуйся. Ты будешь в безопасности.

— Вечеринка завтра вечером, — перебивает Тойол, прокручивая информацию на дисплее телефона. — И тебе понравится тема вечеринки.

Легион закатывает глаза и откидывается на спинку стула, скрещивая мускулистые руки на груди.

— Что теперь?

— Святые и Грешники, — застенчиво улыбается Тойол.

Легион злобно фыркает.

— Наблюдатель — извращенная сволочь.

* * *

Когда Тойол озвучил тему вечеринки, я подумала, что это касается просто декора, возможно, какие-то забавные пунши и закуски. Нет. Это было бы слишком нормально. Это, мать ее, костюмированная вечеринка.

— Мне обязательно это одевать? — жалуясь я, одергивая вниз облегающую юбку. Мы сидели в комнате Лилит и Андраса и благодаря мне, они веселились.

— Да. Ты должна сливаться с остальными. Или будешь выделяться по неправильной причине. Наблюдатель любит все вульгарное и вызывающее.

Я раздраженно выдыхаю и смотрю на себя в зеркале.

Мне сделали пиллинг, а затем нанесли на кожу масло с золотистыми блестками. Единственное что на мне было одето это два лоскутка из кружева и атласа, которые еле-еле прикрывали мою зону бикини и грудь.

Золотые браслеты украшают мои запястья, обтянутые в кружевные белые митенки.

Босоножки оказались на неприлично высоком каблуке, который добавил к моему росту еще четыре дюйма. Серебристые, густые локоны каскадом ниспадают по спине и обрамляют мое накрашенное лицо, на котором косметики больше, чем ее продают в Сефоре.

Я похожа на модель, демонстрирующую нижнее белье или на звезду в каком-то кощунственном порно. Я чистый грех, окутанный в тень невинности.

— Ты выглядишь... — задумался Андрас, глядя на меня сверху вниз. Он укладывал мне волосы, пока Лилит наносила макияж. Клянусь, эти двое могут сделать так, что Каин будет выглядеть как Генри Кавил.

— Смешно? — отвечаю я. — Развратно? Вульгарно?

— Чертовски сексуально! — восклицает он. — Клянусь, Иден, если бы я не предпочитал члены, то определенно объездил тебя так, чтобы ты запомнила это на всю свою жизнь. Я могу сделать исключение после сегодняшнего вечера. Ты... более соблазнительная, чем обычно.

— Ха? — Я пытаюсь, но терплю фиаско, чтобы не показать румянец, вспыхнувший на моих уже бронзовых щеках.

— Это из-за Прыгуна в тебе? — объясняет он, скользя длинным пальцем вниз по тонкому лифу, который заканчивается как раз под моей грудью. — Мы можем ощущать это... как он искушает нас. Дразнит. После того, как ты попала к нам, наши низменные чувства проснулись. Вот почему послали Лил к тебе, чтобы подружиться. Любой из нас давно бы трахнул тебя и потом, когда бы нам пришлось тебя убить, было бы очень неловко.

— Не скидывай меня со счетов, — воркует Лилит, вставая рядом с ним. — Это был давным-давно и не то, чтобы я не обмакнула палец или два в женский пруд.

Я сглатываю. Нервно.

— Так я вас всех заставляю... — Мое лицо пылает огнем, бросая вызов стойкости макияжу.

— Возбуждаться? — отвечает Андрас. — Еще как. Я не представляю, как Ли сопротивляется отправляясь к тебе каждую ночь. Если только ты нам чего-то не договариваешь...

Лилит игриво бьет его по руке, разряжая напряженный интимный момент.

— Ты знаешь, что этого никогда не произойдет. Легион не пошел бы на такое.

У меня хватает дерзости, чтобы почувствовать себя оскорбленной, это даже немного больно. Моя гордость задета, я снова смотрю на ту знойную незнакомку в зеркале.

— Дело не в тебе, милая, — быстро проговаривает Лилит, читая мое мрачное выражение лица. Я чувствую себя еще тупее. — Но Легион не...

— Он соблюдает целибат, — произносит Андрас, заканчивая ее мысль.

— Целибат? — Я вытаращиваю глаза.

Он кивает.

— Помнишь, я тебе говорил, что он не пьёт? Похоже, это касается всех пороков. Ну, в основном. Но секс? Не-а. Никогда. Уже практически на протяжении столетия.

— У него не было секса уже сто лет? — выкрикиваю я, гораздо громче, чем следовало бы. Я закрываю рот. Черт подери. Срань Господня! Как? Его яйца должно быть, как у слона.

Черт, почему я думаю о его яйцах? Клянусь, я так таращу глаза, что накладные ресницы касаются бровей идеальной формы.

— Может быть и дольше. Легион был... очень популярным в аду. Он был сильным, могущественным, таинственным и необычно красивым, — вздыхает Лилит, словно вспоминая былую его славу.

— Он все еще красив и силен, но это только малая часть того, кем он был.

Легион был еще более прекрасен? Не знаю, как это вообще возможно. Его тело создано для двух вещей: убивать мужчин и доводить до оргазма женщин.

Глаза, как две звезды, которые сорвали с небес, гордые скулы, прямой нос и полные губы, обрамляющие аккуратной щетиной на его лице. Он не так хорош, как Андрас, или экзотичен, как Тойол, даже не так величествен, как Феникс. Но он безупречен. Более шести футов чистого мужского совершенства.

И от этого я еще больше ужасаюсь самой себе.

Как я могу думать о нем? Как я могу испытывать еще что-то, кроме полного безразличия к его целибату? Ко мне это не имеет отношения. Легион не имеет никакого отношения ко мне.

Что он делает или не делает со своим членом, меня не касается.

— Ладно, думаю, ты готова! — восклицает Лилит. Я смотрю на Лилит, одетую в блестящий мини-комбез из винила, подчеркивающий полную грудь и подтянутый живот.

Как она собирается ходить на шестидюймовых каблуках, я ума не приложу. Ее глаза, накрашенные в стиле смоки-айс в сочетании с красными губами, смотрятся просто потрясающе. Лилит больше похожа на Господжу, чем на демона, не то, чтобы она была похожа на демона до этого.

Андрас одет в идеально пошитый черный костюм тройку облегающий его тело. Его светлые волосы собраны в пучок сзади и, если я не ошибаюсь, он воспользовался черной подводкой.

На самом деле, он неплохо выглядит. Честно говоря, он выглядит чертовски сексуально. Я мысленно анализирую его слова. Я искушаю его. Я заставляю его гореть. Хотя, нет, не я. Их всех привлекает Адриэль.

Конечно же.

Я в последний раз смотрю на себя в зеркало и с железными нервами выхожу из комнаты. Легиону еще нужно подключить ко мне датчик слежения, так что, сделав глубокий вдох, я открываю дверь в его спальню.

Он сидит на кровати, которую мы с ним делим, ссутулившись и упершись локтями в колени, руки сжаты в замок.

Он медленно поднимает голову, Ли скользит по мне серебристым взглядом, начиная от высоких босоножек, затем вверх по моим в золотистых блесках длинным ногам к крошечной юбке и к оголённому животу.

Его расплавленный взгляд на мгновение останавливается на моей груди, а затем Ли быстро поднимает глаза на мое лицо. Я знаю, что он в целибате. Знаю, что его не интересую.

Но в его глазах читается чистый, неприкрытый секс и грех.

Он закрывает глаза на мгновение, которое длится слишком долго, чтобы посчитать его за моргание, смахивая всю похоть в его взгляде. Он вернулся. Просто так, разбив чары, он снова смотрит на меня с холодным равнодушием. Я вхожу в комнату, мои щеки пылают красным. Он не хочет меня. И даже если бы и хотел, то не я бы его привлекала.

— Подойди, — приказывает он, его голос грубый с хрипотцой от каких-то непонятных эмоций. Я повинуюсь. Без всяких раздумий и сомнений. Я медленно иду туда, где он сидит, стук моих каблучков звучит в унисон биению моего сердца.

Когда я практически стою у него между ног, Ли поднимается, нависая надо мной своим пугающим телом. Даже на каблучках я ему достаю лишь до подбородка.

Достаточно высоко, чтобы поцеловать его шею и провести языком по голому участку загорелой кожи, который выглядывал из-за расстегнутой верхней пуговицы рубашки.

Он лезет в карман брюк и достает маленькую кнопку, размером меньше, чем мой большой палец.

— Это устройство слежения.

Он будет передавать мне, где ты находишься, а также частоту твоего пульса и сердцебиения, предупреждая о любой беде.

— Это действительно необходимо?

— Да, — отвечает он, держа его между пальцев.

— Собственность Наблюдателя — это священная земля, то есть, нет оружию и насилию. Нарушение этих простых правил приводит к быстрой и неизбежной смерти. Я не смогу защитить тебя. Так что мне нужно... чувствовать тебя.

Я резко вдыхаю.

— Что?

— На мне будет приемник, так что я смогу физически ощутить, если что-то пойдет не так. Если мне понадобится найти тебя, то он подает в мою нервную систему сигнал и приводит меня к тебе без всяких трудностей.

— Вау. Клево.

Я искренне поражена, как они всё продумали. Такое устройство должно быть в руках у каждого родителя, имеющего маленького ребенка.

— Ага, Тойол разработал.

— Тойол? Он создал это? — Срань Господня. Я догадывалась, что парень айтишник, но, черт возьми... — Тогда почему он его не устанавливает?

Он смотрит мне в глаза, серебряная сталь тонет в шоколадно-коричневом цвете.

— Потому что подумал, что ты не захочешь, чтобы он к тебе прикасался.

Затаив дыхание, я не отвожу от него глаз. Его подавляющее тепло окружает меня, обволакивая в огненный кокон. Я должна сказать, что не хочу, чтобы кто-то ко мне прикасался и особенно он. Я должна пресечь любое предательство, которое могут принести его прикосновения.

Но я молчу. Я просто не могу.

— Я прошу прощения, я... — Двигая челюстями из стороны в сторону, он словно ищет нужные слова. — Пожалуйста...

Я не говорю ему сделать это, но и не возражаю, когда он медленно скользит кончиком пальца вдоль низкого выреза моего топа. Он осторожно оттягивает ткань вниз, открывая взору молочно-белые холмики моей груди.

Я задерживаю дыхание и даже не чувствую того, как мои легкие начинают гореть от боли. Все, что я могу сейчас чувствовать — прикосновение его кожи к моей, задевая чувствительные места, которые он щекотал своей щетиной в моих снах.

Все что я сейчас могу представить — это его большие, мозолистые руки, массируют, исследуют, трогают, как он опускает голову вниз, чтобы накрыть ртом мой твердый сосок.

— Больно не будет, — говорит он, скользя по атласу, расшитому кружевом, немного вниз. — Я просто помешу его над твоим сердцем.

Я не смею ответить. Даже сомневаюсь, что могу.

Мучительно мягким касанием пальцев, он скользит вниз до середины моей груди, Ли находит место, где мое сердце бешено колотится. Громкий, неустойчивый ритм, который бьется только для него.

Он останавливается на долю секунды, принимая тот гипнотический удар в его тело, когда быстро прикрепляет датчик к моей коже.

Все это время он смотрел на меня глазами, в которых закручивался поток серебра.

— Готово, — говорит он, осторожно возвращая лиф на место поверх моей груди. — Приемник за ухом. Он будет передавать сигнал прямо в мой мозг.

— Ты хочешь оставить меня там одну? — Ненавижу слышать панику в моем голосе.

— Нет. Но место будет переполнено. Вечеринки Наблюдателя, они... оживленные... мягко говоря. Тебе понравится.

Я приподнимаю бровь.

— А что, если я сбегу?

— Ты не пленница, Иден, — невозмутимо говорит Легион, шагая мимо и забирая тепло с собой. — Ты здесь, потому что должна быть защищена. Ты вольна уйти, когда захочешь.

— Я так не чувствую, — с вызовом говорю я.

— Потому что я знал, что, если у нас не будет времени, чтобы заставить тебя понять — объяснить всё — ты бы не задумываясь, ушла в ту же секунду. И тебя бы схватили в тот же момент, как только бы ты покинула это здание.

Он прав. И я ненавижу это. Я бы ушла, не выслушав их, даже если бы они попытались быстро всё объяснить. Я бы побежала домой к сестре и привела кого бы или что бы прямо к нашему порогу. Или еще хуже. Меня бы Призвали, и я бы убила собственную сестру.

От одной мысли я содрогаюсь.

— Я не умею готовить.

Он хмурится.

— Что?

— Я не умею готовить и сестра тоже. Каждый день мы ели макароны с сыром быстрого приготовления и полуфабрикаты. Наше представление об изысканной еде стала Лазанья Стоуффер. Здесь еда гораздо лучше.

Он один раз кивает и в уголках его губ появляется намек на слабую улыбку, после чего он поворачивается к двери спальни. Я останавливаю его до того, как он переступает порог.

— Как ты узнал, что я не буду возражать против того, чтобы ты ко мне прикасался? — спрашиваю я, упираясь кулаком в соблазнительное, выставленное на показ бедро. — Как ты узнал, что я не оттолкну тебя?

Легион смотрит через плечо, зловещая улыбка играет на его лице.

— Я и не знал.

Мой желудок выворачивало наизнанку, как только мы вышли из квартиры, и подошли к лифту. В коридоре больше ничего не было. Никаких других квартир или декора. Просто лифт.

Казалось, я целую вечность не выходила на улицу и поэтому радуюсь этому, но при этом часть меня испытывает тревогу.

Кто или что может поджидать нас, когда мы выйдем на улицу? Что если я увижу кого-нибудь из знакомых и придется объясняться?

К счастью, все сомнения развеялись, когда двери лифта открываются в подземном гараже. Машины... так много машин. А потом еще машины. Внедорожники, кабриолеты, седаны.

Даже нечто похожее на танк. Черный и полностью затонированный. Нет необходимости спрашивать "почему". Я достаточно много времени провела среди наркоторговцев и знаю, что кричащие цвета и навороты привлекают внимание.

И пока один автомобиль сменялся другими роскошными, все они были без всяких хромированных дисков или показушных гоночных полос.

Мы решаем взять две машины: GMC Yukon Denali XL — известный зверь среди внедорожников и Ягуар XJ — более блестящая и сексуальная машина. Большинство из нас садится в Denali, а Легион, Каин и Феникс в Ягуар, чтобы обсудить стратегию. Я старательно скрываю свое разочарование.

— Не бойтесь, что кто-то может залезть в дом через гараж? — спрашиваю я, глядя в окно со своего места сзади. Джин за рулем, Тойлол на пассажирском сидении, а Лилит, Андрас и я сидим на заднем.

— Здание под мощной сигнализацией, — отвечает Тойол. — Система, которая защищает наш дом и гараж, мягко сказать, очень сложная.

— Это как?

— Она управляется кровью. Если быть точнее, то нашей кровью. Там целый ряд очень сложных механизмов с примесью магии крови. На самом деле, это оберег. Он не дает найти место нашим врагам — но даже если бы враги нашли его, то сразу же погибли, едва ступив на нашу территорию.

Магия крови?

— А что на счет меня?

— Магия крови защищает только от сверхъестественного. Кто бы ни проскочил без нашего согласия, он и пяти футов не сделает, как отправится назад к своему прародителю.

Он оглядывается на нас, его темные глаза светятся от восторга.

— Эй, Лил. Думаешь, Наблюдатель снова организует яркие развлечения?

— Вот черт, надеюсь, нет. В прошлый раз мне пришлось выкинуть новое платье, потому что я не смогла свести с него эту гребаную краску.

— Краску? — Кровь я могла бы понять. Даже... интимные... телесные жидкости. Но краску?

— Вечеринка в стиле боди-арт. Любовники Наблюдателя были полностью обнажены, за

исключением замысловатой росписи на их телах. Даже многие гости разделись, чтобы насладиться ощущением второй кожи. Ночь оказалась очень грязной, мягко говоря.

Вау. Я могу себе представить. Голые люди в сочетании с алкоголем просто напрашиваются на неприятности.

— Так... кто же такой Наблюдатель? — Я хотела спросить об этом Легион, но слишком отвлеклась.

— Ни демон, ни ангел, но бессмертный.

Очень старый и скучный. Представь себе бухгалтера в человеческом мире, который все знает и видит. Они верны обеим сторонам, но если ты нарушаешь закон, то сразу настучит на тебя. Вот это и есть Наблюдатель.

— То есть Наблюдатель нянька для ангелов и демонов?

— Точно. Но с сомнительными моральными устоями и тягой к блестящим, красивым вещам.

Я смотрю вниз на мой откровенный наряд и вздрагиваю. Не считая шелковой шали на плечах, я более обнажена, чем когда-либо.

Лилит настояла, чтобы я пошла без куртки, она боялась, что я размажу золотистые пятна на моей коже.

Она сказала, что я должна выглядеть идеально, словно принадлежу их миру. Слава Богу, жары, исходящей от тел в машине, хватало, чтобы согреть меня. Полагаю, это плюс от поездки с демонами — у меня имеется своя личная печка.

Дом Наблюдателя, который я рассматриваю, является одним из многих домов, находящихся за пределами города Уиннетка, также известного как место "где живут богатые".

Огромный особняк расположен на нескольких акрах земли прямо на воде. Слишком темно, поэтому я не могу рассмотреть больше. Однако дом освещают прожектора белого и красного света, свидетельства того, что вечеринка в самом разгаре.

Роскошные автомобили один за другим подъезжают по кругу, в то время как парковщики встречают гостей. Там полно народу. Больше чем в любом другом клубе, в котором когда-либо я была. Я никогда еще не видела такой роскоши, такого богатства. И мы еще не вышли из машины.

— Я так думаю, это будет одна из тех ночей, — стонет Андрас со своего места позади меня.

— Почему ты так говоришь?

— Наблюдатель известен расточительными вечеринками, которые полны разврата. Хотя это все, чтобы повеселиться. Нет насилия, нет зла. Просто тот грех, который стоит на границе двух миров. Ты знаешь, что это неправильно, но при этом испытываешь невероятные ощущения. И так как это священная земля и все твари дня и ночи встречаются вместе, а значит, искушение будет на наивысшем пике.

Он окидывает меня сверху вниз взглядом, его голубые глаза злобно блестят.

— А с тобой здесь даже больше, чем когда-либо.

— Хорошо, народ, смотрите в оба, — командует спереди Тойол. Он прижимает палец к уху и что-то тихо говорит, что я не могу расслышать.

— Иден, в твоих же интересах, держаться рядом. Всегда будь рядом с одним из нас. Никто не может причинить тебе вред, пока ты на этой земле, но это не значит, что ты в безопасности.

— Что это значит? — Холод, ползущий по моей спине, оставляет в позвоночнике острые, как нож осколки льда.

— Это означает, что ты можешь видеть вещи... чувствовать вещи... которые обычно не испытываешь, — объясняет Лилит. — За той дверью собрались монстры из всех слоев. У многих из них нет чувства юмора.

— И держись подальше от пунша, — предупреждает Андрас. — Он пнет тебя под зад. Поверь мне.

Я закатываю глаза. В чем смысл приводить меня, если я всего лишь красиво упакованная вещь на вечеринке?

Стоять там и хорошо выглядеть, в то время как взрослые планируют и придумывают? Я могла бы остаться в квартире с книгой и музыкой.

— Что-нибудь еще?

— Да, — отвечает Лилит, когда парковщики подходят к затонированному автомобилю. — Не давай своим гормонам взять над тобой вверх. У тебя овуляция. Нефилимы и Камбионы весьма желанные существа.

На этой ноте, она выходит из машины, оставляя меня с упавшей, прямо на мое слишком глубокое декольте, челюстью.

Размеренным шагом, вызывая ко всей моей самоуверенности в полураздетом теле, я вхожу в особняк в окружении Джина, Тойола, Лилит и Андрас берут на себя инициативу. Легион, Феникс и Каин уходят вперед, чтобы разведать обстановку и потом связаться с остальной командой через микро наушники.

Гипнотический ритм Panic! At The Disco вибрирует вокруг, сгущая, источающую наслаждение, сцену, открывшуюся передо мной. У меня перехватывает дыхание. Красивые существа всех слоев общества танцуют, общаются и флиртуют, одетые в поддельные крылья ангела и красные остроконечные хвосты, каждый наряд смелее другого. И это я думала, что голая.

На самом деле, некоторые из этих людей действительно голые. Одна красивая женщина, которая, скорее всего днем является примером для модели, проходит мимо нас и на ней надето ни больше, ни меньше, чем перья, закрывающие ее соски и блестящие стринги.

Она облизывает вишневые губы и подмигивает Тойолу, после чего исчезает в толпе людей, соблазнительно покачиваясь в такт музыки под небом мерцающих ламп.

— Здесь все люди либо ангелы, либо демоны? — шепчу я ему.

— Некоторые. Некоторые люди. Некоторые... другие.

— И откуда ты знаешь, что мы можем доверять им? — Откуда мы знаем, что они не попытаются убить меня?

— Ты удивишься тому, как многие из нас просто хотят вписаться. Просто хотят вести нормальную жизнь. Смертные вызывают интерес у нас. Ваша жизнь такая короткая и хрупкая, но вы так много чувствуете. Любовь, ненависть, боль, радость, страсть, ярость. Вами полностью правят эмоции без всякого бремени "почему" и последствий "как". Ты никогда не узнаешь, кого убьют, чтобы ты испытала радость, или какие будут уничтожены души, чтобы ослабить твою боль. Ты просто вбираешь их в себя безжалостно, нагло, не зная войн, которые бушуют во имя всепоглощающей любви. Мы даже завидуем, что не понимаем этого.

От изумления я теряю дар речи. Это же надо, бессмертные — древние существа, которые стары, как время, и всемогущественны, как Бог — завидуют слабым, ничтожным

людям, как я?

К счастью, мне не приходится думать о своей пустой смертности довольно долго. Лилит ведет нас на открытый танцевальный зал, где кажется, сконцентрировалась вся музыка.

Из колонок все еще льются истории сладострастных романов в исполнении Panic! которые соответствовали поразительной энергетике вечеринки. Но не только музыка меня соблазняет, а они сами.

Играют на сцене в двадцати ярдах от того места, где я стою. Фронтмен Брендон Ури как всегда одет в кожаные черные штаны и без рубашки, проводит рукой по своей фирменной прическе, пока исполняет серенаду своим поклонникам.

На высоких шпильках я стою, как вкопанная. Святые угодники! Где, черт возьми, я? И кто этот Наблюдатель, который смог организовать такое?

— Пошли, — говорит Андрас, легонечко таща меня за локоть. Мы подходим к бару, который примерно в длину 50 футов, он украшен золотистыми листьями, черными и белыми перьями, и кроваво-красными розами.

— Ей бокал шампанского, — говорит он бармену. А себе и Лилит заказывает пунш.

— Я думала, ты сказал, что он опасен? — спрашиваю я, выгнув брови в подозрении, когда он раздает бокалы.

— Для тебя. Но не для нас.

Тойол и Джин исчезли в толпе, и с того момента как мы приехали я не вижу Легион. Да я и не удивлена, это место как музей с, безусловно, живой энергетикой внутри.

Красно-тонированные стробоскопы отбрасывают манящие тени на извивающиеся тела. Каждый бокал наполнен напитком — шампанское, шоты, розовые коктейли и игристый пунш.

Совершенно незнакомые люди, одетые в богохульное нижнее белье целуются и ласкают друг друга. Трудно не чувствовать на себе эту атмосферу.

— Где все? — спрашиваю я, вдруг почувствовав себя очень маленькой и неуверенной. Я слежу за взглядом Андраса, который уставился на двух, одетых лишь в узкие трусы, целующихся парней.

Они плотно прижимаются, друг к другу их языки извиваются в медленном грешном танце, пока эти двое страстно изучают друг друга руками.

— Ждем, чтобы увидеть Наблюдателя, — говорит он, не глядя на меня. Андрас облизывает губы, пока мужчины трутся друг от друга своими членами.

— Разве мы не должны идти с ними?

— Они позовут, когда придет время.

Затем без лишних слов, он залпом выпивает остатки своего напитка и идет к двум, целующимся, парням. Я смотрю, как они еще сильнее возбуждаются от предвкушения близости с Андрасом.

Засунув руки в карманы черных брюк, Андрас останавливается перед ними, парни кокетливо смотрят на него, их покрытые бронзой щеки пылают от страсти и возбуждения.

Он даже ничего не говорит им. Он просто стоит там и смотрит, как они извиваются в его подавляющем присутствии. Их дыхание становится тяжелым и прерывистым.

Их кожа блестит от выступающего пота. Глаза стекленеют от чистого возбуждения. И хотя я ненавижу себя за то, что смотрю, я вижу, как выпуклость в их трусах становится толще и длиннее.

Молча, Андрас разворачивается и направляется в танцевальный зал. Двое мужчин следуют за ним, позволяя увести их в укромный уголок с кроватью с балдахином.

Там десятки таких — маленьких островков, украшенных большими шезлонгами, построенными для двоих с подвесными кроватями и гигантскими декоративными подушками, драпированными в яркие оттенки шелка. Место для любого вида наслаждения.

Почти все они заняты людьми, которые разговаривают и едят свежие, экзотические фрукты, целуются и даже более того. Я отворачиваюсь от сцены, от которой во рту пересыхает, а в животе разливается тепло от воспоминаний прошлого. Мужчина и женщина страстно целуются на кровати, покрытой лепестками белых роз.

Он покусывает ее и ласкает языком, а рукой разводит ее обнаженные бедра, давая тем самым другому мужчине доступ к ее лону. Один мужчина целует ее в губы, другой лижет и сосет ее складки, они поклоняются ее телу, словно богине-девственнице, лежащей на кровати цвета ее молочной кожи.

Дыхание перехватывает. Чтобы быть такой любимой, доставлять удовольствие на глазах у других... это должно быть наивысший кайф. Она не выглядит кроткой и покорной, пока они прикасаются к ней.

Она выглядит раскрепощенной — свободной, она с восхитительной смелостью следует желаниям своего тела, и я представляю себя на ее месте. Быть этой женщиной... чувствовать то, что она... только от одной такой мысли кружево между моих ног становится влажным.

— Представление начинается, — объявляет Лилит, вытаскивая меня из моих темных, чувственных мыслей. Она забирает пустой бокал из моих рук. Я даже не помню, как выпила шампанское.

Лилит нежно берет меня за руку, и мягко подталкивает, чтобы я следовала за ней в другую часть дома. Мы проходим мимо кроватей и огромных кресел и оказываемся в длинном коридоре с несколькими дверьми.

Я не могу представить, что там происходит, но я могу слышать. Хриплый смех, звуки влажных шлепков и неоспоримых прерывистых стонов. Я вздергиваю подбородок и смотрю прямо перед собой.

Мы останавливаемся возле резных двойных дверей, которые подошли бы для дворца, усыпанные драгоценными камнями с золотыми ставками и рубинами, сверкающими в тусклом свете. На каждой двери изображен витиеватый рисунок глаза, украшенный тысячами черных бриллиантов. Апартаменты Наблюдателя.

— Отвечай честно на каждый вопрос. Ложь бессмысленна и оскорбительна, так что веди себя прямо и твердо. Не сжимайся. Наблюдатель съест тебя со всеми потрохами, если ты будешь вести себя, как испуганная мышь. И не при каких обстоятельствах не пытайся залезть в ее разум. Тебя могут и скорее всего, убьют быстрее, чем мы успеем вмешаться. Готова?

Я киваю, прежде чем потеряю терпение.

— Готова.

Она поднимает кулак, чтобы постучать, но прежде чем успевает коснуться полированного дерева, дверь открывается, демонстрируя красные жаккардовые стены с узором покрытым золотом.

Я слышу их, прежде чем могу увидеть, но от их хриплого смеха мне не становится легче. После всего, что я видела — чувствовала — начиная с входа в этот особняк, я могу только представить, что ждет меня за дверьми, которые скрывают от любопытных глаз.

— Проходите, проходите, — манит незнакомый голос.

Я все еще могу свободно дотянуться рукой до Лилит, мое сердце подкатывает к горлу, и я приказываю трясущимся ногам сделать шаг. Потом еще один. И еще. Пока мы не покидаем коридор, обтянутый в кроваво-вишневый цвет.

Мы заворачиваем за угол и входим в то, что должно быть залом или кабинетом, и я почти ахаю от удивления при виде вальяжной фигуры, развалившейся под навесом из роз и резного мрамора.

Наблюдатель... женщина?

— Привет, Иден. Так приятно, наконец, встретиться с тобой.

Она поднимается со своего мягкого трона с грацией императрицы и подходит ко мне, ее тело с пышными формами облачено в саронг, лиф которого украшают драгоценные камни.

Легион, Феникс и Каин пристально и внимательно смотрят на нее, когда она останавливается прямо передо мной, оставляя лишь несколько сантиметров между нами.

— Ты красивее, чем я ожидала, — говорит она, растягивая в улыбке ярко накрашенные губы и показывая еще более ярко белые зубы.

— Ты тоже, — отвечаю я.

Она смеется низко и оживленно, наклонив голову назад, так что ее черные волосы касаются обнаженных плеч.

— Я? Ты ожидала увидеть рогатое существо с клыками?

Осмелившись, я оглядываюсь через плечо на Легиона, чьи полные губы сжаты в тонкую мрачную линию.

— Нет. Я ожидала увидеть человека.

— Да? Кажется, твои друзья неправильно информировали тебя.

Она переводит взгляд на Лилит и криво улыбается ей.

— Лил, дорогая. Почему мы храним секреты от нашей юной Иден?

— Извини, Айрин. Она не спрашивала.

— А, — добавляет она. — Всегда задавай правильные вопросы, Иден.

И они будут правильно отвечать. Проходите! Садитесь! — приказывает она, махнув нам на место под балдахином.

Она идет к своему месту, которое напоминает огромный, пышный навес с большими декоративными подушками, миниатюрная Айрин садиться посередине и кладет босые ноги на подушки.

Я занимаю место слева далеко от нее, и Айрин тут же произносит:

— Не глупи, Иден. Сядь поближе. Я не кусаюсь.

Еще одна хищная улыбка.

Я делаю, как она того хочет и быстро сажусь ближе.

— Спасибо, что принимаешь меня.

— Конечно! Я всегда приглашаю се7мерку на все мои вечеринки. Однако они часто отказываются.

Хочешь знать почему? — Я смотрю на Легиона, который стоит в нескольких шагах со скрещенными на груди руками. К счастью, Лилит решила присоединиться к нам под балдахином.

— Конечно, — просто отвечаю я.

— Я получаю огромное наслаждение, используя земные привилегии, как ты видишь. Сексуальность могущественное оружие. А власти хотят все. Ты согласна со мной?

Я киваю, когда ко мне подходит мужчина с бронзовым оттенком кожи, одетый лишь в черные обтягивающие трусы, и предлагает бокал шампанского. Я беру бокал с натянутой улыбкой.

— Согласна.

— И ты веришь, что могущественна? — задает вопрос она, глядя на меня, пока я делаю глоток шипучей, немного сладковатой жидкости.

— Не совсем. Нет.

— Ах, но ты такая. Очень могущественная. Ты владеешь знаниями Прыгуна внутри тебя. верно? Ангел Адриэль?

Еще один большой глоток.

— Да, мне сказали.

— Так ты знаешь, что обладаешь определенными способностями, с помощью которых тебе подвластны разумы людей. Дает тебе возможность увидеть смысл их душ.

Черт возьми. Она читает меня, как открытую книгу.

Я допиваю шампанское и тут же встречаюсь с другим бокалом. Я с радостью беру его, не обращая внимания на грубые возражения.

— Могу. Да.

— Адриэль, — усмехается она. — Ангелы и демоны не способны сломать волю людей. Но ты другая и это дает тебе право без всякой волокиты использовать ее силу. Разве это не чудесно?

Я пожимаю плечами.

— Наверное.

— Разве ты не видишь, Иден? Она выбрала тебя, потому что у нее на тебя есть план. Великий план, который коснется мира. План, который заденет многие жизни. — Она говорит с таким рвением, словно по-настоящему верит в это. Как будто она хочет, чтобы я тоже в это поверила. Я просто киваю и пью шампанское.

— Ты не согласна. — Она выгибает черные тонкие брови.

— Нет. Думаю, она выбрала меня, потому что я слабая. Я не вмешиваюсь в жизни людей. Я ничего не делаю, что может привести меня к величию. Я...

Я не могу сказать этого. Я не могу быть той, кто скажет им, что их драгоценная Адриэль не больше, чем лицемерка с темными намерениями. Та, кто заставляет говорить и совершать вещи, которые приносят боль и страдания.

Она вздыхает и откидывается на подушку

Еще один красивый мужчина — уже с кожей цвета сливок — приносит ей бокал с пуншем.

— Теперь понимаю. Ты веришь, что Адриэль заставляет тебя совершать вещи, когда ты в ярости или тебе больно. Ты думаешь, что она делает из тебя монстра.

Обалдеть, я открываю рот, чтобы согласиться, но во время воспоминаю предупреждение Лилит. Наблюдатель видит всё, слышит всё. Она знает, что я натворила.

— Да.

— Так ведь легче? Верить, что за всем стоит Адриэль?

— Не понимаю, — хмурюсь я.

Озорная женщина поднимает голову кверху и рассматривает фрески, на которых изображены причудливые херувимы с розовыми щечками и золотистыми локонами.

— Пестро, не так ли? Я говорила художнику, что хочу ангелов, а не детей. Клянусь, так

трудно сегодня найти хороших работников.

— Ха?

— Задавай правильные вопросы, Иден, — мягко ругает она.

Я делаю еще один глоток для храбрости.

— Почему Адриэль заставляет меня думать о вещах — говорить их — которые причиняют боль людям?

Или того хуже. Я не должна говорить об этом. Она уже и так все знает.

— Она этого не делает, — просто отвечает Наблюдатель, глядя в потолок.

— Так это из-за Призыва? Я под влиянием зла, которое внутри меня?

Она зеваает от скучного разговора.

— Нет.

— Тогда кто? Кто говорит делать мне эти ужасные вещи?

Медленно оторвав взгляд от фрески с херувимами, Наблюдатель произносит:

— Ты сама.

— Что? — Я, наверное, неправильно ее расслышала. — Но в этом нет смысла.

— Конечно, есть. Боль, которую ты причинила, все те неправильные вещи, которые ты совершила — всё это произошло из-за твоего внутреннего хаоса. Адриэль вложила тебе в руки пистолет, но зарядила и спустила курок ты сама.

— Но... — Но это безумство какое-то. Голоса говорят, нашептывают мне, чтобы люди спотыкались о собственные ноги, чтобы роняли собственные деньги на землю или проливали напитки на свои рубашки.

Или шагали навстречу несущемуся автобусу.

Я не способна на такое зло.

Верно?

— Это не делает тебя плохой, — говорит она с сочувствием в глазах. — Это делает тебя человеком.

Кровь приливает к ушам, несся с собой бешено бьющееся сердце. Вкус шампанского у меня на языке становится отвратительным. От замешательства мои карие глаза расширяются.

Я зло.

Я зло.

Я зло.

Я. Не Адриэль. Не Люцифер. Я.

Не в силах выдержать правду в глазах Наблюдателя, я смотрю на свои колени. Хоть одета в белое, но я запятнана своими грехами. Я все время была волком в овечьей шкуре.

— Айрин, — слышу я, как произносит Легион. — Есть более важные вопросы для обсуждения, чем мелочные, смертные недостатки Иден. — Его слова жалят, но в них не слышно колкости.

Он пытается уберечь меня, как вчера вечером. Я поднимаю голову и вижу, как он садится рядом с ней.

— О, Легион, — трелью произносит она, сжимая его колено красными, заостренными ногтями. — Я просто дурачусь! Но ты прав. Сначала бизнес, а потом удовольствие.

— Призыв, Айрин. Когда это случится? И где?

— А-а-а-а, — поучает Айрин, грозя пальцем.

— Во-первых, мы должны обсудить условия. Ты ведь в курсе.

Она смотрит в его глаза, в которых сверкают черные звезды. Айрин соблазнительно закусывает губу.

— Назови цену, — со скукой в голосе отвечает Легион.

— Ты знаешь, чего я хочу. Ты всегда знаешь о моем желании.

Затем Наблюдатель — Айрин — смотрит на меня из полуприкрытых век.

— Она знает?

— Не имеет никакого значения, — говорит Ли, раздувая ноздри.

— Ты уверен? — дразнит она, лениво скользя рукой по его бедру. Я чувствую, как щеки заливают румянец.

— Давай же, Айрин.

— Хорошо, — гневно произносит она, убирая локон волос за ухо с большим усилием, чем того требовалась.

— Как ты знаешь, я не Предсказатель и в будущее заглянуть не могу. У меня есть предположение, когда и где ее Призовут.

— Тогда мы закончили, — говорит Легион и скидывает ее руку с колена. Что-то внутри меня испытывает радость.

— Но... есть способ, — быстро добавляет Айрин, прежде чем Легион успевает уйти.

На его стиснутых челюстях заходили желваки и Легион требует: — Говори.

— Тебе нужно обратиться к кому-нибудь на стороне. К тому, кто сможет заглянуть в ее прошлое, чтобы увидеть ее будущее.

Мое прошлое.

Я рефлекторно качаю головой.

— Что-то скрываешь, дорогая? — растягивая слова, задает вопрос она. Айрин снова кладет руку на ногу Легиона и проводит по ней заостренными ноготками, когда поворачивается и смотрит на меня язвительным взглядом.

Она провоцирует меня... играет со мной. Почему? И какого черта меня это волнует?

— Нет, — невозмутимо отвечаю я.

— Врешь.

Она так говорит, словно от моего обмана она получает удовольствие.

Легион прочищает горло, привлекая внимание к нему.

— У тебя несколько минут, Айрин. Вернее, секунд.

— Конечно, сладкий, — усмехается она. — Но для начала я требую компенсации.

Он качает головой.

— Так дело не пойдет.

— Ах, именно так оно и пойдет. Если ты хочешь получить информацию, то будешь играть по моим правилам. Если же нет, то ты можешь наслаждаться вечеринкой. Может быть, нашу малышку Иден Призовут сегодня вечером? Какая жалость.

У меня так много человеческих душ здесь — многих Люцифер с радостью забрал бы себе. Мне так стыдно, что охранникам придется убить ее за нарушение правил.

Она вздыхает, словно мысль о моем убийстве вгоняет ее в тоску. А если вдруг я забрызгаю кровью ее жаккардовые стены, то это будет просто маленькой неприятностью.

— Хорошо. Что ты хочешь от меня?

Айрин подвигается ближе к Легиону, так что ее грудь прижимается к его бицепсу. Мерзкое чувство возникает у меня внутри, и я чувствую, как шампанское поднимается вверх по горлу.

— Поцелуй. Поцелуй меня, Легион. Заставь меня почувствовать тот огонь, который полыхает внутри тебя. Заставь этот огонь опалить меня от кончиков пальцев до бедер. Заклейми мои губы своими греховными, и знание, которое ищешь, станет твоим.

Я проглатываю, подступившую желчь и закатываю глаза. Она что серьезно?

Кто согласится на такую сделку? Да кем, черт возьми, она себя возомнила, чтобы просить настолько жалкое, незрелое и интимное от другого человека?

Она конченная самовлюбленная девица. И я знаю, что Легион видит ее насквозь.

— По рукам.

Я так быстро поворачиваю голову, что в глазах все размывается. Нет. Он не посмеет.

Чувствую, как рядом со мной напрягается Лилит, но при этом не произносит ни слова. Я смотрю на Феникса, Каина, но их лица бесстрастны. Почему они позволяют ей манипулировать ими?

И почему Легион — самый ужасающий, сильнейший мужчина, которого я когда-либо встречала — скатился до уровня проститутки?

Я хочу заставить себя отвернуться, когда Айрин садится на его колени и их лица почти соприкасаются, но я не могу отвести взгляда. Она проводит рукой по его щеке, прежде чем зарывается пальцами в его черные волосы.

Она пытается сделать это романтично, нежно. Пытается соблазнить его.

Легион совершенно спокоен, пока Айрин ласкает его, словно любовница. Он даже не борется с этим фарсом. Похоже, он сам этого хочет. Он хочет её.

Она придвигается еще ближе и облизывает губы в предвкушении. Его губы также готовы принять ее. Айрин, покрашенными в красный цвет ногтями сжимает в кулак его волосы, а Легион обхватывает ее за талию.

Боже мой, он хочет этого. Он полностью жаждет этого. И неважно, что Айрин змея. Все что он видит это сиськи и задницу, типичный мужик.

Почему я решила, что он отреагирует по-другому? Почему я ожидала, что он покажет хоть толику самоуважения?

По моим жилам бежит холодная, как лёд, кровь, когда их губы соприкасаются с такой страстью, что Айрин стонет Легиону в рот, предоставляя ему свободу действия. В пылу страсти их зубы бьются друг о друга, а языки скользят в эротичном танце.

Ладонями Легион обхватывает ее попку сквозь прозрачные ткани и притягивает Айрин ближе к себе. Она сжимает его волосы в кулак сильнее, желая взять его больше внутрь себя.

Я не могу смотреть на это. Не могу притворяться, что все нормально. Что это не вызывает во мне отвращения. Что это не...

Бокал в моей руке разбивается, и осколки падают на жемчуг и мраморный пол, пока я встаю и бегу за двойные двери, отчаянно пытаюсь спастись от звуков их страстного поцелуя.

Ни Легион, ни Айрин даже не дрогнули.

В спешке, чтобы не видеть этого софт-порно, происходящего за дверьми, украшенными глазами из черных алмазов, я оказываюсь в танцзале. Людей там стало еще больше.

Даже, кажется, музыка играет громче. Я просматриваю толпу завсегдатаев в поиске какого-нибудь знакомого лица, но никого не нахожу. Андрас, наверное, занят своими мальчишками, а где Джин и Тойол я понятия не имею.

Я теряюсь в море извивающихся, порочных тел, блестящих от пота и греха. Они все словно в тумане... в тумане похоти, корысти и отравляющего желания. Я, спотыкаясь, иду на трясущихся ногах сквозь завесу секса и дыма, пока не добираюсь до бара.

Положив руки на стойку бара, я ощущаю холод полированной древесины. Я сажусь на стул, радуясь тому, что мои ноги и разум могут отдохнуть.

— Я могу вам что-нибудь предложить? Шампанского? — спрашивает бармен, держа в руках бутылку с розовой шипучей жидкостью. Он как-то странно привлекателен, его черты слишком мягкие, слишком милые для твердого, мускулистого тела, которое прикрывают лишь черные узкие шорты.

Уголки моих губ ползут вниз, но я тут же останавливаю себя. Меня вырвали из собственного дома, высмеивали, били и унижали.

Нарядили, как куклу, и только поэтому меня высмеяла искусительница, ростом в пять футов. А затем мне пришлось смотреть, как она целуется с моим похитителем, с тем самым мужчиной, который держит меня в качестве своего питомца.

Хватит мне указывать, что говорить, что носить и что пить. Больше такого не будет. Они хотят, чтобы я была послушной и кроткой. Они хотят, чтобы я была слабым человеком, каким и должна быть.

Я не могу.

Я не могу больше притворяться.

Я не могу игнорировать огонь, полыхающий в моем животе и скользящий по моим венам.

Не могу игнорировать то, кто я.

— Нет. Я буду пунш.

Симпатичный бармен, прищурившись, смотрит на меня, словно насквозь видит мою смертную душу. Вздернув подбородок, я прячу свою нервозность.

— Понял, — все, что он говорит, прежде чем берет бокал и через барную стойку подвигает ко мне. Я выпиваю его в три больших глотка.

— Еще.

— Осторожно милая, эта штука...

— Я большая девочка. Еще.

Задумавшись, бармен выгибает идеальные брови, но все же наполняет бокал. Я так же быстро опустошаю его, как и первый.

— Спасибо, — неразборчиво произношу я, прежде чем он успевает уйти и обслужить другого клиента.

А затем я чувствую это.

Жидкий фейерверк взрывается в моей крови, разнося токсичный экстаз до самых кончиков пальцев. В пальцах покалывает, как будто в них тычут иголками, и моя кожа горит золотым жаром. Я в огне.

В глазах мелькает синий, потом красный, а затем зеленый свет. Все вокруг меня мерцает, как утренняя роса на траве, миллион крошечных слезинок, пропускает через свои призмы свет и цвет. У меня перехватывает дыхание, когда радуга танцует на моих обнаженных плечах и ползет вниз по ногам.

Музыка не только ласкает мои уши, но и скользит по губам. Я чувствую соленый и сладкий вкус нот на языке. Я глотаю их и мелодия, проходя через меня, тянет на танцпол.

Я плавно иду на каблуках по млечному пути, сделанному из облака папье-маше. Толпа поглощает меня, ласкает нетерпеливыми пальцами и толкает бедрами. Я двигаюсь вместе с ними, словно одна из них.

Здесь никто не осудит. Нет стыда или страха преследования. Просто движения, музыка и ощущения. Я как свет от космической пыли, которую птица несет на крыльях — крошечное пятнышко ослепительного света в огромной Вселенной.

Я танцую песню за песней, закрыв глаза и подняв руки. Тело говорит, что мне нужно облегчиться, но я не могу остановиться. Я не могу остановить чувство великолепного блаженства, которое перевязало мои вены и теперь управляет мною, как марионеткой в белых лентах.

Спустя минуты, а возможно и часы, игнорировать мочевой пузырь, больше нет сил. Толпа отступает от меня, словно знает, что мне нужно идти, подгоняя меня усыпанной золотом волной.

Пошатываясь, я оказываюсь в коридоре, которого раньше не видела, и дергаю за ручку первой попавшейся двери. Заперто. Пытаю свою удачу с другой. И еще одной. Пока не нахожу ту, которая легко открывается.

Хорошая новость: это туалет.

Плохая новость: он занят.

Очень, очень занят.

— О, боже мой, простите, — взвизгиваю я, прикрывая глаза рукой. Но я всё же успеваю увидеть происходящую на сидении унитаза оргию.

— Не нужно извиняться, милая. Заходи.

Нет. Нет, я не хочу заходить. Но, захожу. Дерьмо, я должна зайти.

Я ступаю внутрь комнаты, отделанной в золотистый, красный и черный цвета. По большей мере, как и другие комнаты в доме. Стоя на высоких каблуках, у меня дрожат ноги.

— Закрой дверь.

Я тянусь обратно к ручке, пока дрожащими пальцами не касаюсь её. И бездумно, закрываю дверь на замок.

— А теперь... подними голову. Подними голову и посмотри на меня.

Голос в моей голове кричит, нет, умоляет, чтобы я смотрела вниз.

"Не смотри. Не смотри. Не смотри".

Мышцы шеи изнывают от напряжения, пока я пытаюсь не поднимать головы. Глаза жжет от усилия удерживать взгляд сфокусированным.

"Я не могу смотреть. Я не должна смотреть".

Но я смотрю. Мне нужно.

Мужчина, которому принадлежит голос, сидит на сидении унитаза, на его красивом,

неземном лице натянута маска эротического восторга. Волосы переливаются блеском солнечного света, а его полные, пухлые губы скривлены в чувственную косую ухмылку.

Его глаза ни голубые, ни синие, ни карие. Они цвета сумерек. Радужки цвета ночного неба, с россыпью ярких звезд.

Он голый, абсолютно обнажен в его таинственном великолепии. Его тело, словно вылеплено из алебастра, твердое, гладкое и несокрушимое.

Между его ног на коленях стоит девушка, и она скользит ртом по его члену, снова и снова. На ней ничего не одето, кроме корсета и стрингов, которые демонстрируют мне ее мягкую в форме сердца попку.

Она стонет вокруг его ствола, как будто на вкус, он такой же вкусный, как и твердый. Она скользит маленькой рукой между бедер, ласкает и потеряет влажное кружево, которое прикрывает ее лоно.

Другая девушка сидит на колене мужчины, объезжая его. Я слышу, как трется их кожа друг об друга, вижу блестящую влагу, стекающую по его ноге после каждого движения ее красивых бедер.

Её пальцы глубоко внутри другой девушки, которая стоит рядом с ней и целует ее в губы, лаская пышные груди.

Их стоны, их крики... его взгляд. Я не могу отвести глаз. Я не могу отрицать нахлынувшее возбуждение под моим клочком атласа. Ничего эротичнее я еще в жизни не видела. И чем больше я смотрю — чем больше ощущаю их тяжелое возбуждение, витающее в воздухе, окутывающее мою кожу, как туман на рассвете — тем больше я хочу чувствовать то, что чувствуют они.

Они движутся вместе с такой грацией и плавностью, словно удовольствие их вторая сущность. Женщина, сидящая между ног мужчины, скользит рукой вверх по его рельефному торсу, пока не достигает соска.

Она зажимает маленькую горошину между черными ногтями, заставляя его тело дрогнуть. И я замечаю, что я тоже дрогнула.

— Иди сюда, — приказывает мужчина, вибрируя, его голос проходит через меня и въедается в кости. Он манит меня пальцем. — Иди сюда.

На ватных ногах, я делаю шаг. Рефлекторно я открываю рот и глубоко вдыхаю, наполненный сексом, воздух.

— Подойди ко мне, — напевает он, искушая меня. Я представляю, что этот палец скользит по моим соскам, после чего он медленно ведет им вниз по животу. Я представляю, как он глубоко входит в меня, заставляя кричать.

И этим манящим движением, он побеждает, я на трясущихся ногах и со стеклянными глазами направляюсь к нему.

Не чувствуя пола под ногами, я попросту погружаюсь в мир своих изощренных желаний. Я иду, пока не касаюсь ногами мягкой упругой задницы.

Пока не вижу, как девушка с дьявольски-красными губами скользит по его ребристому стержню, проглатывая дюйм за — безумно толстым — дюймом.

Так приятно. Словно это я лижу. Словно я трахаю.

Меня бросает в дрожь, когда незнакомец оценивающе смотрит на меня. Грех проглядывается сквозь белые ленты моего невинного заточения. Я чувствую его взгляд, такой ласкающий и пылкий. Он видит насквозь гниющее зло внутри меня и наслаждается моим хаосом.

Он не отступает, не шарахается и не стыдит меня за мое любопытство. Он получает от этого удовольствие. Возбуждается от него. И бурлящий эротизм в его глазах заводит меня.

Он гладит по волосам девушку, стоящую между его ног и, выпустив его член с громким хлопком, она встает. Я делаю шаг назад, пропуская ее и наблюдая за тем, как она присоединяется к другим девушкам.

Словно, как в постановочной сцене, девушка, сидящая на его ноге, встает, и они втроем начинают... они трое...

— Не бойся, — воркует мужчина. — Я не обижу тебя, а уж они тем более. Они очень дружелюбны.

Облизываясь и целуясь, девушки хихикают.

Они выглядят такими... весёлыми. Настолько свободными с их телами. Я всегда мечтала быть такой же: безусловно, красивой, беззаботной, неудержимой.

— И ты можешь, — замечает мужчина, прочитав мои мысли. — Ты можешь быть, как они и даже лучше. Просто подойди ко мне.

Я не спрашиваю, как он услышал мой невысказанный бред.

Я не ставлю под сомнение абсурдность его требования.

Я делаю шаг вперед, достаточно близко, что ногами задеваю его колени. Он все еще твердый, все еще блестит от красной помады и слюны. Я могу наклониться вперед и ощутить его напротив моего бедра. Я могу протянуть руку и взять его.

— Сделай это, — призывает он, слегка подавшись бедрами вперед. — Сделай. Ты знаешь, чего хочешь.

Да, я знаю, чего хочу. Он бы дико пульсировал в моей руке. Я практически могла ощутить, как его бархатистая кожа скользит по моей.

— Сделай это, — снова повторяет он. — Я хочу, чтобы ты это сделала.

Мои пальцы дрожат от желания. Я хочу этого. Мое тело болит от необходимости прикоснуться к нему.

И поэтому я дотрагиваюсь до него.

Он громко стонет в ту же секунду, когда я касаюсь его скользкой головки члена.

Воодушевленная его реакцией, я веду пальцами по неровным контурам и венам, вниз до самого основания. Хочет меня. Его тело становится радиоактивным лишь от моего прикосновения.

— Сильнее, — говорит он с полуоткрытыми глазами.

Сначала я медленно сжимаю его в кулак и с каждым поглаживанием усиливаю давление и увеличиваю темп.

Рот наполняется слюной, когда я представляю, как он входит и выходит из меня. Я хочу ощутить эту невероятную твердость внутри себя.

Я хочу почувствовать, как он пульсирует в моем лоне, уговаривая испытать мощнейший оргазм в моей жизни.

— Да, — рычит он. — Повернись.

Я даже не отрицаю, что испытываю чистый восторг и страстное желание, исполняя его приказ.

Схватив меня за бедра, он притягивает ближе. Раздвигает мне ноги так, что они оказываются по обе стороны от него, и я теперь нависаю над ним. Прямо над той частью тела, которую желаю ощутить глубоко внутри себя.

Мою юбку задирают вверх. Кружевные трусики отводят в сторону. И прежде, чем я могу

возразить, вздохнуть или даже подумать, мы сталкиваемся.

Я кричу в пылу экстаза, которого прежде никогда не испытывала. Огромный размер и его сила, разрывают меня на части, но удовольствие затмевает боль. Он затрагивает все уродливые мои части — всю неискренность и лживость — и делает их красивыми.

Я непобедима, неприкосновенна, пока сижу на его троне из пота и греха. Королева порочности. Его императрица зла.

Девушка занимает прежнее место, между его ног и начинает лизать... лизать то место, где он и я соединяемся.

Она слизывает влагу, стекающую после каждого глубокого толчка. Другая девушка накрывает мою грудь ладонями и, сведя их вместе, облизывает и покусывает.

Третья девушка целует меня, долго, глубоко и чувственно, глотая мои стоны, она заменяет их своими.

Я испытывала удовлетворение. Я вкушала эйфорию. Вкус рая покрывает мой язык и скользит вниз по горлу, переполняя меня до краев.

Мы движемся в унисон, словно так и должно быть. Словно мне всегда предназначалось принадлежать ему, им, всем им.

Я откидываюсь назад и кладу голову ему на плечо, купаясь в этом состоянии чистого блаженства.

Мои бедра двигаются по собственному желанию, в унисон с его толчками для еще более глубокого проникновения. Он так хорошо знает мое тело — все они. С другими я бы побоялась, но только не с ними. Я принадлежу им.

— Иден, — хрипло произносит мужчина мне на ухо, пока толкается вверх. Его член начинает увеличиваться в моем трепещущем лоне, заполняя, растягивая меня. — Иден, Иден, — произносит он мое имя снова и снова, приближаясь к кульминации. Снова и снова, пока он подводит меня к грани вместе с ним.

— Иден. Иден. Иден...

Мое сердце колотится в ушах, перекликаясь с каждым звонким шлепком от трения нашей кожи.

— Иден. Иден. Иден...

Удары становятся еще громче, когда я подхожу к оргазму, что могу ощутить его солоновато-сладкий вкус на языке. Я ловлю воздух губами цвета сахарной вишни.

Я сжимаю и тяну пряди, переливающиеся солнечным светом. Я чувствую это... чувствую, как оно стучится ко мне, против меня, внутри меня.

— Иден. Иден. Иден!

Закрыв крепко глаза, я откидываю голову назад и кричу, освобождая каждую каплю жидкого желания моего дрожащего тела. Это никогда не кончится, безжалостная сила природы внутри него.

Ощущения несутся через меня, словно ураган и я в эпицентре бури — невесомой, тихой и смертельной.

Когда я, наконец, открываю глаза, то совершенно одна и упираюсь руками в дверь, которая яростно трясется, точно из-за последствий моего оргазма.

— Иден! Иден, открой эту дверь, пока я ее нахрен не сорвал с петель.

Вот, черт.

Я моргаю и смотрю вниз. Юбка задрана на бедрах, а пальцы между ног, полностью влажные от моих соков.

Вот. Дерьмо.

Легион снова дергает за дверную ручку. Я быстро поправляю одежду и бегу к раковине, чтобы помыть руки.

— Э...эм... выхожу! — заикаюсь я, поспешно подхожу к двери, пока он не выполнил свое обещание.

Это не сулит ничего хорошего для любого из нас. Я понятия не имею, какие будут последствия, если из-за меня прервётся вечеринка, да я и не хочу узнавать.

Я делаю глубокий вдох, прежде чем поворачиваю замок и открываю дверь. Легион стоит передо мной, сжимая кулаки по бокам и светящимися дикой яростью серебристыми глазами.

Он окидывает меня взглядом и кривится.

— Пошли, — рычит он, хватая меня за руку. Ли тащит меня из туалета и от фантома, который просто трахнул меня на сидении унитаза.

— Какого черта ты там делала?

Легион тащит меня через коридор, лавируя между зевак, которые расступаются на его пути и прижимаются к стене.

— Что? — Мой мозг все еще затуманен алкоголем и оргазмом.

— Я сказал, какого черта, ты там делала? Черт, Иден, ты не можешь убежать от самой себя. Есть около десятка тварей, которые с радостью вонзят в тебя клыки.

Я закатываю глаза.

— Я в порядке.

— В порядке?

Не замедляя шага, он поворачивается ко мне лицом.

Мы обошли танцевальный зал, в котором вечеринка шла в полном разгаре под музыку 30 Seconds to Mars. Не удивлюсь, если группа выступает на сцене.

— Иден, ты не в порядке. Ты так быстро покинула апартаменты Наблюдателя, что я...

— Ты что? — рычу я, вырываясь из его хватки. Я скрещиваю руки на груди, отказываясь делать еще хотя бы один шаг рядом с ним. — Не было времени, чтобы вытереть слюни с губ? Ты действительно думал, что я осталась бы и смотрела, как ты сосёшься с этой садисткой? Извини, но порно живьем — это не моё. Уверена, твои друзья оказали тебе достаточно моральной поддержки. Господи, Ли. Я ожидала, что ты протянешь дольше. Но я так думаю, что для того, кто веками не трахался, ты не мог сдержаться.

Его ноздри раздулись, а рот скривился в злой усмешке, Ли делает угрожающий шаг ко мне.

— Что ты сказала?

— Все в порядке. Это с каждым случается. Очевидно, даже с демонами. — Я пренебрежительно отворачиваюсь от него, от розового шипучего напитка я слишком осмелела и потеряла здравый смысл, чтобы бояться.

Один шаг, один удар сердца, один вдох и он так близко, что я ощущаю пламя его ярости, исходящее от его невероятно большого тела.

Эти мудрые глаза, созданные из умирающих звезд, прожигают мою душу. Через силу я поднимаю глаза и сердито смотрю на него.

— Ты не... — Желваки на челюсти двигаются, словно слова не могут вырваться из ловушки между гневом и разочарованием. Вместо этого, он хватает меня за руку и снова тащит. — Пошли.

— Куда ты меня тащишь? — кричу я, пытаюсь сохранить равновесие на смехотворно высоких каблуках. Пол под моими ногами окончательно стал твердым, но он все еще качается и вращается, словно в Доме Забав в парке развлечений.

— Эй, притормози! Не все тут сверхъестественные уроды вроде тебя.

— Да? Ну, возможно, тебе стоило об этом подумать до того, как ты убежала поиграть с монстрами. — Ли двигается с невероятной скоростью, пока никто не видит. Либо так, либо ему плевать.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Ты единственный, кто практически кинул меня,

одетую в трусики из говяжьей вырезки в логово льва. Думаешь, я хочу быть здесь? Думаешь, мне нравится смотреть, как ты пробуешь на вкус гланды готической Барби-стриптизерши?

Он измождено качает головой, отказываясь в удовольствии резко ответить мне. Я не понимаю, что мы идем к выходу, до тех пор, пока не оказываемся на улице.

— Куда ты меня тащишь?

— Домой, — невозмутимо он отвечает.

— Но, что...

— Заканчивают. С ними всё будет в порядке.

— Ли, помедленнее, — прошу я его, пока он несется к ряду автомобилей, припаркованных вокруг, минуя прислугу. Гравий хрустит под ногами и делает практически невозможным идти спокойно и не спотыкаться. Когда мы подходим к Ягуару, Ли чуть ли не срывает двери с петель, после чего практически забрасывает меня внутрь. — Какого черта! — пишу я, когда он наклоняется через меня, чтобы пристегнуть ремень безопасности.

Его жар душит назревающий внутри меня конфликт. Я перестаю дышать из опасения, что вдохну его опаляющую ярость и паду жертвой его запаха. Не могу точно описать какой, но он точно опьяняет.

Его аромат напоминает мне начинающуюся бурю, до того как молния рассекает небо яркой вспышкой, освещая землю.

Ли садится на водительское сиденье и вылетает на дорогу, прежде чем я могу почувствовать его твердое тело рядом с моим.

— Серьезно, парень, в чём твоя проблема? — спрашиваю я, спустя несколько минут молчания. За окном темно, хоть глаз выколи, а Легион мчится по извилистым дорогам, которые я даже рассмотреть не могу.

— Моя проблема? — фыркает он. — Ты — моя проблема, Иден. Где тебя, черт возьми, носило?

— Я тебе уже говорила. Я не захотела присутствовать на главном событии, поэтому и ушла. Каждое моё слово пропитано горечью. Горечью и... болью.

— Думаю, что ты не такой благородный, как тебе кажется.

— О чем ты говоришь? Ты думаешь, я... — Он качает головой. — Неважно.

— Что, Легион? — Я разворачиваюсь на столько, сколько мне позволяет замкнутое пространство.

— Ты не хочешь, чтобы я увидела, какой ты на самом деле? Я так понимаю, что это нормально раскрыть все мои маленькие грязные секреты, но только не твои. Я могу выглядеть, как грязная, аморальная шлюха, но ты... ты должен поддерживать свой первозданный облик. Я понимаю.

— Ты смешна.

— Я? — Звук голоса выходит слабее, чем я ожидала. Но от алкоголя мои глупые человеческие эмоции возбуждены, и я не могу просто так всё оставить. - Вернувшись в квартиру, ты вел себя так, словно тебе противно ко мне прикасаться. Ты не мог дождаться, чтобы свалить. Но с Айрин или, как там её зовут... — Я взволновано вдыхаю. — Слушай, если это то, что тебе нравится, без проблем. Но не ври на этот счет.

Он смотрит прямо перед собой, его челюсть дергается от раздражения.

— Я не лгу, Иден. Ничего не произошло.

— А выглядело иначе. Но продолжай повторять и возможно ты поверишь сам себе.

Больше мы не проронили ни единого слова, пока возвращались в город. О том, как

движется изящный Ягуар по дороге, можно лишь мечтать, но я не могу насладиться ездой. Не могу выбросить из головы образ Легиона, как он прикасается к ней, целует её.

Так, как будто действительно хочет её. А потом, случившиеся в ванной комнате... всё это не имеет никакого смысла. Но я чувствовала их. Я всё ещё чувствую их. Моя кожа всё ещё покалывает от ощущения их блуждающих рук, их языков.

Глубоко внутри мои мышцы сжимаются, словно он по-прежнему внутри меня, толкается... пульсирует...

— Приехали, — говорит Легион, свернув с главной дороги на соседнюю улицу, практически скрытую от человеческих глаз. Он резко поворачивает и въезжает на вид узкий, старый гараж, который не может быть достаточно большим для нашей машины.

Гараж переходит в подземный тоннель, и мы проезжаем ещё милю, прежде чем я замечаю яркие прожекторы. Мы под зданием, принадлежавшим Се7мерки.

— Когда остальные вернуться? — спрашиваю я, когда мы заезжаем в подземный тоннель.

— Скоро. — Он до сих пор не смотрит на меня. Несколько дней назад, возможно даже часов, я сделала бы все, чтобы избежать его порочного взгляда. Но сейчас...

Я чувствую себя слабой. И неуверенной. И все еще возбужденной.

Он выходит из машины и направляется к лифту, не дожидаясь меня. Следуя за ним, как бездомный щенок, я чувствую непреодолимую слабость в теле от внезапного истощения. С каждым шагом, что-то шевелится внутри меня, скользит как мёд по телу. Я задерживаю дыхание, когда вхожу в лифт и встаю рядом с Легионом. Он не обращает на меня никакого внимания, но я клянусь, чувствую, как его костяшки пальцев случайно касаются моих.

Когда мы входим, квартира кажется такой холодной и устрашающей.

Без присутствия се7мерки и их удушающего жара тел, я почти вижу, как выдыхаю пар перед собой. Я поспешно направляюсь в спальню — в спальню Легиона — чтобы принять душ и одеть теплую одежду. Просто сейчас, рядом с ним, после всего, что произошло, я еще никогда не чувствовала себя настолько обнаженной.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, пока я роюсь в коробке с вещами.

— Хочу вылезти из этой нелепой одежды, — огрызаюсь я. Схватив спортивные штаны и кофту с длинным рукавом, я разворачиваюсь и почти впечатываюсь в широкую грудь Легиона. Когда я пытаюсь обойти его, он встает на моем пути.

— Иден. — Его тон голоса звучит чувственно без свойственной грубости.

— Пусти, — требую я, снова пытаюсь обойти его.

С удивительной нежностью, он забирает одежду из моих рук.

— Постой. Мне нужно кое-что объяснить тебе.

— Объяснить что? Что ещё мне следует знать? Ты слышал Наблюдателя: я само зло. И ты знал это, не так ли? Ты знал, что это — я, а какое-то сатанинское влияние, которое дергало меня за ниточки. Даже не твоя драгоценная Адриэль. Ты не должен был брать меня сегодня вечером и позволять этой стерве унижать и насмехаться надо мной и моими жалкими, человеческими пороками. Ты все знал.

— Да.

Боль появляется на моем лице. Я срываю датчик с топа и швыряю его в грудь Легиона. Не дрогнув, Ли позволяет упасть датчику на пол.

— Тогда почему?

Он смотрит на меня, отбросив свое привычное выражение на лице.

— Потому что, если бы сказал тебе, ты бы не поверила. И даже если бы поверила, тебя бы это съело живьем. — Он делает шаг ко мне. — Я могу помочь тебе. Все те желания, которые толкают тебя к безнравственности, я могу помочь тебе их преодолеть.

— Спасибо, но обойдусь, — говорю я, пытаюсь обойти его. — Мы не можем родиться заново, как ты. А может... может, я не хочу.

Легион качает головой.

— Ты так не считаешь.

— Откуда тебе знать? Посмотри на себя, — говорю я, всплеснув руками от раздражения.

— Возможно, целые столетия ты провел один, сейчас ты на взводе и напряжен сильнее скрученной пружины. Ходишь тут с таким видом, словно мир вот-вот взорвется. Ты когда-нибудь развлекаешься? Черт, ты вообще знаешь, что такое веселье?

— Иден...

— Я видела тебя, Легион. Видела, как ты реагировал на ту... ту женщину. Как ты водил руками по ее телу, словно ее кожа на ощупь, как шелк. Я видела, как ты отреагировал, когда вкусил ее губы. Ты хотел большего. И если мы там все не сидели, ты бы взял её.

Эти медленно всплывающие ощущения снова пробуждаются в памяти о неистовой страсти Легиона. Ненавижу смотреть на это. Но только потому, что из-за ненависти к этому, я желала намного большего.

Его глаза расширяются от удивления, и он отступает назад, позволив мне пройти мимо. Я задела за живое. И учитывая, что он не отрицает этого, я понимаю, что говорю правду. И... этот факт жалит.

— Если бы я знала, что ты только хотел использовать меня в качестве предлога, чтобы получить желаемое, я бы не пошла. Ты мог бы сделать свое грязное маленькое дело, не используя меня в качестве приманки.

Со злостью я вырываю из его рук свою одежду. Прежде чем могу пройти, Ли достаточно жестко хватает меня за локоть, чтобы заставить остановиться.

— Иден, подожди. — Я не вырываюсь из его тисков, но и не хочу смотреть на Ли. — Я не хотел целовать Айрин. И я не хочу иметь ничего общего с этой эгоистичной, пекущейся только о собственных интересах мегерой.

— А так и не скажешь.

— Наблюдатель извлекает выгоду из информации, которая может быть расценена, как слабость. И она продает эту информацию тем, кто хочет использовать ее против меня, когда она работает на интересы Наблюдателя.

— И какое это имеет отношение ко мне?

Он тянет меня обратно, и я упираюсь спиной в его теплую твердую грудь. От контакта я резко вдыхаю, желая остаться в его объятиях, но я понимаю, что не могу.

Он все еще удерживает меня, его тело прижимается к моей спине, а его пальцы обжигают мою кожу.

— Иден, если бы Наблюдатель только знала, кого я на самом деле хотел целовать, кого представлял, пока сжимал ее задницу через мини-юбку, кого желал, пока прижимал ее затвердевшие соски к своей груди, пока я скользил языком в ее рту — она бы без колебаний продала этот секрет по самой высокой цене.

Я нервно переступаю с ноги на ногу, потираясь об его жёсткий пах. Я глотаю стон.

— И кого ты представлял?

Он даже не отступает назад. Даже тогда, когда его штаны спереди начинают топорщиться и упираться мне в спину, он не отступает. Ли хочет, чтобы я почувствовала его. И Боже... он чертовски хорошо ощущается.

— Я думаю, ты знаешь, Иден.

Моё дыхание становится прерывистым, когда я борюсь с желанием еще плотнее прижаться к нему.

Легион кажется еще горячее... сильнее. Словно все его тело гудит с неумолимой силой. Он мог бы сломать меня пополам, если бы я была тонкой веточкой.

И я бы позволила ему. Прямо сейчас, позволила бы ему делать со мной, все, что он захочет.

— Легион... — выдыхаю я, никогда еще его имя не слетало с моих губ с таким обожанием. Меня напугало в первый раз то, как он произнес его так, что земля затряслась под ногами.

Но сейчас... оно звучит чувственно и соблазнительно. Я хочу шептать его имя, пока он будет целовать мою шею. Я хочу кричать его имя, пока он будет толкаться внутри меня.

Я чувствую, как Легион опускает голову, убирая губами мои волосы. Мышцы на его прессе сокращаются, от чего по моей спине бегут мурашки. Ласково, словно перышком, он проводит по моей руке от локтя до плеча, заставляя меня вздрогнуть.

Звук закрывающейся тяжелой стальной двери разбивает этот момент на тысячу осколков, и точно так же как до этого, меня обнимает холод быстрого отступления Легиона.

Моя грудь судорожно вздымается, когда я пытаюсь вернуть здравый рассудок и поворачиваюсь к Легиону лицом.

— Они дома, — грохочет он, его голос плотный, как и очевидная выпуклость в его штанах. Он смотрит на меня, нахмутив лоб.

— Да, — это все что я сейчас могу произнести.

— Мы должны... — он бросает остекленевший взгляд на открытую дверь спальни.

— Да.

Я смотрю, как на мгновение он закрывает глаза, прежде чем забирает свой запах и жар и широкими шагами выходит в коридор. Мне так холодно, что я даже не уверена, что он когда-либо прижимал меня к себе.

После душа, который не смог смыть воспоминания о горячих прикосновениях Легиона, я отправляюсь в общую комнату и вижу, как все собрались за обеденным столом, они все еще одеты в свои темные одежды, терпеливо ожидают меня.

Я смотрю вниз на свой серо-лиловый спортивный костюм и на фиолетовые в радужную полоску носки. Еще больше не вписываться, я уже просто не могла.

— Теперь, когда мы все собрались, можем начинать, — объявляет Легион, не взглянув на меня. Я занимаю мое место рядом с ним. — Феникс?

Демон с золотистыми глазами кивает мне, а потом обращается к сидящим за столом.

— Айрин проинформировала нас, что единственный способ узнать о планах Люцифера на счет Иден это обратиться к ведьме. Но не к простой ведьме. Мы должны отыскать могущественную, ту, чья магия не была порождена этим миром.

Ведьма? Что за... Серьезно, я бы смогла поверить в это неделю назад? Я знаю, что уже ничего не должно меня удивлять, но, черт возьми. Что еще там скрывается, о чём люди даже не догадываются?

— Итак, это означает, что мы влипли, — стонет Каин на другом конце стола. Здорово.

Так что всё это было зря.

— Ну, и да, и нет, — вставляет Тойол. — Хорошие новости — защита вокруг здания наложена кровавой магией одного колдуна, с которым в прошлом я имел дело.

— Ты можешь связаться с ним? — спрашивает Легион, переплетая пальца перед подбородком.

— Плохие новости, — Тойол тяжело вздыхает, а его плечи поникают. — Он мертв.

— Замечательно, — бубнит Андрас. — И что теперь? Я провел вечер, оккупированный питомцами Айрин.

— Не похоже, чтобы ты жаловался, — усмехается Лилит, чем зарабатывает грубый жест от своего соседа. В ответ она показывает ему палец.

— По крайней мере, тебе не пришлось смотреть на ее поцелуй. Клянусь, Ли, то, как она тобой сексуально озабочена, немного смущает.

— Достаточно, — рывкает Легион, переводя внимание на Тойола. — Есть ли еще кто-то, кто бы мог помочь нам?

Задумавшись, Тойол кривит губы.

— Ну... не совсем.

— Что это значит?

— А это значит, что у него есть брат, но не уверен, что он станет помогать нам. Колдун, которого я знал, был достаточно известным, особенно тем... что баловался такими вещами, которые в его мире сочли бы за оскорбление. Работа с демонами, одна из таких вещей.

Легион стучит пальцем по подбородку, нахмутив брови в раздумье.

— Можешь попробовать с ним связаться?

— Попробую, — кивнул Тойол. — Уверен, что он согласится. И, конечно же, потребует определенную плату.

— Любая магия имеет свою цену, — соглашается Легион.

— Я свяжусь со своим информатором, — говорит Тойол, доставая телефон. Он начинает так быстро нажимать по кнопкам, что его пальцы выглядят, как расплывчатое пятно. Он даже не смотрит на дисплей.

— Он больше не занимается колдовством, теперь семейный человек. Но если кто и сможет все разузнать, так это он.

— Отлично, — кивает в ответ Легион, переводя взгляд на Каина. — Какая-нибудь активность сегодня?

Мужчина со шрамами качает головой.

— Нет. Сестра в безопасности. Мы проверили перед тем, как вернуться домой. Я даже не уверен, что Большой Плохиш поймет, что она исчезла.

Мое сердце запинается в груди. Кровь стучит в ушах, и я слышу мои слова какими-то отдаленными и приглушенными.

— Что? Моя сестра... исчезла?

— Мы перевезли её, — отвечает Легион, не поворачивая головы в мою сторону.

— Куда? — спрашиваю я, но вопрос звучит больше, как требование.

— Линкольн-сквер.

— Ли, купил ей старый дом, — объясняет Лилит, взяв меня за руку. Она обнадеживающе улыбается, пытаясь стереть выражение ужаса на моем лице. — Он подкупил всех жильцов, и сказал им, что комплекс будет закрыт из-за токсичной плесени и что им немедленно нужно покинуть здание. А ей сказал, что в связи с этим ей будет предоставлена

новая квартира в приятном районе с консьержкой и охраной.

Я поворачиваюсь к Легиону, который наконец-то смотрит на меня, его серебристые глаза мерцают в лунном свете.

— Ты сделал это? Для сестры? — произношу я с подкатившим комом к горлу.

— Нет, Иден, — говорит он, качая головой, — я это сделал для тебя.

Он снова отводит взгляд, пока они продолжают встречу, обсуждая полученную информацию от Наблюдателя насчет поставщика ангельского яда.

Я не слышу, о чем они говорят. Легион позаботился о моей сестре, о единственной семье, которая осталась у меня в этом жестоком и одиноком мире. Не потому что я попросила, или что такой абсурдный поступок доброты заставит меня быть покладистой. Он просто сделал это... для меня.

Я ложусь в кровать намного позже, измученная и эмоционально опустошенная. Я не могу переварить всю информацию сразу, поэтому сосредотачиваюсь на чём-то одном: моих сложных чувствах к монстру, чья истинная сущность хочет убить меня.

Даже это кажется слишком запутанным, учитывая тот факт, что я не знаю, какие испытываю к нему чувства. Я знаю, что он пугает меня. Я знаю, что, когда он рядом я не могу дышать.

Но я также знаю, что что-то внутри меня жаждет его так, как я ничего не желала в своей жизни.

Возможно, это связано с ангелами и демонами. Может обольщение Прыгуна притягивает его ко мне, как и всех остальных из се7мерки.

Но как только, он выходит из ванной, освежившийся после душа и одетый лишь в низко посаженные штаны, я понимаю, что здесь скрыто куда большее.

Крошечные кристаллы воды высыхают на его бронзовой коже, украшенной завитками и линиями сине-черных чернил.

Я позволяю себе маленькое одолжение: смотрю на него. Действительно смотрю на него, без стеснения и страха. И то, что я вижу... прекрасно.

Строки из Священного Писания, покрывающие его руки, говорят об искуплении и спасении. Откровения, Иуда, Римляне, Матвей, Лука. Я знаю эти слова, и я могу понять, почему он выбрал именно их.

Они это история его жизни — его падения от благодати и обратный путь к Божьей милости.

На груди у него замысловатый рисунок, покрывающий всю левую сторону. Я видела такой же на массивном бицепсе Каина и на плече у Лили, который выглядывал из-под комбинезона сегодня вечером.

Я сажусь на колени, чтобы лучше рассмотреть Легиона. Ли, следит за моим взглядом, а затем опускает глаза вниз.

— Это символ се7мерки, — объясняет он. — Число семь говорит всё само за себя. Перья символ крыльев, которые были потеряны.

— Крылья? У тебя были крылья?

Он поворачивается так, что я могу рассмотреть два, похожих на родовые метки, этнических узора, которые начинаются от плеч и тянутся до середины спины. Они очерчены чёткими завитками и символами, которые я не могу перевести, и складываются в длинные, узкие прямоугольники.

— Их забрали, как только я пал. Большинству демонов также даруют крылья, похожие

на крылья летучих мышей, черные, ужасные с когтями, — но я никогда не признаю их. Поэтому и отказался. Крылья Серафима огромные и величественные, они бы заполнили всю эту комнату. Иногда мне кажется, что я до сих пор чувствую их... — Он опускает голову и слегка вздрагивает, отбрасывая воспоминания в темный угол. Интересно, какая еще печаль обитает в этом холодном, мертвом месте.

Интересно, эти чувства похожи на мои.

— Другие оставили их крылья, когда мы выбрали такую жизнь. Однако они могут быть призваны, если мы вернемся.

Я наклоняюсь немного вперед, приближаясь к Ли, где он стоит у подножия кровати. Руны в этих черных полосах выглядят как извивающиеся лозы, тянущиеся к небесам. Но присмотревшись, я понимаю, что у них гораздо больший смысл.

В верхней части изображено, как солнечные лучи пробиваются сквозь облака. Там, где пробивается тусклый свет, появляется новый участок.

Зарождение жизни и ее изменения. Человечество. Побег растений бьющиеся из тенистой земли и птицы, летающие между неизвестными символами. Хрупкость этой картины превосходна, но, как и в моем мире, что-то темное и страшное скрывается внизу.

Внизу черные линии, изображенные в виде волн похожи на злой огонь.

Там ничего нет. Ни жизни. Ни света. Ни надежды. Только тьма отчаяния, покрывающая плащом смерти бесчисленные потерянные души. Потерянные души, такие же, как его... и моя.

В дань потерянным крыльям, Легион запечатлел его падение от Бога. Возможно, это напоминает ему о том, кем он был и что потерял. Может быть, это напоминает ему о том, как вернуться обратно.

Я осмеливаюсь и провожу пальцами по его гладкой, помеченной коже. Он дрожит, но остается на месте, позволяя мне проследить пальцами по карте его происхождения. Его кожа горит, точно также, как и моя.

Холода не существует, когда он рядом.

— Красиво, — шепчу я, и мой голос переполнен изумлением. "Ты прекрасен". — Ты когда-нибудь сможешь вернуть их?

Он качает головой, после чего поворачивается и смотрит на меня, его обнаженная грудь и живот касаются все еще моей вытянутой руки.

— Нет. Это невозможно.

— Почему ты не хочешь обрести крылья демона?

В серебряных бассейнах его, гипнотизирующих, глаз читается боль. Я хочу нырнуть в них и спасти его... спасти его от самого себя.

— Потому что я не хочу потерять себя.

Я вспоминаю, что Лилит рассказывала мне несколько дней назад. "Он ощущает столько всего, включая безграничные страдания, ибо он — Легион. Он не один, он создан из многих.

И иногда ему трудно отличить, что исключительно его, а что их. Все это время он ищет пути покаяния для каждого из них. Но я могу точно, сказать, что он никогда не простит себя".

Ранее вечером мы разделили с ним интимный момент. Но это... это совершенно иное.

— Уже поздно, — говорит он, нарушая магию молчания. Ли делает шаг назад и быстро оказывается на своей стороне кровати. — Нужно поспать.

— Да, — соглашаюсь я. Уже поздно, но каждая клеточка моего тела практически гудит

от ощущений. Не знаю, как засну, особенно, когда Ли рядом.

Он скользит по простыни, пока я выключаю лампу. Когда мы оба устраиваемся под одеялом, Ли тяжело и раздраженно вздыхает.

— Я чувствовал тебя сегодня.

В темноте я поворачиваюсь к нему.

— Что?

— Я чувствовал тебя. Твое сердце бешено колотилось. Пульс участился. Что-то происходило в той комнате.

Я проглатываю правду, чувствуя, как горят щеки от стыда.

— Ничего не было.

— Я чувствовал тебя, Иден. Это было не ничего. Я чувствовала, как твое тело дрожит. Я чувствовал то, что...не ощущал уже очень долгое время. — Он снова тяжело вздыхает.

— Слушай, ты не обязана говорить мне, но я знаю. И я понимаю, что у тебя есть человеческие, плотские потребности. Так что, если тебе нужно их удовлетворить... если тебе нужно сбросить напряжение... я не буду стоять на твоём пути.

Я киваю, хотя он меня даже не видит, и затем от него отворачиваюсь.

Часть ночи мое тело целиком поглощает его успокаивающий жар, через который кошмары не могу пробиться.

На рассвете я просыпаюсь от громкого звука, задвигающегося ящика комода. В голове звучит миниатюрный оркестр, когда я щурю глаза от солнечного света.

Язык словно наждачная бумага, а во рту такие ощущения, словно я мела наелась. Значит, я достаточно напилась вчера, раз понимала, что у меня похмелье.

И если похмелье после шампанского достаточно поганое, то похмелье после шампанского с пуншем это вишенка на хреновом пироге похмелья. Мне минимум нужно пять часов, чтобы снова почувствовать себя человеком.

— Проснись и пой! — поет Лилит, слишком бодрая после вчерашней ночи. Черт, она еще была на ногах, когда я ложилась.

— Какого чёрта, — хрипло произношу я, в горле так пересохло, что я в прямом смысле слова могу ощущать, как мои голосовые связки трутся друг о друга с каждым мучительным словом.

— Что ты здесь делаешь в такую рань?

— Пакую вещи.

Она аккуратно складывает свитер на одно плечо и укладывает его в чемодан, лежащий на краю кровати.

— Упаковываешь вещи? Зачем?

— Ты, Легион, Феникс и Тойол отправляетесь в маленькое путешествие. Тойол получил сообщение от своего колдуна. Он готов встретиться, но на его условиях и его территории. Так что вы должны поехать к нему.

— О.

Страх сплетается с моими нервами. Колдуны, ведьмы... я не знаю, во что ввязываюсь.

— Тебе лучше поторопиться. Вы уезжаете через полчаса.

Полчаса? Я собираю последние крупницы сил, которые у меня остались, и встаю с кровати.

Комната вертится и кружится, и я практически сдаюсь и плюхаюсь обратно. Это наш шанс, и я не могу все испортить из-за какого-то похмелья. Я все преодолею.

— Куда мы хоть едем? — спрашиваю я Лил, пока практически ползком добираюсь до ванной комнаты. Кажется, что мне понадобится часов восемь, чтобы счистить зубов налет от выпивки.

Лили замолкает на какое-то время, а затем дьявольски улыбается и игриво шевелит бровями.

— Колорадо Спрингс.

* * *

— Почему мы не можем полететь туда? — спрашиваю я, ерзая на пассажирском сидении Ягуара. Легион полностью сосредоточен на трассе-80, но я не сомневаюсь, что он закатывает глаза под своими черными очками от Рей-Бенс.

— Если человека Призовут в воздухе, то полет кончится весьма плохо. И я не думаю,

что мы сможем пронести на борт самолета винтовки AR-15, шесть Glock, и боеприпасы, которые лежат в нашем багажнике.

Мои глаза вот-вот выпрыгнут из глазниц.

— Ты взял всё это оружие?

Его рот кривится в ухмылке.

— Иден, это только в этой машине. В машине Тойола и Феникса остальное оружие, включая катана Тойола.

— Но зачем? Разве колдун представляет для нас угрозу?

— Каждый для нас угроза, Иден.

Я причина всему этому. "Каждый — угроза".

Все оставшуюся жизнь — неважно, сколько мне отпущено — я буду оглядываться. Я не могу всю жизнь сидеть в четырех стенах и полагаться на других, что они защитят меня.

Я использовала мою способность, как опору, с тех самых пор, как узнала про нее, и могла манипулировать людьми, лишь прошептав им слово. Но что, если я не смогу больше ее использовать? Что, если встречу с чем-то бесчеловечным?

— Я хочу научиться сражаться.

Легион, наконец-то, смотрит на меня.

— Что?

— Я хочу научиться драться. Не могу просто сидеть, сложа руки и полагаться на вашу защиту. Я должна что-то сделать — внести вклад. И не могу же я вечно жить с тобой.

Снова уставившись на дорогу, он сжимает губы в мрачную линию.

— Уверена?

— Да, — кивнув, искренне говорю я. — Феникс чуть не погиб из-за меня. Если бы я была обучена и умела защитить себя, я могла бы помочь.

— Если именно этого ты хочешь, — уныло произносит он.

— Но ты этого не хочешь.

Я вижу, как он кривит губы в отвращении, после чего отвечает:

— Я хочу всеми способами уберечь тебя, Иден. Если научить тебя сражаться, означает дать тебе полное чувство безопасности, которое я не могу тебе обеспечить, пусть будет так, — произносит он слова, в которых скрыт глубокий смысл.

Один из них связан с болезненным прошлым. - Ли, я не имела в виду, что не чувствую себя в безопасности. Чувствую. И хотя я не понимаю, зачем ты все это делаешь для меня, но я благодарна — за себя и за безопасность окружающих. Я просто ненавижу чувствовать себя беспомощной. И не хочу быть обузой.

— Что заставляет тебя думать о том, что ты обуза? — почти огрызается Ли на меня.

Я качаю головой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я просто не понимаю. Ты слышал Наблюдателя — я не... я не хороший человек. Зачем спасать меня? Зачем беспокоиться о том выживу я или умру? В этом нет никакого смысла.

— Это моя работа.

— Нет, здесь гораздо большее, не так ли? Ты все свои миссии тащишь домой и спишь с ними в собственной кровати?

— Нет, — сквозь зубы он произносит, раздувая ноздри.

— Тогда почему, Ли? Зачем рисковать всем ради меня? Зачем тратить свое время на

одного жалкого, ничтожного человека, которому суждено стать орудием зла?

В течение мучительно-долгих нескольких секунд я вглядываюсь в его профиль, смотрю, как желваки ходят на его сильной, острой челюсти, а затем он отвечает:

— Адриэль умрет, если тебя убьют. Она может прыгать из жизнеспособного хозяина в другого, но она должна быть готова. И даже если она будет готова, то хозяин должен быть жив.

Я чувствую, как реальность врежется в меня.

Всё это время, все ночи, которыми я прижималась к его груди, он укрывал от всего мира не меня. А Адриэль. Не меня он хочет защитить. А ангела, который вторгся в мою жизнь и тело, когда мне было всего лишь пять лет.

Ангела, который стоял и наблюдал, как меня избивали и морили голодом. Ангела, который даровал мне силу, которую в порыве гнева я обрушиваю на невинных людей.

Я чувствую себя полной дурой.

Прошлой ночью между нами пробежала искра. И возможно это просто реакция, присущая Прыгуну, но я точно знаю, что Легион почувствовал это тоже. Черт, я практически чувствовала, как он трется об мою задницу.

И потом, после душа, я могла бы поклясться, что мы разделили гораздо большее, чем простое желание, вызванное алкогольным опьянением. Я никогда бы и не подумала, что Ли может быть настолько ранимым.

Он позволил прикоснуться к нему... увидеть его... пусть хоть даже на мгновение. А в ответ, я позволила себе ощутить нечто особенное, помимо страха или смущения, или даже боли.

Я почувствовала надежду, понимание. Меня задела эта крупица правды — небольшого акта, сломанной человечности.

И теперь я вижу, что он показал себя не мне. А Адриэль. Я всего лишь оказалась посредником, смертным мешком из кости и плоти, который стоял между Легионом и тем, с кем он по-настоящему хочет общаться.

На протяжении нескольких миль я молчу. Когда мы останавливаемся на заправке, я без лишней спешки выхожу из машины.

— Подожди, — говорит он, прежде чем мои ноги успевают коснуться, пропитанного бензином, асфальта.

Запах бензина тошнотворен, но это лучше, чем оказаться в ловушке с Ли и его ароматом полночного жасмина и палёной земли.

— Ты не должна идти одна.

— Я в порядке, — отвечаю ему и встаю.

— Позволь пойти с тобой.

— Нет.

Он снимает очки и проводит рукой по волосам, отчего выбившейся локон падает на эти странные серебряные глаза, бросая на них тень.

— Иден, — вздыхает он.

— Что? — сквозь зубы говорю я.

Когда он не отвечает, я воспринимаю это как сигнал, что мне пора выходить, но часть меня хотела бы, чтобы Легион немного сильнее сопротивлялся. Я бы все равно настаивала на своем, чтобы пойти одной, но все же... его раздражение лучше, чем ничего.

Когда я выхожу из придорожного туалета, на удивление чистого — учитывая все

обстоятельства — Легион стоит под дверью. Я борюсь с желанием усмехнуться, но вспоминаю, что он заботится не обо мне.

— Хочешь, что-нибудь поесть или выпить? — настороженно спрашивает он.

Я качаю головой.

— Я в порядке.

Я поворачиваюсь обратно к машине, но Ли не следует за мной. Когда через несколько минут он появляется, то в его руках пластиковый пакет из магазина.

— Я взял тебе воды и приторно сладкой херни, которая зовется кофе, — гримасничает он, выражение смотрится забавным, на его обычно каменном лице. — У них ничего не было свежего, что выглядело бы аппетитно, так что я взял тебе вяленое мясо индейки, смесь из орехов и сухофруктов и что-то, что должно быть вегетарианскими чипсами.

Я беру контрабанду и одариваю его благодарной ухмылкой.

— Никаких конфет или картофельных чипсов.

— Черт, нет. Лучше уж ешь стекловату. Я не собираюсь рвать задницу, чтобы сохранить тебе жизнь, только ради того, чтобы ты умерла от гидрогенизированного масла.

Я хочу засмеяться, но Ли предельно серьезен. И все же, легкая улыбка появляется на моем лице.

— Что? — спрашивает он, пока заводит машину.

Я качаю головой.

— Знаешь, а ты сам себе противоречишь.

Он хмурится. Не так, что его черты ожесточаются, а так, что Ли выглядит почти... как человек.

— Это как же?

Мы выезжаем на дорогу с Тойолом и Фениксом, тащившимися за нами в черном Range Rover.

— Ты долбаный бессмертный, который по жизни убивает людей. Черт, ты и меня поначалу убить хотел. И все же ты беспокоишься о гидрогенизированном масле? Что будет дальше? Шалфей и лебеда в бардачке?

Легион морщится, а потом делает то, чего я никак не ожидала.

Он смеется.

— Думаю, ты права.

— Я знаю, что права. Жизнь слишком коротка, Ли. По крайней мере, для меня уж точно. Я предпочла бы умереть совершенно счастливой и покрытой оранжевой присыпкой от Читос, чем чахнуть от поедания хрустящего картона.

Он снова смеется и этот звук, словно бархат, ласкает мои уши. В нем нет намека на мрачность или злость. Нет привычных ноток снисходительности в его знойном баритоне.

Он смеется, потому что я сказала, что-то смешное. И через весь мрак и грязь, которые запятнали мою душу, я нашла повод пошутить, даже если это было банально. Но это было наше банально, пусть хоть и на мгновение.

— В следующий раз, я выбираю закуски, — говорю я, наблюдая за тем, как на его щеках появляются ямочки от улыбки. Они казались настолько редкими и красивыми, что возникало ощущение, будто его лицо жаждало навеки их запечатлеть, приклеить на кожу щек до скончания времен.

— У тебя ямочки. — Я понимаю, что дыхание сбилось, как только увидела их.

Он бегло смотрит на меня, все еще красуясь ими.

— Полагаю, что есть.

— Почему я раньше не замечала их?

— Не знаю, Иден, — пожимает он плечами. — Ты, наверное, не внимательно смотрела.

Я хочу ответить, но ничего не произношу. Может быть, я так была занята поисками причин, чтобы оттолкнуть его от себя, что не увидела такую красоту.

Нет, это неправильно.

Возможно, я видела. А возможно меня это напугало, также как его потрясающие физические качества, которые обезоружили меня. Может быть, меня так сильно к нему влекло, что я хотела ненавидеть его — просто необходимо ненавидеть его — чтобы дать себе шанс на искупление.

Потому что, если я позволю этому взять вверх надо мной, я пойму... что испытываю чувства к нему. Влюбилась в него. И это совершенно нелепо, во всех смыслах этого слова.

— Нам нужна музыка, — говорю я, нуждаясь в том, чтобы встряхнуть интимное молчание, возникшее между нами. На протяжении нескольких часов, которые мы были в пути, единственное, что мы слушали, так это мое тревожное дыхание, повторяющееся по кругу.

Я включаю волну на радио, и меня встречает гребаное банджо, гитара и скрипка. Я быстро выключаю.

— Какого черта это сейчас было?

Легион смеется низко и чувственно.

— Мы в Айове, Иден. Деревенская Айова, вот что. — Он нажимает кнопку с изображением блютуза. — Подключи телефон.

С удовольствием, я достаю его из кармана своей толстовки.

— Уверен?

— Да. Почему бы нет?

По какой-то странной причине в животе щекочут нервы. Музыка всегда была святое для меня, она мой побег из разрушающего мира, находящегося за пределами моих наушников.

Она заглушает язвительный голос в голове и мой собственный порочный разум.

Разделить мою музыку с Ли, своего рода, значит отдать кусочек собственной души, который я выделала только для себя. Что-то, из-за чего мне не будет стыдно.

Я пролистываю, любимый плейлист, сочный микс из хип-хопа и рока, даже есть немного поп-музыки. Когда навязчивые басы начинают вибрировать через динамики, Ли косо смотрит на меня.

— Что?

— Интересный выбор, — качает он головой, а губы изгибаются в улыбку.

Я с трудом сдерживаю себя, чтобы тоже не улыбнуться.

— Я думала, что это подойдет.

— Монстру?

— Слишком напоминает дом? — спрашиваю я, сладким голосом.

— Нет. Совсем нет. Но серьезно? Канье?

— Он сокровище Чикаго!

— Но он Канье Уэст. И поверь мне это не постановка. Он серьезно верит в собственную чушь.

Я не спрашиваю, откуда ему известна эта информация, но откладываю этот вопрос на потом. Вместо этого, я выбираю другую песню. Он громко смеется, как только из динамиков

доносится Bose.

— Ты, должно быть, шутишь надо мной.

Я хлопаю ресницами.

— Что?

— "Люцифер" вместе с Джей-Зи? Уверена, что ничего не знала об ангелах и демонах?

— Уверена. Мне переключить?

— Нет, — ухмыляется он. — Пусть играет. Мне нравится быть внутри твоей повернутой маленькой головки, хлопушка.

— Как ты меня назвал?

Мои щеки краснеют от смущения.

— Хлопушка. Именно так Каин описал тебя в ту ночь. Думаю, это слово точно описывает тебя.

Я сжимаю губы в линию, только чтобы не продемонстрировать широкую улыбку, как у шута, и сосредотачиваюсь на предстоящей дороге. Я еду в машине с одним из самых крутых демонов в истории и вот я искренне переживаю о какой-то глупой кличке и пытаюсь произвести впечатление на него своим музыкальным вкусом.

Приоритеты, Иден.

— Мне нравится, — говорит он через несколько песен.

— Да? — Мое сердце спотыкаться в груди. Словно я смотрю на себя.

— Ага. Кто это?

— Logic. Я могу сделать тебе плейлист, если захочешь.

Он кивает, прежде чем его губы растягиваются в широкой ухмылке, обнажая белые зубы.

— Все в порядке? — мягко спрашиваю я.

Он снова кивает, но даже это телодвижение, кажется надуманным. Я открываю рот, чтобы узнать больше, но потом передумываю.

Момент упущен. Легкость, которая поселилась между нами, непринужденное подтрунивание — исчезли. Возможно, мне это всё привиделось.

После нескольких миль и множество минут, он, наконец, вздыхает.

— Я очень давно не слушал музыку.

Я поворачиваюсь к нему, но ничего не говорю, опасаясь, что его откровение предназначено вовсе не мне.

— Это очень напоминает мне... дом. Там всегда играла музыка.

Затаив дыхание, я мысленно представляю это — чужое место. Он помнит дом. Помнит небеса.

— Расскажи мне о нем, — тихо прошу я, действительно осознавая свое желание.

Черты постоянно напряженного лица Легиона, кажется, смягчаются. Он ослабляет хватку на руле. Даже его широкие плечи, кажутся, расслабленными, пока он вспоминает место, так не похожее на мой мрачный и разрушенный мир, и его тоже.

— Там вечно светит солнце, укачивающее в мягкой благодати. Никакой борьбы и нищеты. Нет войн, спровоцированных завистью или алчностью. Мы улыбались и танцевали. Мы свободно любили, бесконечно и беззастенчиво.

Потому что любовь — это не просто чувство. Это не розы и конфеты или другие материальные блага. Любовь — это то, чем мы являемся. То, чем я был.

Я боюсь произнести слово, даже дышать не осмеливаюсь. Я просто смотрю на Легиона,

желая прикоснуться к нему и утешить. Желая для себя чего-то похожего на любовь, о которой он говорит.

— Но это было давным-давно, — произносит он, его слова переполнены эмоциями.

— Как давно? — шепчу я.

— Задолго до создания. Задолго до появления человечества. В его голосе слышатся нотки многовековой мудрости, Ли говорит так, словно собственными глазами видел сотворение мира.

Осознание того, что я сейчас сижу с человеком — нет, с ангелом, ставшим демоном, который жил на этой земле задолго до появления человечества, обрушивается на меня, как тонна кирпичей. Как?

Как может кто-то или что-то, так долго оставаться молодым и энергичным? Какая небесная магия течет по его венам?

— Сколько тебе лет?

Он искоса смотрит на меня.

— Для меня не существует понятие "возраст". Я просто есть.

— Так ты не знаешь, когда именно был создан?

Он пожимает плечом.

— Землю создали около четырех с половиной миллиардов лет назад. Верю, что когда-то я- кем был когда-то — был рожден до этого.

У меня пересохло во рту, но я не отступаю.

— Значит, ты живешь миллиарды лет?

С ухмылкой на губах, он отрицательно качает головой.

— Когда ты ангел, время течет по-другому. Годы проходят, как дни. Недели — это всего лишь мгновение ока. Тогда у меня не было понятия времени. До тех пор, пока я не ушел.

— Тогда, когда... — знаю, мне не следует спрашивать, но я ничего не могу поделать с собой. Так много вопросов, на которые я хочу получить ответы. Словно я всю жизнь была парализована, а теперь вижу, слышу и чувствую все сразу. — Когда ты пал с Небес?

Его челюсть напрягается, и на лице появляется мрачное выражение, несмотря на обычный тон.

— Эту историю перенесем на другое время. Как на счет другого плейлиста?

Я делаю, как он просит, но не игнорирую гложущее чувство внутри, которое призывает узнать больше. Падение Легиона с Небес — эта история, которую он стойко избегает. И это возможно еще не самое важное.

— Категоричное нет.

Я трясу пакетом с мармеладом, покрытым сахаром перед лицом Легиона и изображаю лучшее из своих обидчивых выражений.

— Ой, да ладно. Кислые мармеладки основной продукт в Америке! И смотри — они фруктовые. То есть они входят в список "здоровой пищи".

— Они наштигованы красителями, добавками и сахаром. Зачем ты выбираешь этот яд из того, что можешь поместить внутрь своего тела?

Я моргаю при упоминании чего-то в моем теле и отворачиваюсь, прежде чем он увидит, как покраснели мои щеки.

— Тойол, скажи своему другу, что кислый мармелад совершенно невредный, и он должен перестать вести себя, как старый пердун и пожить немного.

У него практически челюсть упала на выцветший, покрытый микробами линолеум, когда посмотрел сначала на Ли, а потом на меня, на его экзотическом лице застыло выражение шока, смешанного с весельем.

— Хम्म...

— Клянусь, уже и так плохо, что он оспорил мой музыкальный выбор. Я должна подвергнуться вегетарианским чипсам и вяленому мясу индейки. Индейка и так чертовски сухая. Так почему бы ее не высушить еще больше?

— Нет, ну, в самом деле, она права, — пожимает плечами Тойол.

Скрестив руки на груди, отчего его черная рубашка плотно обтягивает бицепсы и плечи, Легион бросает на нас резкий взгляд.

— Уж лучше то, чем это токсичное дерьмо. И я не старый пердун.

Как только слова слетают с его губ, я захожусь в припадке смеха, и Тойол берет с меня пример.

— Серьезно, Ли, — хихикая он, хлопает огромного парня по плечу. — Поживи немного. Нас убьет точно не это.

Легион закатывает глаза, прежде чем бросить пакет с конфетами в корзину.

— Ладно. Что еще понадобится?

— Оооо! Вот эти! — верещу я, хватая пакет со сладкими булочками.

Легион вздыхает, но в этот раз не спорит со мной.

— Бросай их в эту чертову корзину.

Как только я возобновляю поиски перенасыщенной сахаром еды, то улавливаю краем глаза Феникса, задумывавшегося с нахмуренными бровями.

— Обновленная информация? — спрашивает Ли, читая выражение лица брата-демона. Он сухо кивает и наклоняет голову в сторону, подав сигнал следовать за ним. Ли передает корзину Тойолу и исчезает с Фениксом на улице.

— Все хорошо? — спрашиваю я, стараясь выглядеть беззаботно.

В его черных глубинах раскосых глаз мерцает озорной блеск.

— Нет ничего такого, с чем мы бы не справились.

— Они нормально добрались... — Домой. Я останавливаю себя, прежде чем

продолжить, — назад в Чикаго? Без вас, ребята?

— Ага. Теперь, когда ты ушла, они, наверное, с облегчением вздохнули.

— Почему это? — хмурюсь я, боль от обиды пронзает мою грудь.

Тойол смеется и качает головой.

— Притяжение Прыгуна. В замкнутом пространстве это реально раздражает. Представь, что это твое личное порно-шоу, которое преследует тебя повсюду, в течение двадцати четырех часов в сутки и семи дней в неделю. А теперь умножь это невыносимое влечение на десять. Вот что значит жить с тобой.

Я чувствую, как мое лицо краснеет, и быстро отворачиваюсь к прилавку, на котором стоят упаковки с медовыми орехами. Неосознанно я кидаю их в корзину, лишь бы чем-то занять руки.

— Оу. Мне жаль.

— Не твоя вина. Трудно тем, кто не дисциплинирован.

— Поэтому ты и Феникс поехали, а другие остались? — Я поворачиваюсь к нему в тот момент, когда он качает головой. — У меня есть связи с ковром. Феникс — лучший из нас всех дипломат. А Ли... ну, ты знаешь, какой он. Сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь оставит тебя.

Во рту пересыхает, а язык, словно свинцом накаченный.

Я проглатываю мысль о том, чтобы быть связанной с Легионом на... дерьмо. Несколько месяцев? Лет? Жизней? Я не могу рассчитывать на него, и не уверена, что хочу.

Нет, абсолютно, нет.

Как я могу приковать себя цепью к человеку — демону, — который презирает меня, и просто чувствует себя обязанным защитить меня из-за какой-то древней вражды?

— Эй, было бы здорово часть пути проехать с вами ребята в Рендж Ровере? — спрашиваю я. Обязательства Тойола передо мной несколько отличаются от обязательств Легиона, но по крайней мере он не притворяется милым, чтобы удовлетворить меня.

Или притворяется. Всё же... я не рассказываю свои грехи Тойолу. Я не сплю в его удобных, сильных объятиях, пока шепчу сладкие слова в темноте.

И я не прижимаюсь к нему, умоляя с рваным дыханием и бешеным сердцебиением почувствовать его твердое тело.

Задумавшись, он прищурился, глядя на меня. Но прежде чем он смог открыть рот, чтобы ответить грубый голос отвечает за него.

— Нет. Этого не будет.

Я разворачиваюсь и практически врезаюсь в твердую грудь Легиона.

— Почему нет?

Он качает головой и забирает корзину с фастфудом из рук Тойола, прежде чем отправиться к кассе. Вот и все ответы, которые я собиралась получить.

— Да что с ним? — усмехаюсь я за его спиной.

— Что? — хихикает Тойол. — Это он еще в хорошем настроении.

* * *

Пройдет еще несколько часов, прежде чем мы доберемся до Колорадо, а наше путешествие уже заработало твердую десятку. Солнце медленно садилось за горизонт, и я чувствовала себя грязной от поездки.

И Легион отказывается останавливаться на ночь в гостинице.

— Ты разве не устал? — ною я, ерзая на своем сидении. Хоть Ягуар — первоклассная машина снаружи и внутри, но мой зад затек примерно милю назад.

— Нет.

— Ну, а я да.

— Тогда спи.

— Как? Даже если я полностью опущу сиденье, то потом несколько дней шеей не поверну. Мне нужна кровать, подушка и душ. И что-нибудь поесть, кроме хот-догов на заправках и фруктовых напитков.

— Ты сама выбрала эту дрянь.

— Я знаю, но... — я веду себя, как ребенок — знаю. Но пронять Легиона это, как пробиться сквозь кирпичную стену. Нет, честно, я восхищаюсь его упорством. Но мне просто хочется, чтобы он немного уступил.

— Я не могу рисковать и останавливаться в незащищённом месте, — тихо говорит он.

— Даже если бы я не спал всю ночь и приглядывал за тобой, мы все равно могли бы попасть в ловушку. Я отказываюсь рисковать, когда речь идет о тебе.

Я смотрю на него, наблюдая как тени ласкают поразительные черты. А его глубоко посаженные глаза, кажется, светятся в лунном свете.

— Почему?

— Я уже говорил, Иден.

— Ага, и я слышала. Но... почему? Почему ты всё это делаешь для незнакомки? Я действительно этого стою? Ты бы сделал подобное для любого унылого человека, просящего милостыню на улице?

— Да.

— Так это твоя сторона. У тебя комплекс супергероя, и ты видишь во мне раненную птицу, которую необходимо исправить. — Я не могу удержать боль реальности, которая эхом отзывается в моем голосе.

— Нет, — отвечает он, качая головой. — Ты действительно этого стоишь.

Кислая нотка иррационального гнева обволакивает мой язык, и я отворачиваюсь, фокусируя мутный взгляд на безграничных открытых полях, окутанных сумерками.

— Понятно, — фыркаю я, дрожащим голосом. — Ты должен перестать говорить подобные вещи. Ты должен перестать заставлять меня верить, что я больше чем гость или оружие, или пешка. Потому что порой, я начинаю верить в это. И когда ты так говоришь, я забываю — даже, если и на секунду — что моя судьба скреплена слезами и кровью. Я забываю, что у меня нет будущего и цели в жизни. И в момент, когда я забываю, кем на самом деле являюсь, могу позволить себе снова мечтать.

Я не поворачиваюсь к нему, но чувствую Ли. Словно моей руки касается перо, но этого достаточно, чтобы сказать мне, что он услышал.

— Ты не должна забывать, — тихо произносит он. — Никогда не бойся, мечтать.

Я киваю, но все равно отказываюсь взглянуть на Легиона. Не хочу, чтобы он видела, как я плачу.

* * *

Уже, наверное, полночь, когда Легион легонечко трясет меня, чтобы я проснулась. Я,

должно быть, заснула, пока смотрела, как сумерки поглощают солнце, как мрак подкрадывается на бледно-желтые поля в конце осени. И, как я и ожидала, шея у меня задеревенела.

Я поднимаю голову и шурюсь от золотого свечения прожекторов с мягкими белыми мерцающими огоньками, пробивающиеся через дорогу.

— Где мы?

— В отеле. Он безопасный.

— Наконец-то. — С затекшими пальцами я вожусь с ручкой двери, но прежде чем я открываю ее, Легион уже, с другой стороны. Он машет служащим гостиницы и открывает мне дверь. — Спасибо, — улыбаясь, произношу я.

— Пожалуйста. Я возьму багаж.

Я стою на выложенной камнем дорожке перед ступеньками, ведущими в отель, и с трепетом смотрю на то, что находится передо мной. Через дорогу, окруженную очаровательной каменной дорогой, находится ухоженный сад с фантастическим фонтаном.

Освещенная подсветкой фонтана, вода орошала листву, эффективно помогая деревьям и кустарникам оставаться ярко-зелеными. Странно.

По дороге из Чикаго всё, что мы видели оранжевые, сухие листья и пожухлая трава, затронутая первыми признаками зимы. А здесь все кажется разрастающимся и цветущим.

— Готова? — спрашивает Легион, оставаясь стоять рядом со мной, хотя он не сводит взгляд с Тойола, который разговаривает с гигантом, одетым во всё чёрное. Человек просто огромный.

Выше, чем Легион и шире, чем Каин. Удивительно, как он смог влезть с таким массивным телом в дизайнерский черный костюм. Но я думаю, когда ты работаешь в таком месте, образ в первую очередь. Тем не менее, солнечные очки кажутся немного нелепыми.

Мы следуем за огромным консьержем через потрясающий вестибюль к стойке регистрации. Он что-то говорит приглушенным голосом Тойолу, прежде чем кивает в мою сторону и скрывается за дверью в нескольких футах.

Холодок ползет вверх по моей шее, а затем спускается по позвоночнику.

— Добрый вечер, меня зовут Доусон, — говорит бодро администратор, стоя за мраморной стойкой. — Я вижу, мистер Скотс зарезервировал четыре номера для вашей встречи, мистер...

— Ли. Зовите меня Ли, — отвечает Легион, его голос гладкий, как шелк. — И нам понадобится только два номера, спасибо.

Бедный Доусон окидывает взглядом каждого из нас, в его пронизательных зеленых глазах читаются невысказанные вопросы.

— Как пожелаете.

Он что-то печатает на компьютере, после чего отдает нам ключ-карточки и начинает речь о местах, которые мы можем посетить, которую я быстро блокирую. Знаю, не должна, но так много времени прошло.

Так много времени прошло с тех пор, как я протягивала свои ментальные руки и погружалась в другой человеческий разум. Это рискованно, учитывая, что он, также может оказаться сверхъестественным существом, но его манящая сила призывает меня, уговаривает протянуть руку и содрать тонкий барьер, окружающий его мысли.

Барьер гибкий, как мастика или пена, облепляет меня, как только я оказываю малейшее давление, всасывая мое намерение в его радушные руки, без всякого сопротивления я

проскальзываю, словно мужчина не ведает страха. Безопасный. Дружелюбный.

Намеки на безмятежный, синий океан и свежий хлопок — вот первые ощущения, которые затопляют меня. Но есть непонятная мне тьма, скрывающаяся в темном, заброшенном уголке, словно человек не осведомлен о ее присутствии.

Не злая тьма, а всепоглощающая, та, которая уничтожает свет лишь одним прикосновением.

Она не мертвая, но холодная и отрешенная. Тьма не принадлежит ему, но она привязалась к нему, так как будто завладела собственностью.

Я произношу слова, прежде чем тьма узнает, что я там. Не хочу, чтобы она привязалась и ко мне.

— Наши номера повышенной комфортабельности.

Доусон поднимает голову и ярко улыбается.

— Рад сообщить, что мы повысили уровень комфортабельности ваших номеров до эксклюзивного люкса. Бесплатно, конечно.

— Принесите еду и вина. — Голос звучит в непоколебимом тембре, такой непохожий на мой, впрочем, как и всё последнее время. Я практически не узнаю его. Я проглатываю вкус крови Доусона на языке.

— Мы пришлем карту сыров и вина с кухни. — Он скользит четырьмя ключами через датчик. — Надеюсь, вам понравится пребывание в отеле Бродмур.

* * *

Двери лифта, ведущего на верхние этажи, не успевают полностью закрыться, как Легион грубо хватает меня за локоть.

— Ты в своем уме? Мы не на своей территории. Колдун может рассмотреть твой поступок, как преступление.

Я пытаюсь выкрутиться, но это как из бетона выбираться.

— Я не причинила ему боли! Просто хотела посмотреть, могу ли я все еще это делать.

Он расцепляет руку, и практически вплотную встает ко мне, так что его жар от ярости щекочет мне нос.

— Ты не понимаешь? Это гораздо больше, чем ты и твои мелкие, человеческие желания. Иден, ты не можешь играть с волей людей.

— Я и не играю, — огрызаюсь я, не позволяя ему запугать меня, несмотря на то, что он прав. — Я всё ещё учусь, всё ещё пытаюсь уложить это в голове. Извини меня, что я не такой исправившейся грешник, как ты.

— Дело не в исправлении. Речь идет о совести. — Он качает головой и резко проводит рукой по спутавшимся волосам, и встает у противоположной стены лифта. — Если ты хочешь, чтобы я спас тебя, так начинай вести себя, как тот, кто достоин спасения.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он украл мои слова, украл мой голос. Он украл мой боевой запал.

— Я думаю, Ли пытается сказать... — встречается Феникс, ступая между Легионом и мной. Это один из немногих раз, когда он заговаривает со мной, после того, как его чуть не убили ангельским ядом.

Странно. Я думала, что он будет более любезен, может быть, даже благодарен. Если бы я не знала лучше, то могла бы предположить, что он избегает меня.

— Иден, мы понимаем, что люди по своей природе не совершенны, и мы не ждем, что ты станешь такой. Но чем больше ты опираешься на дела Дьявола и преднамеренно избегаешь пути праведного, тем легче Люциферу пролезть тебе в голову и влиять на тебя. Ангелы и демоны не могут повлиять на свободную волю людей, но ты можешь. И то, что ты делаешь, отличает тебя от нас.

К счастью звучит сигнал, и двери лифта открываются на нашем этаже, так что у меня нет шанса ответить. В любом случае, я не знаю, что сказать.

Я следую за Легионом, как нашкодивший щенок, хотя скрываю это от него. Высоко подняв голову, я вхожу в люкс. Феникс и Тойол занимают другой люкс по — соседству.

Как и на подъездной дорожке и вестибюле, комната утопает в роскоши, напоминающая французское дворянство 1700-х годов, пестрящая богатой бронзой, темно-красными и голубыми оттенками. Как по мне, это безвкусно и, если, судить по насмешкам Легиона это определенно не радует его пронизательные, серые глаза.

— Безвкусная хрень, — бубнит он себе под нос.

— Немного показушно, но все лучше, чем спать в машине. — Я растираю шею и разминаю плечи, съжившись от звука, который вызывает движение.

Легион делает шаг вперед и протягивает руку, но останавливается.

— Эм, ты ложись на кровати, а я на диване.

Выгнув брови, я смотрю на золотисто-голубой диванчик на ножках. На нем с трудом разместятся два человека, и один демон, если говорить о них.

— Ты уверен?

— Да. Иди, приведи себя в порядок. Завтра большой день. — Он бросает мне сумку и направляется в сторону мини-бара.

Я вижу, как он пристально смотрит на деревянную тележку, словно он прожигает взглядом крошечные бутылочки спиртного, стоящие там. Прежде чем отвести взгляд, на его лице отразились последствия столетних противостояний.

Бросив сумку, я иду к мини-бару и вытаскиваю маленькие бутылочки с водкой, виски и ромом, стоявшие в холодильнике. Я ставлю их наверх и поворачиваюсь к Легиону, скрестив руки на груди.

— Это не делает тебя плохим человеком, только потому, что ты этого хочешь. И это не отменяет всего того хорошего, что ты сделал — все то хорошее, которое еще сделаешь.

Я поднимаю сумку и направляюсь в ванную, желая смыть этот день с тела и вкус крови с языка.

Когда я выхожу в махровом халате из святилища пара и успокоения, то вижу в гостиной тележку с корзиной, вином и блюдом, закрытым металлической крышкой.

Легион сидит за небольшим круглым столом. И после пятнадцатичасовой поездки все, что он делает — чистит оружие.

— Душ свободен, — произношу я. — Ты должен поесть что-нибудь.

— Я в порядке, — бубнит он, его пальцы умело двигаются по оружию.

Яжимаю плечами и подхожу к нетронутой тележке. На блюде лежит множество разных сортов сыра, мясной нарезки и фруктов, идеально подходящих к бутылке красного вина.

Ничего не могу поделаться с собой, но у меня текут слюнки, поэтому я плюхаюсь на диван прямо напротив Легиона. Он даже не обращает на меня внимания.

— Если ты злишься, за то, что я сделала внизу, то мне жаль, — говорю я, тяжело дыша.

— Я не злюсь.

— Серьезно? Таким образом, ты не разговариваешь со мной, потому что ведешь себя как обычно беспечно в купе с жизнерадостным характером и нарциссизмом?

Он не отвечает, но уголок его рта дернулся.

— Серьезно, Ли. Я стараюсь. Ты не можешь изменить меня за одну ночь.

Он бросает обойму, и звук стали по дереву резко разносится в роскошном месте. Легион поднимает голову и смотрит на меня ледяным взглядом.

— Я не хочу изменить тебя, Иден. Я хочу, чтобы ты увидела, что в тебе скрыто гораздо больше, чем дают тебе твои способности. Ты можешь уничтожать лишь одним произнесенным словом. Вообрази только, что ты можешь творить. Представь, на что ты способна.

Я качаю головой. Он меня не знает. Он ничего не знает обо мне. Он прочитал какое-то дело обо мне и смотрел на меня глазами убийцы, выслеживающий добычу.

Он не знает про все эти годы, когда я старалась игнорировать голос в голове, или про все ночи, в которые я скорблю по тем, кого обидела. Он не знает, как тяжело мне было в мои самые сложные годы, когда я боролась с изоляцией и посттравматическим синдромом.

Он никогда не чувствовала вес одиночества, давящего на меня в полночь, от которого невозможно дышать.

Он видит во мне сломанную куклу. Проект. Миссию.

Он не видит меня.

— И ты знаешь как?

Бросив оружие, Легион встает предо мной. Его обескураживающее тело бросает на меня тень, полностью закрывая свет от ближайшей лампы от Тиффани.

— Я знаю это, потому что понимаю, что значит попасть во тьму. Я чувствовал её. И чувствую её каждый день. И гораздо легче подчиниться её очарованию.

— Да ты издеваешься надо мной, потому что, именно ты, не выглядишь так, словно можешь подчиниться кому или чему-либо.

Положив руки на подлокотники, он нависает надо мной, заключив в ловушку.

— Иден, я ежедневно подчиняюсь. Каждый миг, проведенный с тобой, каждый раз, когда ты спишь и прижимаешься щекой к моей груди, я подчиняюсь той стороне, которая для меня уже давно потеряна. И в те моменты я вспоминаю, кем был и что потерял. И я ненавижу себя за эти потери. — Он отталкивается от дивана и направляется туда, где наверху холодильника мини-бара в ряд стоят зловещие маленькие бутылки.

Он берет Виски и откручивает крышку.

— Я — Ад на Земле, Иден. Но это не значит, что я этого хочу.

Я смотрю, как у него сексуально двигается кадык, пока он пьет обжигающую жидкость, подняв глаза кверху. Забавно, как простое и естественное действие заставляет кости в моем теле расплавиться.

— Так вот почему ты хочешь, чтобы я стала лучше? — затаив дыхание, спрашиваю я. — Чтобы тебе было легче?

— Нет. — Он выбрасывает бутылку в рядом стоящее ведро и хватается за другую. — Я хочу, чтобы ты стала лучше для себя самой.

Я качаю головой и делаю очередной глоток вина.

— Я не верю.

— Тогда во что ты веришь?

Я делаю еще один глоток — глоток храбрости.

— Я верю, что все во мне ты презираешь и одновременно хочешь.

Улыбка промелькнула на его губах.

— Ты хочешь сказать, что я хочу тебя, хлопушка?

— Не знаю, Легион. А хочешь?

Тишина, ложится между нами и становится удушающей, когда он смотрит на меня с пустым выражением, за исключением яркого огня, пылающего в его глазах. От неловкости момента я сажусь поудобнее.

— Тебе стоит поспать, — наконец-то говорит он, отвернувшись в сторону.

— Тебе тоже.

— Посплю. Позже.

Я знаю, что это ложь. Однако я не совсем уверена, почему меня это беспокоит.

Я спокойно доедаю и, допивая вино, и возвращаюсь в спальню. Как и гостиная, комната в богатых цветах и роскошных тканях, но я так устала, что не могу оценить всего этого.

Я заползаю на самые мягкие в мире простыни и почти, прежде чем моя голова касается подушки, вырубаюсь.

В течение ночи аромат полночного жасмина и прикосновения мозолистых пальцев вторгаются в мои сны. Сны о прерывистых вздохах, жгучих поцелуях и неистовых прикосновений.

Сны о Легионе.

Утро настает слишком рано. И если бы я не знала, как трудно было завладеть вниманием колдуна, то я бы предпочла остаться в постели.

— А это? — спрашиваю я Легиона, после того, как, наконец, останавливаю свой выбор на простом черном платье с V-образным вырезом и балетках, усыпанных серебристыми и золотистыми колечками.

Так или иначе, Лилит положила мне в сумку три дополнительных платья, за каждое из которых я ей очень благодарна. После того, как Легион сообщил мне, что темный колдун редко, кого приглашает присоединиться к нему за завтраком и при этом, намекая на то, что он был из королевской семьи в потустороннем мире, меня обуяла тревога. Королевская семья? Черт.

Я недостойна Красного Лобстера.

— Итак?

Ли опалает меня взглядом с ног до головы, пока я собираю свои серебристые волосы в беспорядочный пучок, позволив нескольким завитым локонам обрамлять лицо.

Платье облегает, демонстрируя грудь и талию, а затем широкой юбкой до колен ниспадает на бедрах.

Греховно, но мило. Я уделила еще несколько минут макияжу глаз, сосредоточившись на густых ресницах, чтобы подчеркнуть темные тени на веках. А на губы просто нанесла розовый блеск.

— Ты выглядишь... — слово скользит по языку и падает с его полной нижней губы. — Очаровательно.

— Прекрати, — краснею я, пытаюсь сдержать улыбку, которая так и норовит растянуться по лицу. — Я чувствую себя неловко.

— Почему? — хмурится он.

— Не знаю, — пожимаю я плечами. — Меня называли горячей штучкой парни, с которыми я встречалась — конечно, если можно называть так грязные интрижки. Возможно, некоторые говорили, что сексуальна. Но точно не очаровательна.

— Может быть, ты встречалась не с теми парнями.

Его выражение лица каменное, но голос все такой же мягкий и приятный, словно прикосновение лепестка розы. Не зная, что и думать, я быстро меняю тему.

— Итак, эти ведьмы... колдуны... без разницы. Что они собой представляют?

Легион откидывается на спинку кресла бержер и вздыхает.

— Темные очень старая, чтущая традиции раса первородных ведьм. Их магия — один из двух видов, которые создал Творец при рождении твоего мира. Согласно библии, это была самая первая магия, за которой быстро последовал Свет.

— Да? Как это вообще возможно?

Легкая улыбка появляется на его губах.

— Вначале Бог сотворил Рай и Землю. Но земля была бесформенной и пустой, и тьма скрывала бездну. Божий Дух парил над водами. И тогда Господь сказал: "Да будет Свет" и так возник свет. И когда Бог увидел Свет, и то, как он прекрасен; Бог отделил свет от тьмы.

И назвал Бог свет — Днем, а тьму — Ночью. — При виде моего ошеломленного выражения лица, Ли шире улыбается, — Темные — хранители Ночи, в то время как Светлые — хранители Дня. Их история сложна и священна, но они черпают силы из стихий. Они — ветер, вода, дождь, снег. Их эмоции напрямую связаны с землей, а их способности несоизмеримы. Однако их сила распространяется только на этот мир. Они не могут ничего и никого контролировать, чье существование не связано с этим миром.

Я вижу смысл в его словах и киваю.

— Они не имеют власти над тобой.

— Да. Творец создал нас по своему подобию. Темные и Светлые были выведены из этого прототипа.

— Они могущественнее, чем ты?

Легион качает головой.

— Не обязательно. На земле я лишен части своих сил — также часть из них я утратил в тот момент, когда восстал против Люцифера. Но при нормальных обстоятельствах...

— Стой. У тебя есть силы? Что? Почему я не знаю об этом?

Он пожимает плечами, а в глазах плещется веселье.

— Ты никогда не спрашивала.

Святой ад.

Грубая сила, животные рефлексy, его нечеловеческая... я знала, что Легион демон, но я никогда не могла представить, что у него есть реальные способности. Даже не знаю в ужасе я или заинтригована. В ужасе. Определенно я в ужасе.

Прочитав вопросы, появившиеся на моем лице, Легион встает и пересекает комнату в четыре широких шага.

Я трясусь в туфлях с металлическими накладками, когда он останавливается передо мной, его пугающее присутствие заполняет полностью пространство между нами. От его движения я резко вздыхаю, но Ли нежно обхватывает мое лицо.

Большими пальцами мягко проводит по моим щекам.

— Ты не должна бояться меня, Иден. Я никогда не обижу тебя.

Я едва киваю, просто не зная, что делать или что сказать. Верю ли я ему? Я хочу. Но он уже обидел. Я видела ненависть в его глазах. Я чувствовала, как от его тела исходила ненависть, как она омывала меня, словно липкая, черная кровь.

Что остановит Ли от его обещания? Не задумываясь, вцепится в мою шею, когда устанет от моей неуклонной слабости?

— Хорошо, — шепчу я.

— Тебе нечего бояться, — произносит он, пристально смотря на меня и призывая поверить ему. Доверять ему, несмотря на то, кем он был. — Пока я жив на этой земле, я всегда буду защищать тебя.

Я хочу отойти, но в тоже время хочу остаться рядом с ним. Остаться здесь, чтобы он прикасался ко мне, чтобы он ласкал меня словами и обжигающими прикосновениями. Когда в моей жизни все так неоднозначно, я хочу, чтобы он стал одной из постоянных, за которую я могу держаться.

И это пугает меня.

Стук в дверь рассеивает чары, заставляя Легиона зашипеть сквозь стиснутые зубы, прежде чем он опускает руки. Моя кожа все еще горит в памяти от его прикосновения.

— Пора, — говорит он.

Я киваю, борясь с нервным состоянием, от которого все внутри переворачивается. Легион отходит от меня и открывает дверь.

— Время шоу, — слышу, как Тойол говорит позади меня.

Я делаю глубокий, успокаивающий вздох, чтобы унять подкатывающую от страха тошноту. Я не знаю, во что ввязываюсь. Ведьмы, колдуны... понятия не имею, чего ожидать. Они носят остроконечные шляпы и черные балахоны?

Они будут летать на метлах, собирать глаза жаб и куриные лапки, чтобы потом бросить их в котел? Черт, может быть это даже не отель. Может быть, это всего лишь иллюзия и мы в Хогрвартсе.

Серьезно, вся происходящая чертовщина, не кажется реальной.

Я качаю головой и поворачиваюсь, замечая, стоящих в дверном проеме, Феникса и Тойола, которые, как и Легион одеты в темные костюмы.

— Ну. Давайте покончим с этим.

— Очень мило, — замечает Тойол, выгнув брови.

— Да? Вероятнее мне придется переодеться перед матчем в Квидич? — фыркаю я.

— Он колдун, а не волшебник, Иден. — Его лицо становится серьезным, а раскосые глаза светятся от веселья.

— Есть разница?

— Да, — отвечает Легион. — И ты должна помнить об этом. — Его тон спокойный, но не холодный. В нем скрыто невысказанное предупреждение для меня, чтобы я придерживала при себе остроумие. Возможно, я была права, что нервничала, пока всматривалась в их каменные лица.

Мы отправляемся по длинному коридору к лифту, когда Феникс равняется со мной. К удивлению, но Легион оставляет меня.

— Уверен, ты задавалась вопросом, почему я не разговаривал с тобой после того, как ты меня спасла.

Я качаю головой.

— Да ерунда.

— Ошибаешься, Иден. То, что ты для меня сделала — для нас — настоящее чудо. После всего, что... ты выбрала оказать помощь. И за это я у тебя в долгу.

— Тогда почему ты избегаешь меня? — возмущаюсь я, а в голосе просачиваются нотки обиды. Феникс замечает это, и от стыда опускает глаза медового оттенка.

— Я горжусь моей сдержанностью, почти, что как Легион. Благодаря тебе, я смог оправиться от физической травмы, однако моя стойкость ослабла. Полагаю, другие сообщили тебе об эффекте твоего особенного положения и его воздействия на наш вид.

Очарование Прыгуна. Оно вызывает к их злорадству, соблазняя зверя внутри. Это то, что используют ангелы, чтобы заманить демонов и затем, в конечном счете, убить их.

Они почувствовали это в тот самый день, как только привели меня к себе домой. И с тех самых пор они борются с желанием насытить плотский аппетит.

— Сейчас я недостаточно силен, чтобы противостоять этому, — спокойно признается Феникс, отказываясь встречаться с моим удивленным взглядом. — И мне стыдно. Прошу, не бойся меня. Я никогда бы не сломался под этим. А если бы такое произошло... — он переводит золотистый взгляд на напряженную спину Легиона, который идет в нескольких метрах впереди нас. — Он забрал бы меня прежде, чем я бы смог прикоснуться к тебе.

— Забрал? — шепчу я.

— Есть причины, по которым его называют Убийцей Демонов. Он Собиратель падших душ. Для него это было бы достаточно легко.

И в это время Легион на долю секунды поворачивает голову, и я вижу, как крепко сжата его челюсть. Убийца Демонов? Собиратель Падших душ? Как я действительно могу узнать его, если все о Ли покрыто тайной и мифами? И, если честно, хочу ли я узнать его?

Мы подходим к лифту, прежде чем я успеваю подробнее расспросить. Легион отводит глаза в сторону. Я знаю, он слышал каждое сказанное, словно Фениксом и мной, и он это не отрицает.

И даже если бы он опроверг вышесказанное, то зачем тогда Фениксу лгать мне?

В тишине, в напряжении, которое как туман повисло в стальной коробке, которой мы спускаемся на первый этаж отеля.

Тойол ведет нас по коридору, расположенному рядом с вестибюлем, когда Феникс и Легион встают по обе стороны от меня, словно пытаясь защитить от любых посторонних глаз. Они смешны. Здесь меня никто не знает.

Всем плевать. И даже, если бы здесь была невидимая угроза, что они могли сделать, чтобы избежать ее?

Разве только, я невидимая угроза. Если они не защищают меня от других, значит, они защищают других от меня.

Я качаю головой, отчаянно пытаюсь не дать ужасным мыслям засесть и захватить меня. Легион говорил, что я гораздо больше, чем я позволила себе стать. Я должна верить в это. Потому что, если не буду...

То я сдамся, и меня Призовут прямо здесь и сейчас.

Мы подходим к большим резным дверям, цвета слоновой кости с золотыми ручками, напоминающие разбивающиеся волны. Они странные, но красивые, как и все в этом отеле. Элегантные, величественные и уникальные. И я совершенно не вписываюсь в это место.

Мы входим в конференц-зал и видим, что там никого нет. Длинный стол из красного дерева заставлен мясными нарезками, фруктами, сладостями и сырами, а также посередине стоят вино и чай.

Тойол уводит нас подальше от двери. Таким образом, у нас будет полный вид того, кто или что войдет в комнату.

Небольшое преимущество, учитывая, что мы в самом эпицентре смертоносного шабаша на земле, по данным Легиона. Я считаю, что для них это означает — полное отчаяние.

Здесь есть то, что они не сказали мне, чтобы держать в неведение или, чтобы защитить мое хрупкое человеческое сердце. Я чувствую на языке вкус презрения.

Я устала быть слабой. Не хочу выступать в качестве слабой девицы. Никогда не могла играть эту роль и сейчас не планирую.

Я чувствую, как Легион застывает в кресле, которое стоит рядом с моим, и следую за его взглядом в сторону входа. Двери плавным скользящим движением открываются, словно их толкнул порыв морского ветра.

И у меня перехватывает дыхание.

Все шестеро, одетые в дорогие одежды, выглядят просто превосходно: две женщины, обе молодые и эффектные, и четверо мужчин: вчерашний огромный служащий, сногшибательный блондин, способный заткнуть за пояс Андруса, необычный красавчик с кожей цвета латте, и еще, несомненно, красивейший мужчина, которого я когда-либо встречала.

Он ведет под руку одну из женщин — с мягкими каштановыми волосами, достигающими почти ей до пояса и самыми удивительными глазами — и сверлит своим ледяным взглядом меня и моих наемных убийц.

Остальные шагают в ногу с ним, словно это шествие было с режиссировано. Когда они занимают их места напротив нас, двери сами закрываются. По крайней мере, мне так показалось.

Словно крошечные, ледяные иголки впиваются мне в спину. Мы сидим в присутствии огромной силы. Я чувствую это.

— Добро пожаловать в мой отель. Надеюсь, вы нашли ваши номера... удобными, — ровным голосом произносит колдун с намеком на улыбку на лице. Он словно знает, что я сделала с его портье, и он хочет, чтобы я знала, что он в курсе. И сожалела об этом.

— Мы ценим ваше гостеприимство, Ваше Величество, — слегка склонив голову, говорит Тойол.

Ваше Величество?

Легион говорил мне, что мы идем на прием к Темным из королевской семьи, но он ничего не упоминал о короле. Я крепче сжимаю ручку кресло, чтобы не убежать.

— Пожалуйста, — говорит король, отмахиваясь рукой, — Зовите меня — Дориан.

Дориан. Темного Короля зовут Дориан. Это кажется таким не справедливым. Он обладает самой могущественной темной силой в мире, он невероятно красив и его зовут Дориан?

— Это моя королева — Габриэлла — добавляет он, глядя на молодую женщину рядом с ним. Он сжимает ее руку и подносит к губам, чтобы оставить поцелуй на ее пальцах

Проходит несколько секунд, прежде чем он отводит любящий взгляд от нее к мужчине справа, чья кожа оттенка сливочного ириса.

У него такие же синие глаза.

— Мой советник и тесть, Александр. И Светлый посол — Ларс, — говорит он, кивая на высокого светловолосого мужчину, прежде чем машет в сторону другого советника, который сидит рядом с королевой. — Я полагаю, вы знакомы с Сайрусом, моим кузеном. А эта милая леди — Морган.

Я смотрю в глаза каждого и киваю, как вдруг шоколадное пирожное поднимается с подноса между нами. Я взвизгиваю, прежде чем могу остановить себя, от чего Легион грубо сжимает меня за бедро в тревоге. Детское хихиканье раздается после этого, и я снова взвизгиваю.

— Николай Кристофер, достаточно, — мягко предупреждает королева. И прямо перед моими глазами, в середине стола появляется маленький мальчик, которому не дашь больше трех лет, который держит в руке шоколадное пирожное.

— Ой, мама. Мне его нельзя? — Пухленький малыш стремглав бросается к краю стола, где сидит его мама, черные блестящие кудряшки подпрыгивают вокруг его красивого личика. У мальчика глаза отца, и молочная кожа матери.

Розовые, пухлые щечки, густые темные ресницы и постоянно надутые губки. Возможно он самый симпатичный ребенок, которого я когда-либо видела.

— Нет, только после обеда, — воркует со своеобразными глазами королева, усаживая сына себе на колени.

Она нежно улыбается маленькому ангелу, ее взгляд переполнен любовью и обожанием, я буквально чувствую, как эти чувства излучает ее миниатюрное тело, окрашивая их в цвет

розы и лаванды.

От неловкого момента у меня внутри все переворачивается. На меня никогда так не смотрели. И я знаю, что никогда не буду в положении королевы — не буду мамой.

Любить и быть любимой так неосмотрительно, так абсолютно... я даже не знаю с чего начать.

— Прошу, извинить моего сына, — говорит Дориан. Он наклоняется и легко трепет мальчика за его пухлые щечки, вызывая при этом у того бурный смех.

— Папа, я хочу сидеть с дедулей! — визжит маленький Нико, ерзая на коленях у матери.

Дориан с легкостью поднимает его, и передают тестю, Александр целует внука в лоб. Гордый дед взъерошивает кудряшки Нико, прежде чем малыш начинает прыгать на коленях у бабушки.

— Извините, — говорит Дориан, слегка склонив голову. — Пожалуйста... — Он машет рукой в нашу сторону, чтобы дать нам слово. — Что привело вас в Колорадо-Спрингс?

Откашлявшись, первым начинает Тойол.

— Ваше Величество — Дориан — как уже объяснил ваш кузен, Сайрус, мы представляем Се7мерку.

— Ах, да. Се7мерка, — задумчиво произносит Дориан, его синие глаза становятся практически прозрачными, и выглядит это ошеломительно на фоне черных волос. Дориан наклоняется вперед, переплетая изящные пальцы под подбородком.

— Демоны, убивающие во имя искупления. Грешники, ищущие спасения. Слышал о вас — все вы бесчувственные звери и безжалостные убийцы. Ходят слухи, что вы охотитесь на людей, которых ваш хозяин... заразил.

— Более или менее, да, — кивает Тойол.

— И вы не чувствуете... раскаяния? За убийства невинных? За то, что не смогли уберечь человеческую жизнь?

Тойол открывает рот, чтобы ответить, но смотрит на Феникса, который быстро перехватывает инициативу.

— Наша цель — сохранить бесчисленное количество человеческих жизней, перехватив неминуемую угрозу их выживанию. Их мир постоянно подвергается разрушению — террористические атаки, массовые расстрелы. Инциденты, которые мы можем избежать, выведя при этом лишь одного преступника.

— Прежде, чем они действительно станут преступниками. Прежде, чем они совершат какие-либо настоящие преступления против человечества. — Король выгибает одну бровь, побуждая его продолжать.

Я чувствую огненный взрыв тепла рядом с собой, где сидит Легион, его пальцы белеют, от того как он сжимает ручки кресла, его челюсть пульсирует. "Не говори ни слова". Мысленно я умоляю. "Просто позволь Фениксу со всем разобраться".

— Это немного сложнее. В течение нескольких недель-месяцев исследований и изучений, мы ищем признаки Призыва. Ничто не делается без причины. Мы не нападаем, если в этом нет необходимости.

— А эта девушка, — кивает на меня Дориан, — ваша следующая жертва?

Я тяжело сглатываю, когда пронзительный, ледяной взгляд останавливается на мне. "Жертва". С его губ это слетает, как акт насилия.

— Да, Иден предназначено стать Призванной. Но наша цель заключается в том, чтобы пощадить ее и пощадить ангела, который заключен в её теле. — Кажется, это привлекает

внимание короля, и он наклоняется вперед еще немного.

Феникс продолжает.

— Когда Иден была маленькой, с ней произошел ужасный инцидент, который едва не унес ее жизнь. Падший ангел, ищущий искупления, прыгнул в ее тело, но не смог полностью взять под контроль ее душу.

— Потому что она уже была заражена, — с интересом говорит королева, увлеченная рассказом.

— Именно. Из-за способностей ангела, Иден обладает уникальным даром — подчинять себе волю людей. И если, ее Призовут, то она может легко стать самым смертельным оружием Люцифера.

— Это как? — задумчиво спрашивает Дориан. — Каким образом?

Феникс смотрит на меня, прежде чем отвечает:

— Если Иден Призовут, то она с легкостью может сказать любому человеку, находящемуся рядом прыгнуть с моста. Или сказать пилоту, чтобы тот разбил самолет. Если Иден Призовут, прежде чем мы сможем остановить ее, она может пойти к кому-нибудь домой и убить всю семью, а после покончить с собой.

Я и слова не произношу в протест, но грудь разрывается от желания закричать. Словно они говорят о ком-то другом. О ком-то расчетливом и злом.

О ком-то, кто не провел всю свою жизнь рядом с одним человеком, который любил ее, не смотря на ее шрамы, внутри и снаружи.

Король смотрит на любимую женщину и между ними происходит негласный разговор. А затем он переводит суровый взгляд на меня.

— Покажи мне.

— Это работает лишь на людях, — удается мне сказать, едва ли не шепотом.

— Морган человек. Возможно, она не откажется от демонстрации?

Я поворачиваюсь к женщине с оттенком кожи кофе-мокко, сидящей рядом с королевой. Она, так же, как и я не проявляет энтузиазма, а ее карие глаза расширяются в неверии.

Может ли это быть уловкой? Темный король соблазняет приманкой, лишь бы загнать в ловушку?

— Прошу не навреди ей. Боюсь моя жена и сын плохо к этому отнесутся, не говоря уже про Ларса. Что-то простое — покажи ту великую силу, о которой так остро отзывается твой друг. Ты ведь не возражаешь?

Он бросает слова, как вызов. Словно Дориан не может поверить, что любая малейшая смертная сила может стать угрозой. Я принимаю вызов, позволяя его снисходительности подстегивать меня.

Я глубоко вдыхаю, впитывая ее аромат корицы, кардамона и трав. Это не аромат ее кожи, а запах ее мыслей, словно они въелись в воспоминания.

Я погружаюсь глубже, пробуя на вкус ее воспоминания, скользя вдоль лобной доли, словно масло. Морган смотрит на меня с ошеломленной тревогой, но она не в состоянии сопротивляться.

Она ощущает меня, как я краду ее мысли, ее чувства, ломаю ее волю. Она пытается оттолкнуть меня, но это бесполезно. Я захватываю ее разум.

— Встань.

С недоумением на лице, она безоговорочно встает.

— Возьми шоколадное пирожное.

Морган делает так, как было велено, наклоняется к тарелке со сладостями и берет пирожное.

— А теперь отдай его Николаю.

Ее ноги двигаются так, словно они не подчиняются телу — резко и скоординировано, словно она борется с каждым шагом. Несмотря на ее железную волю, но перед моим внушением она беспомощна.

Аромат магии, который течет по ее крови, обволакивает мой язык.

Морган предлагает пирожное непоседливому малышу, который визжит и хлопает в ладошки, радуясь одновременно шоу и угощению. Я ослабляю невидимые когти, вытесняя себя из сознания Морган. Чувствуя, что я покинула ее, Морган громко выдыхает.

— Что ты сделала со мной? — хмурится она, быстро занимая свое место.

— Извини. — Мне кажется это подходящее слово, хотя у меня был такой же контроль над этой шарадой, как и у нее.

— Что ты сделала? — требует она.

Я обхватываю себя руками, чувствуя себя незащищенной и грязной. Не знаю, что я делала и как делала. Никогда не понимала, как это работает. Я просто знаю, что могу заставить людей делать так, как я скажу, независимо от того, насколько эгоистичная или безнравственная просьба.

— У тебя весьма интересный дар, девочка, — замечает король.

Девочка? Он не может быть старше меня, чем на несколько лет. Никто из них не может. Что действительно жутко, учитывая, что отец Габриэллы не выглядит старше тридцати.

— Спасибо. — Это кажется неуместным, но я не знаю, что еще сказать.

— Однако это дела ангелов и демонов. Почему мой род должен участвовать в чем-то, в чем мы не заинтересованы? — Дориан откидывается на спинку стула с категоричным видом.

— При всем моем уважении, Ваше Величество, — по глупости я заговариваю, не соглашаясь с его отказом. Это не похоже на меня — девушку, которая пыталась оставаться незамеченной большую часть жизни, но если и пришло время, выйти из своей скорлупы и набраться смелости, то, как раз сейчас. — Вы, наверное, больше нас заинтересованы в этом. Вы живете в мире людей. Вы сидите рядом с ними, работаете с ними, дружите. Если человечество прекратит свое существование, разве это не будет означать, что вы потерпели неудачу? Что вы не состоялись, как справедливый и достойный правитель?

Он молча обдумывает мои слова, сидит так тихо, что, кажется, перестал дышать. Это похоже на то, когда ждешь нападения хищника.

Тихая злоба, кажется, тянется к нему, когда гнев несется на волнах насилия.

Я задерживаю дыхание в ожидании нападения, и когда он наклоняется вперед, Легион делает то же самое. Но прежде чем он успевает открыть его идеальный рот, королева поднимает руку и все кругом...

Останавливается.

Нет больше беспокойного ерзания и тревожных вздохов.

Нет больше звуков чавканья и лизания, пока малыш Нико ел шоколадный пончик.

В один удар сердца все застыли в стеклянные живые статуи.

Все кроме меня. И её

— Не бойся, — мягко говорит она.

— Мне просто стало скучно от этой дискуссии. Клянусь, я так устала от политики. А Дориан обещал, что во время семейного отдыха не будет никаких дел, но... — она пожимает

плечами, выглядя все больше, как обычная девушка. — Долг зовет. Однако у него свои методы, а у меня свои.

— Как ты...? — сглатываю я, пытаюсь собраться с мыслями и составить предложение. — Как ты это сделала? Заморозила всех?

— Очень просто. Хотя после Вознесения, мне потребовалась некоторое время, чтобы научиться пользоваться этой силой. Поначалу у меня выходило только в момент сильного стресса, когда я паниковала. А затем самым трудным испытанием было вернуть их обратно в движение. — Хихикает она, словно разговаривает с закадычной подругой. Я смотрю на нее, с широко раскрытыми глазами, задумавшись, вдруг я что упустила. — Ты должна простить моего мужа. Он обычно не такой резкий в общении. К слову. Ты замужем? Есть парень?

— Нет, — честно отвечаю я.

— О. Ну, я думаю, учитывая все обстоятельства, это хорошая новость.

Я останавливаю взгляд на застывшем теле Легиона, который все еще балансирует на грани нетерпения и ярости. Если бы у меня когда-нибудь была возможность, в другой жизни, в другое время, возможно он стал бы тем, кого я бы выбрала, или тем кто, я надеюсь, выбрал бы меня.

Кто-то сильный и бесстрашный. Кто-то теплый на ощупь и от чьего бы голоса мои внутренности таяли. Самоотверженный, но требовательный.

Красивый, но мужественный. В идеальном мире, я бы не была орудием зла, а он не был бы демоном-убийцей, ищущем покаяния. Я не была бы его миссией или обязательством. А он не был бы моим похитителем или телохранителем. Он просто был бы... моим.

Возможно.

Со следующим вдохом, я чуть не падаю со стула.

Королева. Габриэлла, стоит прямо передо мной, как-то преодолев в мгновение ока добрых шесть футов. Но, я совсем ее не заметила. Словно она была на одном месте, потом на другом, рассеиваясь и принимая форму прямо перед моими глазами. Я сжимаю губы, чтобы сдержать панику, рвущуюся наружу.

— Извини. Просто для меня так проще и быстрее, — смущенно улыбается Габриэлла. — Пойдем. Давай прогуляемся. Я хочу поговорить с тобой.

Я смотрю на демонов вокруг меня, неподвижных и совершенно не обращающих внимания.

А может они и не такие. Может, все слышат, что происходит сейчас и не в состоянии вырваться из её чар.

— Я думала, что, такие как ты, не имеют власти над демонами.

— Не имеют, — она пожимает плечами. — В большинстве своем случае. — Она протягивает руку мне. — Я расскажу тебе все об этом.

С тихой молитвой на губах, я протягиваю трясущуюся ладонь и сжимаю руку королевы. Она могла бы заставить меня, но она дает мне право выбора. Королева хочет, чтобы я ей доверяла. И как бы глупо это не звучало, но я доверю ей.

Несмотря на гложущее чувство, я следую за ней из конференц-зала, когда должна была оставаться на месте. Но мне любопытна Габриэлла и ее силы.

И если провести с ней наедине немного времени, значит получить информацию и пролить свет на то, как она может контролировать демонов, то я сделаю все, что только она попросит. Я буду полезна, а не буду играть роль жертвы.

— Несколько лет назад, я была похожа на тебя, — отмечает она, приводя нас к стеклянной двери. Как только мы покидаем роскошные стены отеля и ступаем на каменную дорожку, как весенняя пора оживает изумрудными оттенками и жимолостью.

Воздух свежий, но почему-то не холодный — ничего подобного я не ожидала в конце осени. Рассматривая заснеженные горы, возвышающиеся справа от меня, можно с уверенностью сказать, что магия ответственна за климат.

— Ты? Чем?

— Я была человеком. По крайней мере, я думала, что была им. Дерзкой, нахальной, иногда безрассудной. Нет... я все время вела себя безрассудно, — весело отвечает она. Она поднимает голову к небу, позволяя солнцу золотом мерцать на ее нежном лице.

— Мне пришлось учиться и быстро повзрослеть, чем другим. Не только мне пришлось, но и им — моей семье.

— Вот почему ты можешь контролировать их? — Мне не обязательно уточнять, о ком идет речь.

Пожилая пара прогуливается по дорожке из гравия, держась за руки, наслаждаясь великолепием сада на курорте. Габриэлла улыбается и приветствует их по имени, когда они проходят, прежде чем ответить мне.

— Что я... отличаюсь от супруга. Я — полукровка и моя магия проявляется по-другому.

— И... твои глаза? — смущенно замечаю я. Она может выглядеть моего возраста, но я хорошо знаю, что не следует верить тому, что видишь.

Она поворачивается и улыбается, и ее необычные глаза — укравшие часть луны и солнца — ярко блестят, словно алмазы.

— Я одновременно и Свет, и Тьма, так что моя магия не только уникальна, но и является загадкой для большинства из сверхъестественного мира. Некоторые считают, что моя магия самая сильнейшая на Земле.

— А это так?

Она кривит губы в полуулыбке, давая мне ответ, который я жду.

— Знаешь, ты здесь, чтобы увидеть меня. Не моего мужа. То, что ищут твои друзья, могу дать только я. Поэтому мой муж вел себя, как королевская задница. Но меня интересует, Иден... что ты ищешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Что ты хочешь? Для тебя все это, наверное, огромные перемены, а твои друзья не похожи на тех, кто идут на компромиссы. Ты для себя именно это выбирала? Быть под их защитой, пока не наступит время убить тебя? Быть домашним питомцем, сувениром? Или же уверенной, сильной женщиной, которой, я знаю, ты можешь быть?

Её слова, кажется, эхом отзываются в моем одурманенном разуме, пока мы идем по каменной дорожке, обрамляющей озеро, столь прозрачное и яркое, что поверхность его похожа на покрытое рябью гладкое морское стекло.

Многие прохожие машут и одаривают теплыми улыбками, которые Габриэлла с радостью возвращает. Не слишком восторженно, словно она устраивает представление. Но по пути она говорит, что счастлива, быть живой. Что каждый день, каждый вдох — это дар.

Иметь чувство внутреннего покоя, чувствовать себя в безопасности и уверена в ее месте... я ей завидую. Не потому что, у нее есть идеальный на вид муж и ребенок.

Не потому что она купается в роскоши, одета в стильные одежды или обладает неизмеримой силой. Я завидую, потому что она точно знает, кто она и не страшится этого.

— Когда я была моложе, то хотела нормальной жизни. Хотела того, чего ожидают от матерей — любви, уюта, безопасности. Ей не обязательно было быть идеальной в этом. Я просто хотела, чтобы она попробовала. Думаю, во многих отношениях я искала именно это, даже когда уже была настроена на провал. Даже когда знала, что все это для меня за гранью возможного. Семерка подарила мне спокойствие, которого я никогда не знала. И безопасность — время от времени разочаровывающую. Думаю, я — самый безопасный будущий серийный убийца в истории.

— А что насчет любви?

Я качаю головой и наигранно улыбаюсь.

— Знаешь, как говорят «лицо, полюбить которое, смогла бы только мать родная»? Ну... у меня была душа, которую мама могла любить. Но даже она не смогла. И я не жду, что кто-нибудь возьмет на себя это бремя.

Габриэлла останавливается и так быстро поворачивается, что я не заметила движения.

— Ты действительно так думаешь?

— А почему бы нет? — пожимаю я плечами.

— А как насчет остальных членов твоей семьи?

Я отворачиваюсь, не желая, чтобы королева увидела тень воспоминаний в моих глазах.

— У меня есть сестра — была сестра.

— И что с ней случилось?

— Я сказала ей, что мне нужно пространство и побыть одной. А затем я заблокировала ее номер.

— Почему? — Ее хриплый голос такой тихий, словно падающие листья на землю.

— Потому что это то, что я делаю — отталкиваю людей, прежде чем они смогут выяснить, что я испорченная. Прежде чем увидят меня настоящую. Она привыкла к тому, что я исчезаю, и она достаточно дает мне времени, чтобы перестать жалеть саму себя. Но если честно, это все из-за того, что я считаю себя недостойной её. Никогда не была. Она единственный хороший человек в моей жизни, начиная с детства. И я ненавижу себя за то, что не могу быть такой же для нее. Она не нуждалась во мне — никогда. Теперь она может перестать беспокоиться и чувствовать, что обязана, заботиться обо мне. Теперь она может выйти замуж и нарожать детей, не задаваясь вопросом, справлюсь ли я когда-нибудь со своим дерьмом или встречу ли хорошего парня. Отрезать ее от себя — мой последний подарок для сестры.

Она хмуро смотрит на меня с недоумением, от чего между ее разноцветными глазами появляется морщинка от неверия и может быть немного жалости.

— Ты чувствуешь вину.

Ничего не могу с собой поделать, я нехотя, киваю.

— Не думаешь, что ты заслуживаешь прощения... что ты достойна любви.

Я снова киваю, когда на глаза наворачиваются слезы.

Молодая королева протягивает руку, чтобы прикоснуться к основанию моей шеи. Ее рука теплая, но сквозь ее пальцы просачивается успокаивающий холод, который разливается глубоко внутри в моей груди.

Я не двигаюсь, не то, чтобы мне и хотелось. Словно пакет льда приложили на мое разбитое, заржавевшее сердце. Это не сможет починить, то, что уже давно сломано, но это не так уж и больно.

— Иден, ты не можешь спастись. Я вижу это в тебе, прямо сейчас. Я вижу это в тех

демонах, которые поклялись защищать тебя ценой своей жизни. И я вижу это на пути...

Она останавливает себя и качает головой.

— Скоро все быстро раскроется. Тебе просто нужно поверить, что ты достойна спасения, несмотря на то, что ты сделала. Несмотря на кусок твоего прошлого, которое все еще душит тебя в самые темные дни и преследует в кошмарах.

— Как ты можешь быть так уверена? — шепчу я сквозь ком эмоций в горле.

— Потому что я там была. — Натянутая улыбка появляется на ее полных губах. — Я знаю, на что это похоже быть потерянной и напуганной. Сейчас, ты, наверное, думаешь, что не в силах остановить неизбежное. Возможно, у тебя получится, а может, ты ничего не сможешь сделать, чтобы изменить свою судьбу. Но в этом и прелесть быть человеком. Ты можешь меняться — развиваться. Ты можешь стать чем-то большим, чем тебя воспитали.

Она делает шаг назад, забрав прохладную, исцеляющую связь. Я ощущаю отголоски силы в своих жилах.

— Пойдем. А то они начнут беспокоиться.

Она протягивает руку, чтобы взять мою и в тот момент, как моя кожа касается ее, место начинает крутиться и исчезает, проявляя четыре стены и девять застывших лиц, запертых во времени.

Мы вернулись в конференц-зал.

Со случайным махом руки время плавно оживает, словно не было двадцатиминутного разрыва между тем, как я бросаю вызов королю в его собственном доме и появившейся из ниоткуда королевы.

Осознав, что я не рядом с ним, Легион вскакивает с места, словно пылает в огне, а его громоздкое тело практически дрожит от не нашедшей выхода ярости. Феникс тоже на случай, если вдруг придется действовать в качестве буфера.

— Я в порядке, — настаиваю я, прежде чем будут произнесены слова, которые могут поставить под угрозу наше пребывание. — Габриэлла и я просто разговаривали.

— О? — отмечает Дориан, гораздо спокойнее, чем демон, стоящим перед ним. — И что моя любимая жена сказала?

— Девчачьи разговоры, — игриво подмигивает она ему в ответ. Однако от того, как они смотрят друг на друга — негласно общаясь — король кивает. Их интимный момент меня заставляет опустить глаза и, воспользовавшись моментом, я возвращаюсь на мое место.

Немного успокоившись, Легион садится. А Габриэлла занимает место подле мужа.

— Хорошо. Итак, обсудим наши условия?

— Условия? — грубо переспрашивает Легион. Легион впервые говорит, с того момента, как мы вошли в эту комнату. Я даже не могу представить, что Легион бросает вызов Темному Королю. Они, наверное, стерли бы с лица земли весь курорт.

— Вы здесь только, потому, что мой кузен поручился за вас. Возможно, вы все работали с моим братом до его кончины, и надеетесь, что я мог бы оказать вам подобную помощь, верно? И если я знаю своего брата — а я знаю — уверен, что он не предоставлял свои услуги без какого-либо взаимного обмена.

— Да, — отвечает Тойол, прежде чем бросить суровый взгляд на Легиона. — И примите мои глубочайшие соболезнования. Николай был хорошим человеком. Его очень не хватает.

— Да, — голос Дориана звучит резче, словно его язык окунули в яд. Даже глаза кажутся ярче, холоднее. Память о брате его не только печалит... но и злит.

— Вот почему вы поможете мне найти его, чтобы я смог его вернуть.

— Что? — Тойол смотрит на Феникса, а затем переводит взгляд на Легиона.

— Я хочу, чтобы вы нашли его. Таким образом, мы сделаем все остальное. То есть, конечно, если вы хотите помочь девушке.

— Но мы не можем, — высоким голосом отвечает Феникс, качая головой. — У нас нет такой власти.

— Нет. У вас нет. Но у него есть. — Ледяной взгляд Короля останавливается на Легионе с неумолимой уверенностью. — Легион — Собиратель падших душ. Как только ты появился в городе, я сразу понял кто ты. Много времени прошло, да?

— Безусловно, — голос Легиона столь же пугающий, а в его серебристых глазах кружит собственный мистический огонь.

— Если мне не изменяет память, ты в состоянии отыскать убитую душу, которая не получила милость Божества. Я хочу, чтобы ты нашел моего брата.

— А с чего ты решил, что я могу все еще это сделать? И почему ты так уверен, что он не получил милость его Божества?

Король злобно улыбается и стучит пальцами по подбородку.

— Мой брат был отличным Темным. Я не наивен, чтобы верить, что Нико был святым. Таковы мои условия — соглашаешься найти его и наша магия в вашем распоряжении.

Легион опускается обратно в кресло, желваки ходят на его челюсти от напряжения. Феникс вскакивает, пока все молчат.

— Ваше Величество, простите меня, но Легион не может исполнить ваше требование. Единственный способ вернуть эту силу вернуться в преисподнюю.

И чтобы сделать это, ему придется умереть на земле. А когда мы умираем... Вы понимаете, насколько это будет трудно.

— Я сделаю это.

— Что? — кричу я в недоумении. — Ты не можешь! Нет! Я не позволю тебе.

— Мы пришли к соглашению, — повторяет он, игнорируя мои мольбы, а также возражение со стороны друзей. Он встает и протягивает руку Дориану. — Я найду твоего брата. При условии, что ты поможешь Иден.

Темный король встает, его движения текучие, словно вода и он пожимает руку демону-убийце.

— Устроим. Сегодня. За ужином. Мы вам сообщим.

Затем в один, неровный удар моего разбитого человеческого сердца они исчезают.

Когда Дориан сказал, что сообщит, я должна была догадаться, что легко не будет.

Мы вчетвером находимся в нашем номере и спорим с кирпичной стеной, известной, как Легион, о его бестолковом соглашении пойти на самоубийство и найти покойного брата короля, Николая Скотоса.

Конечно же, Ли не слышит ничего, кроме звука собственного голоса, повторяющего постоянно его глупые рассуждения. Его жизнь — слишком высокая цена, чтобы заплатить за меня, невзирая на последствия.

Я того не стою, и каждый раз, когда пытаюсь сказать ему об этом, он меня игнорирует.

— Мы найдем другой путь, — умоляю я. — Ты даже не знаешь, будет ли полезна информация, которую они предоставят. Ты можешь пожертвовать своей жизнью просто так.

— Послушай её, — призывает Тойол, — Откуда нам знать, что мы можем остановить Призыв? Раньше никогда такого не происходило.

Легион, даже не потрудился посмотреть на нас. Он просто продолжает чистить оружие, хотя оно с ночи все безупречно вычищено.

— Тогда пришло время узнать. Я не для того посвятил жизнь Се7мерке, чтобы при первых трудностях, бежать от них. Я сказал, что защищу тебя, значит, я это сделаю. Или умру, пытаясь защитить.

Разочарование пронизывает мой голос, и я подхожу так близко, что ощущаю жар, исходящий от его могучего тела.

— Но нет никакой гарантии, что ты сможешь, Ли. И я не хочу, чтобы ты махнул рукой на все, над чем так упорно трудился — боролся — ткнув пальцем в небо. Прошу. — Рискнув и подойдя еще ближе, я осторожно опускаю руку ему на плечо.

Сначала Ли вздрагивает от моего вторжения, но прежде чем я успеваю отстраниться, он кладет руку на мою и удерживает.

Не знаю, что это, возможно ощущение кожи к коже или просто эмоции из-за пережитого дня, но я слышу, как, признаюсь.

— Я не боюсь, Ли. Я не боюсь умереть.

Его голос тихий и с оттенком скрытой печали.

— Ты готова отказаться от себя?

— Если на, то пошло — да. Если это значит, что ты будешь жить — да.

— Ну, а я нет. — Разорвав обжигающее прикосновение, он смотрит на оружие, лежащее на столе.

Я бросаю умоляющий взгляд через плечо на Феникса. Он должен достучаться до него. Он не может позволить другу — брату — рисковать всем ради меня.

Легион слишком важен для Се7мерки. Слишком важен для...

В моей голове эхом звучит голос, но не тот, который шепчет приказы, причиняющие боль и несущие за собой жестокость. Это не голос моей совести. Это голос хрупкой королевы с глазами ночи и дня.

"Ужин в ресторане в приватной столовой в семь. Тогда все будет раскрыто. Верь, Иден".

А затем она исчезает, прежде чем я успеваю понять, что она незаметно прокралась в

разум.

— Ужин в семь. Внизу, в ресторане, — вытаращив глаза и побледнев, повторяю я.

— Как ты узнала? — спрашивает Тойол.

— Габриэлла сказала. Она... только что проникла в мой разум, так же как делаю я.

Но качественнее, должна признать. Ее контакт прошел безупречно. Я даже ничего не почувствовала. Он, казался, таким ненавязчивым, словно она просеялась через мои мысли или воспоминания. А ее голос такой четкий, словно она стояла передо мной и шептала на ухо.

Если без моего позволения Габриэлла могла проникнуть в мою голову... на что она ещё способна?

Как легко она могла бы заползти в самые пыльные, темные уголки моей души и раскрыть секреты?

Как невероятно просто ей удалось бы уличить меня в том, что на самом деле я собой представляю и что сделала?

Паника, сжимая горло, душит по объяснимым причинам. Я не знаю, смогу ли справиться со всем этим. Не могу позволить ей или еще кому-то в этом роде просто так залазить в мою голову. Это не только будет, стоит Легиону жизни. Это будет стоить мне... всего.

Мы соглашаемся оставить разговор на потом, и я благодарна, что есть несколько минут побыть наедине с собой и подготовиться к ужину. Ненавижу признавать, но мне страшно. Легион говорит, что хочет защитить меня или умереть, пытаюсь защитить.

Но как долго он будет проявлять ко мне милость, после того, как узнает, что я натворила? Буду ли я все еще достойна спасения?

Я встряхиваю головой, надоело мучить себя вопросами, только потому, что слишком труслива, чтобы ответить на них. Дело пошло и если я сейчас вмешаюсь, то могу лишь сделать хуже... всем нам.

Но все же, я должна попробовать. Не для себя или моих эгоистичных побуждений. А ради Легиона. Хоть раз, я должна поступить правильно.

Поскольку я собиралась налегке, то держу платье и босоножки, которые мне положила в сумку Лилит. Я поправляю волосы и макияж, придавая себе более смелый и гламурный образ с красными губами и распущенными локонами.

Я вспоминаю слова Легиона, сказанные ранее, и про себя улыбаюсь, прикасаясь рукой к ложбинке на горле. Он сказал, что я очаровательна. Ничего не могу с собой поделаться, но интересно, будет ли он чувствовать это после сегодняшнего вечера.

Мы спускаемся в ресторан, в тишине, задумавшись, что уготовит для каждого из нас этот ужин. Габриэлла сказала, что все раскроется, и пока меня это пугает и одновременно не терпится узнать, что она имела в виду.

Что они надеются найти и как? Должна признать мир Темных и Светлых зачаровывает меня. Знать, что такая безграничная сила существует на земле, незамеченная ходит среди людей веками, кажется мне нереальным.

Несколько дней назад я была потерянной девушкой, которой управляли боль и гнев. Сегодня, я собираюсь поужинать с убийцами демонов и сверхъестественной королевской семьей. О, и я "спящая" бомба самого дьявола.

Изысканный ресторан отеля выглядит именно так, как я и представляла.

Изобилие мясных блюд и дорогих вин, атмосфера шика, но не душающего. Однако,

когда мы подходим к стойке менеджера зала, не успев произнести и слова, нас быстро проводят в приватную зону.

В отличие от утренней встречи, семья Скотос в меньшем составе, отсутствуют Александр и малыш Николай. Все непринужденно беседуют за бокалом красного вина и мясных закусок.

— Добро пожаловать, — встречает нас Дориан почти с теплой улыбкой на лице — если это можно назвать улыбкой. Он может дёрнуть уголком рта, но в этом движении есть что-то чересчур грешное... чувственное, чтобы относиться к веселью. Не думаю, что он играет.

Думаю, что он не способен выглядеть менее греховно-соблазнительным, даже когда и не пытается.

Нам предлагают присесть и наслаждаться вечером, совсем не так как было утром. Я смотрю на Легиона, который наблюдает за приветствием с непроницаемым, расчетливым видом, но все же усаживается напротив колдуна.

Я следую его примеру и сажусь справа от него. Тойол садится возле меня, а Фениск с левой стороны от Легиона.

— Ну что ж, когда мы все удобно устроились... — начинает Дориан, взбалтывая красное вино в бокале. — Надеюсь, вы с пользой провели остаток дня. Иден, ты впервые в Спрингс?

Легкая светская беседа? Серьезно?

Мне кажется, я упускаю что-то — какой-то скрытый смысл в его словах. Или, может быть он пытается просто проявить доброжелательность. Жизнь и обстоятельства сделали из меня скептика.

— Да, — отвечаю я.

— Тебе здесь нравится?

Официант подходит к нам с двумя на выбор бутылками вина. Прежде чем я могу подумать, что выбрать, Легион жестом указывает на красное.

— Учитывая, что я не покидала отель с момента приезда, и то, что успела посмотреть, понравилось. Не сравнится с южными районами Чикаго.

— Ах, Чикаго. Как давно я там был. Может нам стоит наведаться туда, Габриэлла?

Королева кивнула.

— Я никогда не была в Чикаго. Единственное что о нем знаю это чикагская пицца в глубокой форме, Кабз и Канье Уэст.

— Видишь! — взвизгиваю я, забываясь и толкая Легион в бок. — Он сокровище Чикаго!

Он вздрагивает от удара, его серебристые глаза расширяются от недоумения, без сомнения, интересуюсь, совсем ли я потеряла разум. Затем, он также поражает меня, качая головой и — может быть — ухмыляясь.

— Клянусь жизнью, вы все понятия не имеете, что такое музыка.

— Согласен, — поддерживает Дориан, поднимая бокал в приветствии. — От половины из той хрени, которую слушает Габриэлла и Морган у меня кровоточат уши. Я не позволю маленькому Нико вырасти, не узнав, что такое музыка.

— Хей! Не надо меня сюда впутывать! — смеется Морган, и делает вид, что собирается кинуть в Дориана маслиной. — У меня превосходный вкус в музыке. Правда, Ларс?

Высокий, светловолосый бог с глазами оттенка золота ласково гладит ее по волосам и ярко улыбается.

— Ты такая красивая. Я люблю тебя.

— Лжец! — лепечет она, играючи смахнув его руку. — Почему ты не говорил, что ненавидишь музыку, которую я слушаю?

— Потому что ты такая счастливая, когда ее слушаешь. А я так счастлив, видеть тебя такой.

Выражение обожания на его лице... нежные слова, слетающие с чувственных губ... и Морган, почти растекается лужицей на полированном деревянном полу, и я ее не виню за это.

— Ты должен признать, — присоединилась к разговору Габриэлла, заметив, что ее подруга занята, выпучив глаза на своего ухажера, — что не вся современная музыка такая уж плохая.

— Согласен, — кивает Тойол, — Я и сам фанат 21 века. На самом деле у Иден есть хорошие плейлисты. Помимо Кенье, конечно.

Все они смеются надо мной, и я не виню их. Легион, кажется, смягчился, а я должна признать, что семья Скотос совсем не плохая. Они почти, кажутся... нормальными. Людьми, даже.

Как и ожидалось, ужин прошел великолепно. Самые сочные, самые нежные стейки, лобстер, маслянистые, хрустящие овощи и мягкий, взбитый картофель падают на огромных блюдах в семейных традициях, с лучшими, которые я только пробовала, винами.

Далеко от дешевого, фруктового алкогольного напитка, который я и сестра брали по пятничным вечерам. Я ужасно скучаю по ней, но я не позволяю думать об этом. Сейчас она в безопасности, в достатке и под защитой.

Я не могла дать ей все это многие годы, которые она провела рядом со мной, хотя сестра единственный человек в моей жизни, заслуживающий все эти блага. Но это сделал Легион. И, по его словам, он сделал это ради меня.

Не знаю, что и думать по этому поводу, но я благодарна.

И вот я ужинаю, смеюсь и болтаю с королевской семьей. Столько еды я, наверное, видела только на канале Food Network, и пью вино, которое, вероятно, стоит больше, чем моя недельная зарплата.

Я ненавижу то, почему здесь и зачем сунулась в этот мир мифов и фэнтези.

Но часть меня настолько поражена этим. Это словно я впервые в жизни увидела цвета, а у вкусов и звуков больше нет оттенка нищеты и преступности.

И если у меня не так много времени осталось на этой земле — в качестве девушки или еще кого — я буду ценить данный подарок, даже если он упакован в проклятье.

— Иден, я надеюсь, ты оставила место для десерта, — говорит Габриэлла, после того как мы заканчиваем с ужином. Я не могу вспомнить, что столько ела... когда-нибудь вообще.

В доме Се7мерки еда была вкусной, но я всегда слишком нервничала или была напугана, чтобы действительно объедаться. Крошечная часть во мне начинает переживать, пока я думаю о том, сколько времени провел Джин за плитой, готовя для меня.

Он даже не может съесть половину приготовленной еды, но ему нравилось кому-нибудь — какому-то человеку — готовить.

Я смотрю на свой живот. Я так наелась, что выгляжу, как на восьмой неделе беременности.

— Десерт? Ты хочешь, чтобы я лопнула?

Прямо на реплике, входит официант с подносом, усыпанным всевозможными

десертами, о которых можно только мечтать.

Торты на любой вкус и с разными начинками, красивые печенья и ватрушки, а нежный заварной крем заменил оставшиеся блюда с мясом и моллюсков. Я таращила глаза, когда заметила робкую улыбку через стол.

— Я люблю сладкое, — пожимая плечами, говорит Дориан. Вот он почти выглядит, как человек и, казалось бы, безобидный и совершенно безупречный.

Я понимаю, что Габриэлла видит в нем. Слепая может это увидеть. Но в нем есть нечто такое, что заставляет меня не доверять этому непринужденному очарованию и пугающей внешности. Он кажется нереальным. А скорее миражом.

— Неужели кто-то ещё голоден, — издеваюсь я.

— Говори за себя, — фыркает Тойол, ставя перед собой тарелку со сладостями. Я смотрю на Легиона, который делает то же самое, пока почти-как-цивилизованный Феникс оседает на скромную порцию крем-брюле со свежей малиной, посыпанной сахарной пудрой.

— Думаю, что впаду в пищевую кому, если съем еще хотя бы кусочек. — Я глажу свой живот и пытаюсь сделать глубокий вдох.

— Ты еще этого не пробовала.

Я слышу слова, но не понимаю их, пока не появляется фруктовый пирог в нескольких сантиметрах от моих губ, поднятый на самом кончике пальца Легиона. Я перевожу взгляд на его омуты, сверкающего серебра, в которых клубится ожидание.

Это часть всего этого? Игра, которую он играл, чтобы успокоить короля и убедить его помочь нам?

Я смотрю на остальных, которые сверлят нас взглядами, хотя они слишком вежливые, чтобы смотреть открыто. Они ждут, чтобы увидеть, буду ли я играть по правилам и добровольно ли я с Се7меркой или по принуждению.

Или возможно они хотят увидеть, если в убийце демонов что-то большее, чем гласит о нем легенда.

Так медленно, что можно сосчитать каждый вдох и выдох, я наклоняюсь и раскрываю губы. На вкус пирог влажный и слоистый, когда Легион мягко скользит им между моих зубов, он с полуприкрытыми глазами смотрит и ждет моей реакции. Я даю ему то, что он жаждет, стон удовольствия.

— Хорош, да? — Его голос скользит по мне подобно меду.

— Очень.

— Еще?

— Да. — Слово не более чем глубокий вздох.

Он снова кормит меня, и я слизываю все до крошки с его пальцев. Кожа Легиона сладкая, как сахар и горячая, как он сам.

В голове проносятся воспоминания того, что я не могла знать. Я пробовала его прежде. Не знаю, как, но ощущение его пальцев на моих губах, прослеживающих линию моих губ... я знаю это точно так же, как знаю собственное имя.

— Думаю, не подходящее время, чтобы обсуждать дело, — вставляет Дориан, его тон звучит зловеще.

Его слова возвращают меня к реальности, и я отворачиваюсь, отстраняясь как можно дальше от Легиона, как будто это останется не заметным.

— Конечно, нет, — сдержано отвечаю я.

— Так как мы смогли договориться об условиях, то я считаю, что уместно начать, да?

Ты готова, Иден?

— Да. Но я хотела бы пересмотреть условие. — Я чувствую, как Легион рядом со мной напрягается, но я не сдамся. — Поиски твоего брата приведут Легион к самоубийству. Это неразумно, и я думаю, ты это знаешь. Легион лидер Се7мерки. Без него, информация о моем Призыве может быть бесполезной.

Дориан качает головой, обдумывая мое заявление.

— Возможно. Но это не изменит нашего условия. Тем не менее, возможно есть кое-что, с помощью чего можно избежать смерти.

— И что же это?

— Только время покажет — время, которого у нас нет. И я не думаю, что смогу обратить его.

— Обратить его? — морщусь я.

— Есть... варианты. — Я не пропускаю, как Дориан кидает быстрый взгляд на Сайруса, который прятался за дверь. Он зловеще стоит на месте, сливаясь со стеной, как живая статуя.

Один из смертоносных эффектов хищника, как легко было бы устранить ничего не подозревающую жертву, пока они проходят мимо него, не подозревая о скрытой опасности, ждущей в тени.

— В любом случае, это то, что мы хотим, и мы не станем просить такую высокую цену за наши услуги, если бы это не было крайне важно. Мы понимаем об ужасных последствиях, но я уверен, ты сможешь понять.

У тебя также есть кто-то, о ком ты заботишься — ради кого ты пойдешь на всё — даже если это пойдет против твоих самых хрупких, человеческих инстинктов.

Ему даже не надо лезть ко мне в голову, чтобы понять, что задел за живое. Сестра. Он знает о сестре. А значит, он может использовать ее против меня, если дойдет до дела.

— Прощу прощения, но это что... угроза?

— Во все нет, — хладнокровно отвечает он. — Но семья для меня — значит всё. Для нас. Это всё что у нас есть. И когда ты глава одного из сильнейших ковен, как наш, то нужно знать своих друзей, так же хорошо, как и врагов. Хотел бы думать о вас, как о друзьях. В конечном итоге, мы бы тут сейчас не сидели.

— Мой супруг пытается сказать, — вмешивается Габриэлла, прежде чем бросить колкий взгляд на короля. — Мы хотим помочь вам — что и сделаем. Но взамен нам нужна помощь Се7мерки. В частности, Легиона. Мы бы не просили, если бы был другой путь.

— Подождите, — хмурюсь я. — Так вы что, знали, что нам нужны ваши способности? Вы знали, что мы придем просить? — Теперь все это так очевидно. Если Легион единственный, кто может найти брата короля, то почему они сами не пришли? Если только они уже знают...

— Твое будущее продолжает меняться, — говорит Габриэлла, подтверждая мои подозрения. — Я не ясновидящая, но я это чувствую. Когда я взяла твою руку... я подключилась к твоей жизненной силе. И увидела комнату под землей. Цемент был под моими босыми ногами — твоими, то есть. И я — ты — находилась там голой.

Во рту мгновенно пересыхает, и кровь приливает к лицу, стуча в ушах. Мой пульс бешено бьется, пока я слушаю, как Габриэлла озвучивает мои худшие опасения.

Это сон. Повторяющейся ночной кошмар, который я вижу каждую ночь с того дня, как увидела первые седые пряди. Это был мой восемнадцатый день рождения, когда я впервые

пережила этот кошмар. Тогда это была всего лишь вспышка — проблеск бледной, дрожащей кожи, укус холодного лезвия, тонкая струйка теплой крови.

Со временем кошмар становился все более четким, пока не стал похож на фильм о настоящих убийствах, который постоянно проигрывался ночь за ночь. И неважно, сколько раз я чувствовала его руки на себе и запах крови, витавший в воздухе, я бы никогда не привыкла к этому.

Сон до сих пор пугал меня до слез и оставлял впоследствии задыхающейся от рыданий. Чтобы я не делала, чтобы облегчить ужас — снотворное, чаи, алкоголь, даже наркотики — я все еще не могла побороть страх, перед тем как закрою глаза.

До того, пока не появился Легион.

Кошмары до сих пор мучают меня, но раз в четыре, ужасных, года я видела что-то еще, когда закрывала глаза.

Я видела свет и слышала смех. Чувствовала тепло и доброту, и безопасность. И сильнейшее желание, которое до сих пор никогда не испытывала.

— Там рядом с тобой, кто-то присутствует — следит за тобой, — говорит Габриэлла, возвращая меня в реальность.

— Да, — дрожащим голосом отвечаю я. Я неловко ерзаю на стуле от пристальных взглядов других. Они все слушают, как мои самые мрачные, самые кровавые части души выворачивают на обеденный стол.

— Ты убиваешь их. Убиваешь всех их.

— Да. — Ком в моем горле такой большой, что я сомневаюсь, что слово можно разобрать.

— И он... он берет тебя. И ты хочешь этого. Ты умоляешь его. — Габриэлла выглядит пораженной, словно ей больно. Словно она может чувствовать мучения моих жертв, пока я приказываю им уродовать друг друга, после чего глубоко вонзаю клинок внутрь их искалеченных тел.

Я должна была догадаться. Ответ лежал прямо передо мной все это время. Это был не просто кошмар. Это — пророчество.

— Ты ведь вначале ему сопротивлялась? — спрашивает молодая королева, пристально разглядывая мою изорванную в клочья душу. — Ты не хотела, чтобы тебе это нравилось. Ты не хотела его. Но ты ничего не могла подделать.

— Кто? — спрашивает Легион, впервые заговорив с того момента, как Габриэлла начала распутывать мои самые большие страхи. Я чувствую, как его глаза светятся от ярости, сжигая меня.

— Люцифер. — Мой голос не более чем сломленный шепот. Я произношу слова на автопилоте, не чувствуя даже их на языке. Если я начну думать об этом, то все станет слишком реально.

— Я убиваю их всех. Сестру. Логана. Маму. Всех, кого я когда-либо знала. Я смотрю и смеюсь, пока они рвут себя на части, после чего я проливаю их кровь на свою обнаженную кожу. Почти каждую ночь... почти каждую ночь я вижу этот сон.

— Но ты знаешь, что может все измениться. У тебя есть власть, чтобы изменить свое будущее. — Габриэлла мельком смотрит на Легиона, но я знаю, что он видит. Ничто не ускользнет от его глаз.

— Мы ничего не можем сделать, чтобы остановить это? — спрашивает он.

Габриэлла выдыхает, прежде чем откидывается на спинку стула.

— В ближайшее время ты увидишь следующий знак своего Призыва. После чего, он придет за ней. Если только...

— Если только что? — почти рычит Легион.

— Если она только не захочет чего-то большего, чем, то зло, которое взывает к ней. Любое влечение привлечет ее к нему... сильное. Более сильное, чем какая-либо магия, которой мы можем только владеть, чтобы остановить его. Таким же образом как она может согнуть волю людей, он может согнуть и ее. Она должна бороться с ним. Она должна жить для чего-то большего, тогда она захочет убить его.

— Когда это произойдет?

— Не могу сказать. Наступят холода, но снег еще не ляжет. Мне жаль, но это всё что я вижу.

Здорово. Мы торговали жизнью Легиона за то, что я, по большей части, уже знаю. Однако, есть способ бороться с этим. А учитывая полное недоумение на лице Легиона, он не знал, что это вообще возможно.

— Но есть кое-что еще... — говорит уставшим голосом Габриэлла.

— Когда я была...обычной девушкой... Дориан рассказывал мне историю, которую слышал. Речь шла о ребенке, который будет править преисподней, вызывать из нее все зло и направлять на землю. Тысячелетние войны, приносящие бесконечные смерти и болезни. Все это коварство и зло будут гулять по земле до тех пор, пока не искоренит добро. Дитя будет воплощением зла, отмеченный зверем. Антихрист.

Я открываю рот, но ни звука не вырывается. Обхватив горло, я задыхаюсь от невысказанных слов. Я знаю эту историю. Откровение. Конец света.

— Хочешь сказать, что Иден антихрист?

Королева изящно качает головой.

— Нет. Дитя будет прямым потомком того, кого ты называешь Хозяином. Люцифера.

— Мы, черт побери, его так не зовем, — сквозь зубы говорит Легион. — Так он родит наследника.

— Да, — кивает она. Потом она переводит свой пронзительный взгляд на меня, впиваясь этими глазами со всей мощи Солнца и Луны. — И я думаю, что она станет его матерью.

Его матерью. Моя судьба заключается в рождении антихриста. Нести семя ненависти и разрушения в своей утробе.

Приступ тошноты скручивает мой живот, вызывая холодные капли пота на груди и шее. Я собираюсь потерять контроль прямо здесь, за этим столом. Прямо перед сверхъестественной королевской семьей и убийцами демонов. Я боялась их, в то время как мне суждено стать самым смертоносной из всех них.

Я не знаю, что собираюсь делать, пока встаю на ноги и иду в сторону дверей.

Я понятия не имею, куда я иду, но знаю, что должна выбраться отсюда. Мне необходимо покинуть эти стены, уйти прочь от их испытывающих и полных сочувствия глаз.

Я так устала быть предметом для обсуждения. Надоело быть раненым ягненком среди монстров. Когда сама чудовище. Я тот ночной кошмар, от которого пыталась сбежать.

Не знаю, следует ли за мной Легион, да я и не оглядываюсь, чтобы проверить. Я просто знаю, что больше не могу сидеть дальше и быть их фриком из шоу-уродцев.

Я играла эту роль всю свою жизнь. И так же, как мои ночные кошмары, легче не станет.

Я не останавливаюсь, пока не оказываюсь у дверей нашей комнаты, и понимаю, что у меня нет ключей от нее. Дав волю рыданию, который я сдержала в горле, пока выбегала из столовой, я оседаю на пол, побежденной, сломленной потерянной девушкой. Не знаю, смогу ли когда-нибудь найти свой путь.

Первая слеза скатывается по щеке, когда резное дерево против моей спины поддается назад, и я падаю. Тревожные звоночки звучат в голове, пока я встаю, чтобы встретиться с незваным гостем в дверном проеме.

Я даже не успеваю закричать, когда он дергает меня внутрь.

— Какого черта? — взвизгиваю я, пытаюсь встать на ноги. — Как ты тут оказался?

Легион скрещивает руки на груди, отчего рубашка на его бицепсах растягивается самым привлекательным образом.

— Какого черта? — недоверчиво переспрашивает он.

— О чем ты думала, когда убегала из места, которого не знаешь? Черт, Иден, как я могу защитить тебя, когда ты продолжаешь усложнять мне работу? Итак, плохо, что королева уже раз увела тебя от меня...

На щеках появляется румянец от того, насколько по-собственнически звучат его слова.

— Я в порядке, Ли. Мне просто нужно было... — Воздуха. Пространства. Времени подумать о своей обреченности.

— Ты не в порядке, Иден. Разве такое возможно? — Его голос становится мягче, меняя резкий, на пропитанный эмоциями тон, который я только имела удовольствие слышать в самые интимные моменты.

— Мы найдем способ, я обещаю тебе. Мы узнаем, как остановить Призыв. Даже если мне придется бороться до последнего вздоха, я не позволю ему забрать тебя. Я не позволю, чтобы такое случилось с тобой.

Он подходит ко мне, словно хочет схватить или дать пощечину, или выбить из меня это чувство, но я быстро отворачиваюсь.

— Ты ничего не сможешь сделать.

— Черт, это не так. Я уже говорил, что буду защищать тебя или умру, пытаюсь защитить. И именно это я имел в виду, когда говорил.

— Ты слышал, что они сказали? Или ты слышал то, что хотел услышать? — кричу я, внезапно разозлившись. — Мне нравится убивать людей. Я жажду почувствовать их кровь на своих руках. И если ты вдруг прослушал, то я буду умолять Люцифера трахнуть меня на их окоченевших трупах.

Опустив руки, Ли сжимает кулаки по бокам.

— Иден, это всего лишь дурной сон.

— Сон, который я видела на протяжении четырех лет. И знаешь, что? Я никогда не просыпалась. Нет. А иногда так возбуждалась, что трусики становились мокрыми. А иногда просыпалась от собственных стонов удовольствия. А порой я так возбуждалась, что ласкала себя и кончала от резни. Разве ты не видишь, Ли? Ты зря тратишь время на меня. Будет лучше, если я умру!

Он видит, как свет отражается в моих диких глазах, в то время как от мысли разрывается голова. Ли отрицательно кивает.

— Нет.

— Пожалуйста. Умоляю, Легион. Только так мы сможем спасти каждого. Только так мы сможем остановить Призыв. — Сложив руки в умоляющем жесте, я иду к нему, а он пятится назад, отказываясь слушать безрассудные причины.

— Нет.

— Мы ничего не можем сделать. Так будет лучше ради всеобщего блага. Разве ни к

этому стремится Се7мерка? Убить одного, чтобы спасти миллионы? Убей меня. Не дай мне стать причиной еще больших страданий и мучений.

— Я сказал нет, Иден! — рычит он.

На мои покрасневшие глаза наворачиваются слёзы, я смотрю на него, прося милости у смерти. Но не для себя, а для них. Неважно, что и как, для меня всё закончится плохо. И знаете что? По-другому быть не могло. Не хочу забирать еще кого-то с собой в ад.

— Тебе придется это сделать... в конце концов. Тебе придется убить меня. И это нормально. Только прошу, не позволяй мне стать монстром.

Загнанный мною в угол, Легион прижимается спиной к стене.

— Я не могу, Иден. Не могу причинить тебе боль.

Я мрачно киваю, выдыхая через боль. Не меня он хочет спасти. И никогда не хотел.

— Прыгун.

— Нет. — Отрицательно кивает он. — Здесь гораздо больше. Я думал, ты знаешь это. Я думал, ты все время знала.

— Как я могла? Я только знаю то малое, что ты мне говоришь. Скажи мне, Легион. Почему тебе не безразлично? Почему тратишь свое время на безнадежное дело?

— Ты не безнадежное дело.

— Правда? — спрашиваю я, всплеснув руками в безысходности. — Потому что отсюда, где я сейчас стою, мое будущее выглядит очень мрачным. И мой дар вовсе не велик. Скажи мне, ради чего мне жить? Зачем бороться с неизбежным?

— У тебя есть сестра.

— Пф-ф, — выдыхаю я, поворачиваясь к нему спиной. — Ты забрал меня, а это лучше, что с ней могло произойти. Сейчас она живет в комфорте и безопасности. Теперь ей не придется испытывать чувство вины передо мной, проводя время со своим парнем, и ради разнообразия она поживет своей жизнью.

— У тебя осталась еще мать, — слышу я его из-за спины. Он подошел ближе, но я не оборачиваюсь.

— Мама? Мама?! У меня нет матери. Она просто религиозная сумасшедшая, которая, пытаясь убить меня, думала, что исполняет волю Божью. Она будет первая в очереди, чтобы плюнуть на мою могилу.

— У тебя есть...

— Довольно жалко, да? — смеюсь я.

— Я потратила всю свою жизнь, избегая каких-либо постоянных привязанностей. Никогда не о ком не заботилась и никогда слишком не сближалась. Никогда не позволяла кому-то увидеть, что я боялась того, что могла захотеть навредить им. Знаешь, у меня никогда не было парня? Черт, у меня даже и свидания настоящего не было. А теперь скажи мне — зачем спасать такую? Девушку, по которой никто скучать не будет?

Повисшая тишина между нами, словно натянутая струна.

— Иден...

Услышав собственное имя, я качаю головой. Теплые руки слегка сжимают мои плечи, удерживая меня на месте.

— Посмотри правде в глаза. Это самый просто путь. И... всем будет только лучше. — Я сглатываю ком эмоций, застрявший в горле, и пытаюсь вырваться из его хватки, но я слишком слаба. Ничего, кроме сломленной куклы, которую должны были выбросить уже давным-давно.

— У меня ничего и никого не осталось, чтобы жить ради чего-то.

— Осталось, — хрипло шепчет он. — У тебя есть я, Иден. Живи для меня. Держись за меня.

Я поворачиваюсь к нему лицом, его руки все еще лежат на моих дрожащих плечах.

— Почему?

Серебряные глаза светятся в тусклом вечернем свете.

— Потому что, как только я увидел тебя — в наушниках через витрину того убогого магазина, не обращающую внимания на опасность прямо за дверью, — я понял, что умру ради тебя.

Поэтому, пожалуйста... живи ради меня. Просто еще немножко.

Его слова светом и теплом разливаются в моей пустой груди.

Они скользят сквозь меня, словно жидкий огонь, сжигая мертвые, холодные остатки моей боли, превращая боль и отрицание в пепел. Я не хочу верить ему. Не хочу, чтобы Ли давал мне какую-либо надежду, только чтобы потом забрать ее.

Но у меня так мало осталось, за что можно удержаться в эти дни. Так может... может, мне стоит поверить ему, этому зверю, который заставляет мое сердце колотиться от страха и возбуждения, когда он рядом.

Я открываю рот, чтобы сказать ему это, но прежде чем успеваю произнести хоть слово, раздается стук в дверь.

Первая мысль Тойол и Феникс пришли проведать меня, но как только я делаю шаг вперед, Легион аккуратно разворачивает меня и толкает себе за спину.

— Что такое? — шепчу я, выглядывая из-за его мощного тела, как будто дверь может в любой момент взорваться.

— Колдун, — поморщившись, говорит он, словно может чувствовать того, кто стоит по ту сторону двери. — И вампир. Стой здесь.

Он собирается резко её распахнуть, держа руку за спиной, где под поясом брюк скрывается девятимиллиметровый пистолет. Я задерживаю дыхание. Вампир? Черт, неужели я хочу знать?

Я подумываю убежать в спальню, но прежде чем успеваю, Легион открывает дверь с ехидной усмешкой на губах.

— О, прошу прощения. Я помешал? — ухмыляясь, самодовольно говорит Темный Король.

Сайрус стоит за ним, такой тихий и смертоносный, как вампир. Так что же имел в виду Дориан под обращением Легиона. Он хотел превратить его в вампира. Но как?

"Даже не спрашивай", — говорю я сама себе. У меня итак за день было слишком много откровений. Я уверена, что это может довести меня до грани.

— Вам что-то нужно? — раздраженно спрашивает Легион.

Из трех мужчин, Легион может посоревноваться в размерах и крепком телосложении с Сайрусом, но в Дориане есть что-то — угрожающее и темное, и мне кажется, что ему не нужны мышцы и двухметровый рост.

Он мог убить, лишь моргнув своими ледяными глазами.

Но это не значит, что Легион не может также.

Он так окутан секретами и мифами, что я точно не могу быть уверена. Я знаю, что он убийца, но сколькими способами Ли может разорвать Дориана на куски? Думаю, что возможности безграничны.

— Я пришел с предложением о мире. От моей семьи твоей. — Толкнув рукой дверь, он полностью ее распахнул и невзначай вошел внутрь.

Сайрус молча последовал за ним.

— В чем подвох? — спрашивает Легион. Его тон почти вежливый, но то, как дергаются мышцы на его челюсти, говорит об обратном.

— Никакого подвоха, — со спокойным выражением отвечает он.

Он даже снисходительно не улыбается.

— Моей жене понравилась девушка. И ей было бы больно видеть то, как девушке причиняют боль. Я здесь, чтобы попытаться не допустить этого.

— Ты можешь остановить Призыв? — спрашиваю я. Слепая надежда звучит в моем голосе.

— К сожалению, нет. Предзнаменование Призыва — это естественные изменения, спровоцированные временем и стрессом. Я не могу их остановить, так же как не могу остановить твое старение, но я могу замедлить их. Я могу дать тебе больше времени.

Больше времени? Для чего? Чего они ждут?

— И снова, в чем подвох? — снова задает вопрос Легион, загородив меня. Он рискнул всем ради меня. О чем мы еще могли договориться?

— И снова, никакого подвоха. Я не такой, каким ты меня считаешь, Легион. И никогда таким не был. Было время, когда ты это видел.

Из-за бицепса Легиона, я смотрю, как два мужчины смеряют друг друга взвешенным взглядом, словно общаясь телепатически. Легион знал до этого Дориана? Как?

И когда? Черт, если Легиону миллиарды лет, то, сколько тогда Темному королю? А других знал? Кажется, что у Тойола внутренняя связь с Сайрусом.

Очевидно, он не посвящен о то, что Легион намного больше знает о Темной королевской семье, чем он говорил.

— Хорошо, — соглашается Легион, кивая. — Делай то, что должен, так долго, пока не будешь уверен, что она останется невредимой.

— Даю слово. — Дориан бросает взгляд в сторону спальни. — Туда. Нам потребуется уединение. — Легиона передергивает, без сомнения, чтобы возразить, когда король качает головой. — Она будет в безопасности. Тем не менее, тебе стоит быть поблизости. Позже она будет нуждаться в тебе. — Король протягивает мне руку, ничуть не убедив огромного демона, стоящего между нами. — Пошли.

Я смотрю на его протянутую ладонь, а затем на Легиона.

В его серебристых глазах неопределенность, однако, он кивает. Он не хочет отставлять меня наедине с Дорианом, но он знает, что это безопасно. Он бы не дышал, если бы представлял для меня угрозу.

Я принимаю руку короля, не обращая внимания, что меня все еще бьет мелкая дрожь. Чтобы утешить, он нежно сжимает мою руку и ведет в спальню. Я не настолько глупа, чтобы поверить, что ничего не будет отдельно сексуального.

Габриэлла не похожа на ту, которой будут изменять, учитывая ее силу, намного превосходящую всё, что мир когда-либо видел, и Дориан не похож на дурака, который будет испытывать пределы ее терпимости. Плюс, он здесь ради нее.

— Ложись, — ласковым голосом, указывает он. Так отличается от высокомерного тона, которым он говорил со мной утром.

Я делаю, как приказано, мое тело твердое, как доска, лежащая на атласном покрывале.

Я даже не потрудилась снять обувь.

— Все что я буду делать, не навредит тебе, но может сбить толку. Твой разум — по больше мере — твое сердце будут открыты, впуская все твои страхи и фантазии, полностью завладевая твоими эмоциями. Понимаешь?

Сквозь страх я просто киваю.

— Хорошо. Теперь сделай глубокий вдох. Думай о чем-то, что приносит тебе счастье. Что-то, что заставляет чувствовать тебя любимой и живой. Сосредоточься и держись за это.

Его искренние слова проникают прямо в мой разум, наполняя чувством власти. Без всякой мысли я пролистываю свою память, как адресную картотеку. Я не сопротивляюсь импульсу, просто не в состоянии.

— Ты такая красивая. — Тыльной стороной ладони он гладит меня по щеке. Это единственная его часть, которую я представляла мягкой, за исключением конечно пухлый губ. — Ты ведь это знаешь?

— Ты говоришь это все время, но с благоговением, которого я никогда не пойму.

— Это потому что ты не видишь того, что вижу я. Не чувствуешь, что чувствую я, когда целую тебя. Не чувствуешь запах солнца в твоих словах. Не можешь попробовать вкус молока с медом между твоих бедер. А я могу. И все в тебе — все твое существо — совершенно прекрасно.

Я не отвечаю, а просто скольжу пальцами по его волосам и притягиваю его к своим губам.

Он глубоко целует, поглощая меня. Несмотря на жесткость и твердость языка, в точности, как и он сам, поцелуй выходит мягкий и податливый.

Я стону ему в рот, и притягиваю ближе, желая ощутить его твердое тело. Он смеется, когда я нежно царапаю ногтями его спину.

— Тише, малышка. Я не хочу причинить тебе боль.

— Ты не можешь навредить мне, — хихикаю я, у его горла, ведя языком от его подбородка к адамову яблоку, а затем к ключице. — Если только я не позволю тебе.

— И при каких обстоятельствах ты мне позволишь? — Он прижимается своим телом между моих ног и скользит ладонью по голому бедру, шире раздвигая меня.

— Когда ты задеваешь зубами мою грудь и спускаешься к бедрам, — стенаю я.

— Так? — Он спускается, пока я не чувствую его губы — горячие и влажные — под грудью. Затем он слегка царапает нежную кожу, спускаясь вниз.

— Да, — отвечаю я, затаив дыхание, ощущая что-то среднее между щекоткой и покалыванием. — И когда ты зажимаешь между пальцами мои соски. Я позволю тебе сделать это.

По команде он протягивает руку, чтобы сжать твердую плоть между большим и средним пальцами, после чего сильно щипает, отчего я резко вдыхаю на укол боли.

Так хорошо... настолько приятно, что я не могу ни обхватить другую грудь, имитируя его попытку.

— Ты молодец, Иден, — откуда-то доносится голос Дориана. Его голос как бальзам — утешает и заживляет. Он уговаривает отпустить воспоминания.

— Расскажи мне больше, — рычит он против моей кожи. Готовый и твердый, он пульсировал у моей ноги. Его тело просто молило о кульминации, но король любит свои игры.

Ему нравится дразнить меня до тех пор, пока мы уже не можем ждать ни секунды. И когда наши тела сталкиваются, когда он глубоко входит в меня с такой силой, что небеса сотрясаются, мы оба разлетаемся на куски.

Любить его — это урок сдержанности. Я сдерживаюсь ежедневно, когда вижу его. Я сдерживаю сердце от осознания того, насколько сильно его люблю.

— Я позволю тебе причинить мне боль... — мой голос срывается от напряжения, когда я пытаюсь сдержаться — ...когда разрешу покинуть меня. Каждый день, когда ты должен идти и притворяться для них... притворяться, что мы любовники — это глубоко ранит меня. Но я позволю случиться этому, потому что знаю, что другого пути нет. Иначе для нас это не безопасно.

Он прекращает игривые покусывания, поднимает голову и осмысленно на меня смотрит. Он открывает рот, но я качаю головой, не желая слышать его слова.

— Знаю, знаю, — говорю я, а на глаза наворачиваются слезы. — Знаю, что мы ничего не можем поделать.

Взгляд его задумчивых, серебряных глаз изучает моё лицо.

— Позволь мне пойти к Нему. Объяснить. Возможно, если мы покажем Ему, что это по-настоящему — что наша любовь истинная и чистая — мы получим Его милость.

— Нет. Ты знаешь, что это невозможно. Если он узнает...

— Это неважно, если Творец дарует свое благословение.

Я снова качаю головой и притягиваю его к себе так, что наши лица оказываются на одной линии. Он есть и всегда будет самым ослепительным, кого я когда-либо видела. — Мне не нужно никому говорить о том, что я и так знаю. Все что у нас есть это настоящее — приятное и красивое. Никто не может отнять его у нас. Неважно, что и кто сказал, я знаю это в глубине души. Я люблю его и всегда буду. Даже когда я просто стану эхом на ветру, а мой прах пылью среди звезд, я буду любить тебя каждой частичкой своей души и тела.

Он целует меня так, словно пытается распробовать мое изнывающее от боли сердце и зализать кровоточащие раны. Я целую его так, словно пытаюсь кончиком языка переписать собственную судьбу.

Он входит в меня отчаянно быстро, так что я чувствую это позвоночником. Я кричу, но прошу его не останавливаться. Мне больно. Боль так приятна. Возможно, она затмит боль в моей груди.

— Просто немного больше времени, Иден, — голос Дориана звучит издалека. Он тихо говорит, и слова сливаются в низкий гул.

Экстаз накатил на меня сильной волной, источая белое свечение от нашей потной кожи. Его стоны переплетаются с моими. Мои крики он встречает шипением.

Я цепляюсь за его сильные плечи, пока он изливает в меня страсть, неглубоко толкаясь в мою распухшую и все еще трепещущую плоть вокруг него.

Он не прекращает двигать бедрами до тех пор, пока я не чувствую, что волна удовольствия снова нарастет во мне, на этот раз более сильная и более разрушительная, чем прежде. Я не могу дышать. Я чувствую, как умираю, тону в его глубоком море восхитительных мук снова и снова.

— Держись за меня, — сквозь зубы произносит он. — Держись и никогда не отпускай...

— Сделано, — слышу я голос Дориана. У меня все еще закрыты глаза, но я чувствую его присутствие — его магию, бегущую через меня.

— Что ты с ней сделал? — рычит Легион. Около себя я ощущаю изнемогающий жар, от которого капельки пота собираются у меня на груди.

— С ней все в порядке. Заклинание эффективное, но оно оставит ее уязвимой. Ее эмоции полностью открыты. Будь нежен с ней. Ты будешь ей нужен, и она не сможет понять почему.

Повисает тишина, а затем Дориан спрашивает:

— Она знает?

— Нет.

— Другие?

— Феникс.

— И как ты собираешься объяснить ей после того, как это всплывет? Ты серьезно думаешь, что он отпустит тебя?

— Это не твоя забота, колдун. Ты помог ей и за это я благодарен тебе. Однако остальное не входит в твою оплату.

— Как скажешь, демон, — низко усмехнувшись, говорит он. — Просто помни о нашей сделке.

Мягкой поступью он отходит от кровати и останавливается.

— Будь осторожен с ней, — предупреждает Дориан. — Хотя ее сердце... холодное, оно очень хрупкое. Причинишь боль, и лед треснет. И потом будешь отвечать перед Габриэлкой.

Щелчок двери — последнее, что я слышу, прежде чем провалиться в глубокий сон без сновидений.

Моя кожа горит.

Я вся горю, чувствуя, как кровь закипает в венах.

Я извиваюсь, ища облегчения, но в конечном итоге сталкиваюсь с еще большим сокрушающим теплом.

С таким жестким, но в тоже время мягким и заманчивым. Я пытаюсь обнять его, прижать к своей мягкой груди. Я бьюсь и царапаюсь, желая окунуться в эту раскаленную лаву.

— Тише, хлопущка, — суровый шепот щекочет мое ухо. Его губы прикасаются к нежному участку кожи около подбородка.

— Ммммммм, — мурлычу я. — Больше.

— Да? — Он проводит грубыми пальцами по плечу, перекидывая мои волосы на другую сторону. Я чувствую, как кончиком носа он скользит по моей шее, вдыхая запах горячей кожи.

— Так хорошо, — задыхаюсь я, когда мелкая дрожь бежит по моей руке.

"Больше, больше, больше", мысленно молю я. Отвечая на мою невысказанную просьбу, он скользит рукой вниз и переплетает наши пальцы. Его прикосновение, как героин, текущий по венам.

Я обезумела и пристрастилась к этой яркой красоте, сверкающей, как расколотые бриллианты на солнце.

Мы лежим в темноте, лицом друг к другу, наши ноги переплетаются, словно лозы винограда под простынями. Я голая, большая часть меня, если не считать трусиков и лифчика.

Грудь Легиона обнажена, но брюки прикрывают нижнюю часть его тела. Я опускаю взгляд на мою прикрытую кружевом грудь, размышляя о том, куда делась остальная одежда, но я благодарна, что она не прикасается к моей разгоряченной коже.

— Ты сорвала ее, — заявляет Легион, отвечая на мой хмурый взгляд, от которого появились морщинки на лбу. — И мою тоже. Ты бы штаны разорвала, не останови я тебя.

— Зачем остановил? — воркую я, ближе прижимаясь к его груди.

— Потому что, ты только думаешь, что хочешь то, что под ними.

— Не думаю, что хочу. А точно знаю. — Я опускаю руку и дергаю за пряжку ремня. Легион хватает руку, останавливая меня.

— Нет, не хочешь, Иден. Это воздействие магии. Она заставляет людей становится ненасытными и неразумными. Это скоро пройдет, а сейчас попытайся отдохнуть.

— Прощу, — умоляю я, пытаюсь освободить руки. — Я так сильно хочу тебя, что это причиняет мне боль. — Я сжимаю бедра, пытаюсь потушить огонь в моем ядре. Но он только становится жарче и ярче.

— Я не хочу, причинять тебе боль, — нежно говорит он, дыханием раздувая пряди волос на лбу.

Я не узнаю свой собственный голос. Он слишком нетерпелив и переполнен желанием.

— Тогда не причиняй. Заставь это остановиться. Пожалуйста. Потуши огонь во мне.

— Я не могу. — Его хриплый тон пронизан отчаянием. — Не тогда, когда ты во мне нуждаешься.

— Пожалуйста. Просто сделай что-нибудь. Все что угодно.

Он делает глубокий вдох, укрепляя в себе решимость.

— Хорошо. Но... руки при себе.

— Как? — Мои ладони опалает желание прикоснуться к нему. Легион горяч, но каким-то образом, подавляет пламя, рвущееся под моей кожей.

— Просто попробуй. Если ты хочешь, чтобы я помог тебе, ты должна делать то, что я говорю.

— Хорошо, — почти сквозь слезы говорю я. — Просто прекрати это. Потуши огонь во мне.

Он нежно толкает меня, и я ложусь на спину, и затем Легион срывает с меня простынь. Рефлекторно, я расставляю ноги шире, приглашая его в мою раскаленную сердцевину.

— Осторожнее, — предупреждает он, становясь между моих открытых бедер. Я обхватываю его ногами и притягиваю ближе, но Легион останавливает меня, удерживая за колени. — Я серьезно, хлопущка. Попробуй успокоиться.

— А что если я не могу?

— Тогда я не буду прикасаться к тебе. Ты ведь хочешь, чтобы я к тебе прикоснулся, верно?

— Да, — быстро отвечаю я. — Я буду паинькой.

Лунный свет отбрасывает серебряную тень на его лицо и грудь, когда он смотрит на меня, в его глазах я вижу тысячи ослепительных сверхновых звезд. Кажется, они сияют, когда он медленно скользит ладонями по моим коленям до бедер.

Я стенаю, выгнув спину. Его мозолистые пальцы дрожат над кружевом. Я про себя молю вещицу превратиться в пепел, чтобы кожей ощутить обжигающие ласки.

Он касается моих ребер, поглаживая каждое, прежде чем продолжает свой ласковый путь к середине живота. Давление нарастает в пупке, твердый, пульсирующий узел, от которого перехватывает дыхание. Он пылает в моем лоне, заставляя его сокращаться от жажды наслаждения. Быстрее, жестче, глубже, пока я не хватаю воздух ртом.

Эта тяжесть придавливает меня к кровати, пока я тону в проливном ливне удовольствий. Затем неожиданно узел разрывается в миллион зазубренных осколков оргазма, каждый из которых вонзается в мои гиперчувствительные нервные окончания, причиняя боль от экстаза.

От удовольствия я содрогаюсь на кровати и кричу. Легион сжимает мою талию, прижимая узел внутри меня, до тех пор, пока он не иссушает каждую каплю мучительного блаженства.

— Дыши глубже, — приказывает Легион. — Пусть он течет через тебя.

Мой позвоночник, как жесткая балка, а вот конечности — желе. Он лишь руками удерживает меня, а сердцевина моего тела прикасается к пряжке его ремня. Холодный металл, обжигает набухший холмик, добавляя еще один слой наслаждения.

— Чт... что ты со мной сделал? — заикаясь, невнятно спрашиваю я.

— Позаботился о тебе. И видимо, перестарался немного. Черт, ты такая влажная, — ворчит он, глядя вниз на черную полоску кружева между моих бедер, которая, несомненно, пропиталась соками. Даже в тусклом освещении я вижу, как Легион облизывает губы.

— Попробуй, — шепчу я между тяжелыми вздохами. Легион смотрит мне в глаза.

— Прекрати.

— Сделай это. Я не буду трогать тебя. А тебе даже не придется снимать с меня трусики.

— Ты понятия не имеешь, о чем просишь.

— Я прекрасно понимаю, о чем прошу. Я хочу этого. Ты хочешь.

Казалось, вечность в его грозном взгляде шла борьба. Затем в быстром движении, которое я едва замечаю, Легион наклоняется, приподнимает мне бедра и закидывает мои ноги себе на плечи.

Если бы я знала, что второй раз испытаю оргазм от прикосновения его языка к моей коже, я бы приготовилась.

Но прежде чем я успеваю сделать глубокий вдох, я стону на луну, выкрикивая его имя, пока он скользит языком по чувствительной коже на месте соединения бедра с возбужденным естеством.

Низкое рычание вырывается из его горла, когда он смакует каждую каплю, пропитывающую мои трусики. Я хочу умолять его сорвать их, но не могу.

От звука, как он вкушает меня, ощущения толстого и твердого языка, и от того, как Легион сосет и лижет... и о черт... покусывает... мои мысли полностью разбегаются.

Я только знаю, что влажная и разгоряченная. Я знаю только это всепоглощающее удовольствие, которое заставляет мою кровь мерцать серебряным звездным светом и золотым огнем.

Он укладывает мое перенасыщенное тело на кровать. Его губы все еще блестят от остатков моего оргазма. Мы смотрим, друг на друга, каждый из нас нуждается в большем, чтобы подавить страстное желание, мчащееся по нашим венам.

— Поцелуй меня. — Мой голос охрип от стонов и криков.

— Иден...

— Пожалуйста. Если ты не позволяешь попробовать другие части тела, то дай насладиться вкусом твоих губ.

Закрыв глаза, он опускает голову, что подбородок касается груди.

— Ты забудешь это. Ты забудешь, что хочешь меня также сильно, как я тебя... черт, я так долго желал тебя, дольше, чем ты живешь. Ты забудешь то, что чувствовала сегодня вечером, в то время как твой вкус навсегда останется на моем языке. Завтра утром ты проснешься и не вспомнишь, как я заставил тебе содрогаться от легкого моего прикосновения, в то время как я все еще буду чувствовать твой запах на своей коже.

Когда он поднимает голову, в его ярких глубоких глазах жемчугом сверкает печаль.

— Поэтому, если ты забудешь, а я точно знаю, что это произойдет, я не хочу целовать тебя. Не сегодня вечером. Я хочу сохранить этот миг для нас, когда ты запомнишь, мгновение, которое ты захочешь сохранить в памяти. Я хочу, чтобы, когда ты прикасалась бы к своим губам, то улыбалась от воспоминания. Я не могу отнять твою волю. Не смогу даже тогда, когда настанет такой момент.

— Легион... — Я не знаю, что сказать, когда это все, чего я так долго желала. Даже когда не знала его. Даже когда думала, что нет никого для меня в этой безграничной, одинокой вселенной.

Приложив палец к моим губам, он заставляет замолчать меня.

— Как бы мне хотелось не делать этого.

Когда Легион убирает палец с моих губ и прижимает к своим, я резко погружаюсь в море темноты, покрытой сверкающей серебристой звездной пылью.

* * *

Резко проснувшись, я вскакиваю под одеялом теплых солнечных лучей, пробивающихся сквозь тяжелые позолоченные шторы. Паника заполняет мои легкие, и я сдерживаю крик, когда понимаю две главные вещи.

Первая: я почти голая, на мне только лифчик и трусики.

Вторая: Легион крепко спит рядом со мной.

Мое тело ощущается... другим. Не слабым — совсем нет — но другим. Внизу ощущается болезненность, своего рода эхо от сильного трепета. Я сжимаю бедра вместе, зажигая воспоминания о влажности и тепле, и вздыхаю, упиваясь шепотом призрачных удовольствий.

Я знаю, мы не спали вместе — это очевидно. Последнее что я помню, как Темный король читал заклинание, которое замедлит Призыв, а затем... ничего.

Тем не менее, не думаю, что Легион изнасиловал бы меня во сне, не тогда, когда у него было больше места и возможности сделать это, пока я была в плену. И учитывая, его обед безбрачия, зачем ставить под угрозу его клятвы ради неисправимого человека с извращенной моралью и темной судьбой?

Он может выбрать любую в мире женщину — наделенную сверхъестественными способностями или нет. А я ничто, по сравнению со всем, о чем узнала на прошлой неделе.

Я глотаю ком не понятной мне печали и переворачиваюсь лицом к спящему Легиону. Его лицо кажется таким спокойным во сне. Уязвимым и умиротворенным. Оно так отличается от обычного хмурого выражения на его лице.

Даже с его колючим характером и отчужденностью, он был тем самым парнем, на которого я могла бы запасть. Рыбак рыбака видит издалека, и, возможно мои демоны смогли бы найти утешение в тех потерянных душах, которые, кажется, кружатся в глубине его глаз.

Но этого никогда не произойдет, даже если я не была бы обречена. Даже если бы я была обычной девушкой, а он простым парнем. Я слишком потеряна в этом мире, чтобы быть найденной. Даже им.

Не задумываясь о последствиях и не понимая собственных мотивов, я протягиваю руку и глажу его подбородок.

Он чувствуется таким же сильным и твердым под кончиками пальцев, как и выглядит, а легкая щетина, которая покрывает его лицо от щек до подбородка, мягкой как пух. Я мимолетно представляю, как будет ощущаться его щетина, касаясь моего лица, груди, внутренней части бедер.

Я качаю головой, чтобы рассеять эти мысли. Мои мысли опасны. Даже те, которые не несут прямой угрозы.

На ватных ногах я иду в ванную, чтобы облегчить мочевой пузырь.

Ноги и руки кажутся вялыми, словно они были растянуты от напряжения. "Последствия магии", говорю я сама себе.

Это единственное объяснение. Горячий душ все исправит, и после вчерашнего дня я имею полное право использовать каждую каплю горячей воды во всей гостинице.

С планами, что мы вернемся сегодня в Чикаго, я надеваю джинсы, фланелевую рубашку и кеды. Легион все еще спит, поэтому я беру смелость и заказываю в номер завтрак.

Как ни странно, через десять минут постучали в дверь. Не знаю, имеет ли отношение

магия к оперативному обслуживанию, но я иду к двери...

И в двух ярдах от входной двери люкса, гигантское тело Легиона нависает надо мной, блокируя мой путь к двери.

— Какого...

— Как думаешь, что ты делаешь? — Его голос хриплый от сна и ярости, а глаза дикие, как его взъерошенные волосы.

— Открываю дверь обслуживающему персоналу.

Мои глаза расширяются, когда он делает угрожающий шаг ко мне. Мужчина, который только что мирно спал со мной, исчез.

— Это не обслуживающий персонал, Иден.

Я смотрю на дверь, словно обладаю рентгеновским зрением.

— Тогда кто?

Не говоря ни слова, он разворачивается и дергает на себя резную деревянную дверь, за которой стоят Феникс и Тойол, одетые оба в черную кожу. Боевое снаряжение. С тех пор, как мы приехали, они одевались в рубашки и брюки. Видимо сейчас случилось, что-то серьезное.

— Новости из Чикаго, — говорит Тойол, проходя в комнату с Фениксом, который следует за ним. — Засекли серьезную ангельскую активность.

— Ангельская активность? — хмуро говорю я. — Что ангелы забыли в Чикаго?

Он кивает.

— Нам срочно нужно возвращаться. Каин говорит, что они глаз не спускают с них, но если дела пойдут агрессивнее...

— Есть какие-нибудь признаки кто это? И что они ищут? — спрашивает Легион, все признаки настороженности тут же исчезли.

— Нет, но они думают, что возможно мы имеем дело с Серафимами.

Серафимами? Согласно последним урокам от Легиона и Феникса, Серафимы одни из самых влиятельных и смертельных ангелов. Феникс не был одним из них, прежде чем пал.

Но Легион также упоминал это слово несколько раз, ссылаясь на его прошлое. Если он не был одним из Серафимов... тогда он был когда-то архангелом.

Мысленно я говорю, "святое дерьмо", но это неправильно. Кошунственно.

Выражение лица Легиона становится хмурым, пока он обдумывает слова Тойола.

Даже когда он стоит там со скрещенными на груди руками, я вижу, как от зловещей силы вибрирует его тело.

— Собирайся. Мы уезжаем через десять минут.

— А как же Темный король? — спрашивает Феникс. — У нас незавершенное дело, которое имеет отношение к сделке, которую ты заключил.

— Позже. Мы должны вернуться домой.

Его заявление является окончательным, без лишних слов Тойол и Феникс разворачиваются и уходят, оставляя меня наедине с демоном, в глазах которого плещется непоколебимая ярость.

— Собирайся, — командует он, перед тем как развернуться и уйти в спальню.

Никакого упоминания о прошлой ночи. Не то, чтобы я и ожидала. Не о том, что, возможно, произошло.

Я глубоко вздыхаю, избавляясь от неуверенности, и следую за ним в спальню, чтобы собрать вещи.

Возвращение в Чикаго похоже на гонку в ожидании смерти.

Рада ли я вернуться — домой? — но я не могу отрицать того, что мне понравилось жить в Бродмуре в Колорадо-Спрингс. Обслуживание, шикарные номера и нет хмурого Каина.

Плюс, мне понравилось встречаться с людьми, которые знали, кем я была.

Мне не приходилось скрывать, кем я являюсь. Мне не приходилось притворяться обычным человеком, боясь, что меня посчитают странной.

Габриэлла не заостряла внимание на моей внешности или пыталась отвести сомнительный комплимент, назвав мой внешний вид "вызывающим". Черт, да у нее возможно больше татуировок, чем у меня.

И для королевы — королевы Темных — я думаю это чертовски потрясающе.

Я ерзаю в кресле, пытаюсь сесть поудобнее, после трехчасовой поездки. Хотя я думаю, что Легион и я повеселились, слушая мои (удивительные) плейлисты на пути в Колорадо, но уже не удастся вернуться к той легкости.

Не тогда, когда все беспокоятся о серафимах, появившихся в нашем городе. Не тогда, когда его гнев становится сильнее, что он уже душит меня. Не тогда, когда мои внутренности пульсируют странной, безудержной барабанной дробью.

— Ты отлично справилась в эти последние несколько дней, — внезапно говорит он, произнеся семь из десяти слов, которые он мне сказал по дороге обратно домой.

— Да?

— Ага. Ты смогла сама справиться в то время, когда я стал недееспособным и не смог защитить тебя. Ты не пасовала перед королем. Думаю, они оценили твою храбрость. Возможно даже, восхищались. Не удивлюсь, что именно поэтому они согласились помочь.

— За чрезвычайно высокую цену. Я, честно говоря, не думаю, что это того стоило.

— Не тебе платить. Я поклялся тебе и сдержу свое слово.

Я повернулась на месте и зло уставилась на Легиона.

— Не мне платить? Ли, ты выбрал умереть за меня. Думаешь, мне нечего сказать на счет этого? Учítывая, что я хотела сделать выбор, и ты лишил меня его?

— Я не просто умираю за тебя, Иден. Я умираю за гораздо большее дело, чем один из нас того стоит. Я умираю за все человечество. Я выбрал свою жизнь, взамен на твою, чтобы ты и люди такие же, как ты, могли хоть раз иметь право выбора.

Одной рукой удерживая руль, Легион другой проводит по голове.

— Я бродил по земле задолго до того, когда еще были живы твои предки. И если именно то, что отправит меня обратно в Ад, то я не могу вообразить более благородной причины.

— Нахрен благородство, — слова слетают с моих губ раньше, чем я успеваю остановиться.

— Что?

— Ты слышал меня. Ты собираешься сдать из-за одной человеческой жизни? Из-за одной эгоистичной, неуверенной девушки, которая не может справиться с собственными эмоциями? Печально. Я думала ты гораздо сильнее и умнее этого.

Как глупо с твоей стороны тратить впустую то, что ты сделал для своего дела, все, что сделал для Се7мерки ради кого-то, кто крутит душами. Я этого не стою, Ли. Ты знаешь это, я знаю и другие тоже. Но роль мученика должен играть ты, а не я. Верно? Это дерьмо собачье.

Он отвечает ровным, спокойным голосом, даже несмотря на мои дерзкие высказывания.

— Твоя жизнь — не собачье дерьмо. Только не для меня.

— Ну, ты был первым, — легкомысленно произношу я. — Если бы ты знал, что я натворила, какую боль причинила, ты бы передумал.

— Мы все грешники, Иден. Просто у каждого свои грехи.

Я пропускаю мимо ушей его слова и просто смотрю в окно на плоскую, коричневую землю и мертвую траву — такой контраст с богато-изумрудной зеленью Бродмурских земель.

Серые облака низко висят над нами, угрожая замершей, бесплодной земле пролиться на нее ледяным дождем. Тишина в автомобиле оглушительна, поэтому я наклоняюсь к стереосистеме и прокручиваю до конца список плейлиста до названия "Темные дни". Эту песню я слушаю всегда, когда чувствую себя особенно подавлено.

— Почему ты заблокировала ее номер?

Мне не нужно спрашивать о ком он говорит. О сестре. Имя эхом отзывается в голове, застилая глаза нежеланными эмоциями.

— Она бы никогда не отпустила. Она бы никогда не отказалась от меня. Мне пришлось бы лгать ей изо дня в день и черт... я так устала врать. Ей. Себе. Она чувствовала на себе ответственность за меня, словно она сделала что-то не так, а я не могу больше терпеть ее чувство вины. Моя вина это одно, но ее...

— Ты любишь её.

Я смотрю на Легиона, гадая, слышит ли он как разбивается мое сердце.

— Да.

— Я бы не стал винить тебя, ну ты знаешь... если бы ты поговорила с ней.

Я качаю головой.

— Это дало бы ей ложную надежду.

— В надежде нет ничего ложного, Иден, — говорит он, в его дрожащем голосе слышатся нотки ностальгии, словно он когда-то чувствовал, пробовал и держал надежду в ладонях. — Она может быть слепой, порой даже глупой, но никогда ложной. Не тогда, когда ты искренне чувствуешь всем своим сердцем.

— А что насчет твоего сердца? — спрашиваю я, вспоминая холодную пустоту в его груди, когда под саванном ночи прижимаюсь к ней щекой.

— Иногда оно чувствует слишком много. А иногда совсем ничего.

Его слова пусты и словно призрак они проносятся через небольшое пространство между нами. Они насмеются надо мной, заставляют бросить вызов моей собственной хрупкой человечности.

Я не верю, что Ли лишен чувств, учитывая всё, что он заставил меня почувствовать в течение нескольких дней.

Но банальная, чрезмерно нежная моя сторона беспокоится о том, что эти чувства не имеют ничего общего со мной. И это... больно.

Тихо устроившись в машине, я погружаюсь в свои мучительные мысли. Что стало с нами? Я не ненавижу его. Но он и не особо нравится мне. Такой задумчивый, молчаливый и упрямый, как черт.

И если уж совсем начистоту, прямо-таки пугающий. Но также в нем есть сострадание, и, осмелюсь сказать, доброта. И он свирепо готов защищать и проявлять верность.

За всё то время, которое я была разбита и уязвима, он мог бы воспользоваться ситуацией. Но нет. Легион бывал невыносимо, раздражающе добродетельным.

К моему облегчению, мы поворачиваем на бензоколонку, чтобы заправиться. Мне приходится через милую ходить в туалет, но я не могу игнорировать смертные потребности.

— Куда ты идешь? — спрашивает Легион, когда я за ним выпрыгиваю из автомобиля.

— В уборную.

Он открывает рот, чтобы выразить протест, но я отмахиваюсь от него.

— Либо я иду туда и делаю свои дела, либо это произойдет на твоих кожаных сидениях. Тебе выбирать. — Когда он ничего не говорит, я добавляю: — Я быстро. Обещаю.

Сдержав слово, я быстро справляю нужду и иду обратно в мини-маркет, решив захватить пару напитков и закусок в дорогу. Я замечаю Аризонский холодный чай и улыбаюсь.

Возможно, он сгладит ситуацию. Я больше не выдержу, если мы будем тридцать с половиной часов сидеть в тишине.

Лучше пусть скулит и стонет на меня, чем ехать рядом с ним, притворяясь, что я не замечаю каждый раз, когда он смотрит на меня своими серебристыми глазами из-под темных очков.

Я замечаю в передней части магазина широкую спину Легиона, одетую в потертую кожаную куртку.

Он, должно быть, зашел расплатиться за бензин, пока я была в туалете, но скорее всего у него в одном месте зудело от желания проверить меня. Хотя. Он не может все время играть роль няньки и телохранителя.

— Ну, если ты закончил строить из себя мистера Отчаяния и Уныния, — дразню я, идя по ряду с чипсами, — то у меня есть для тебя маленький сюрприз...

— Иден, не двигайся.

Мрачный тон в его голосе заставляет меня остановиться на полпути. И именно тогда я замечаю, как он поднимает руки в стороны и жуткую тишину в мини-маркете. Я смотрю влево и замечаю мужчину с ружьем, направленным прямо в голову Легиона. Справа, еще один, также держит винтовку, длиной с мою руку.

Холодный чай и содовая выпадают из моих рук и приторно-сладкая жидкость разливается у моих ног.

— Девчонка идет с нами, — говорит мужик, тот, что справа от меня. — Дернешься, и мой приятель позаботится о том, чтобы твои внутренности забрызгали все лотерейные билеты.

Демоны? Нет. Черт — люди.

— Я не могу позволить вам это сделать, — парирует Легион, его голос смертельно спокойный.

— О, да? — говорит придурок с винтовкой. Он почти такой же крупный, как Легион — натренированный борец. Я практически не вижу его лица, но из-под его черной кепки выглядывает копна светлых волос.

— Ну, учитывая, что твои друзья под прицелом, а также здание окружено, было бы разумно с твоей стороны переосмыслить приоритеты. Твое задание выполнено, демон. Теперь она наша забота.

— Видишь ли, здесь ты ошибаешься, человек, — резко отвечает Легион.

— Если бы она была вашей заботой с самого начала, то нам бы не пришлось вмешиваться и защищать ее. Так что... если вы хотите увидеть еще один день в вашей никчемной, жалкой жизни, то опустите винтовки и валите нахер отсюда.

Мужчина начинает громко смеяться, может быть от страха или истерики, а возможно и от того и другого.

— Бессмертие сделало тебя высокомерным. Давай посмотрим, насколько дерзким ты будешь, когда я отправлю тебя обратно к твоему создателю с дырой в голове.

Вдалеке послышался выстрел и затем... ситуация выходит из-под контроля.

Одним быстрым движением, быстрее, чем любой из нас смог бы заметить, Легион оказывается позади бандита, стоящего слева, перехватывая руку мужчины на курке.

С живым щитом Легион наводит оружие на парня с винтовкой, когда тот ныряет и перекачивается за прилавок с хот-догами. Легион, по крайней мере, делает двенадцать выстрелов прежде, чем повернуть бандита кругом и сломать ему шею, словно ветку, с отвратительным треском.

— Пойдем! — орет он, когда бросается на меня, в то время как парень с винтовкой открывает по нам огонь.

Слишком знакомо. Слишком похоже на сцену, развернувшуюся чуть больше недели назад. Но на этот раз я не буду кричать. Я не буду плакать. Я не буду метаться от страха.

В магазин входят еще двое вооруженных мужчин, которые стреляют в нашем направлении.

Легион быстро швыряет меня за спину, прикрывая своим телом, пока обнажает два девятимиллиметровых пистолета и, прикрываясь машиной с холодным чаем стреляет по мужчинам.

Он попадает им прямо в голову. Еще больше вооруженных до зубов мужчин входят в магазин. Нас превосходят численностью... в несколько раз. И после пяти выстрелов мы слышим щелк-щелк-щелк, наши судьбы обречены. У нас кончились патроны.

— Оставайся за мной, — шепчет он, удерживая меня за спиной.

Мы опускаемся на пол и ползем по разбитому стеклу и гильзам. Мои руки и колени кровоточат, но я не чувствую боли.

Подобно кокаину адреналин мчится по моим венам, приглушая желание кричать и плакать. Мы должны убраться отсюда, и перспективы выбраться живыми выглядят довольно мрачной.

Завернув за угол, мы почти, что сталкиваемся с человеком, на котором пристегнуто что-то, что похоже на пулемет. Легион ударяет его по руке с одной стороны, прежде чем тот успевает нажать на курок, и бьет ему в лицо так, что кровь брызгает из носа.

Всё происходит за доли секунды, но этого хватает, чтобы выхватить у мужчины пистолет и выстрелить несколько раз в другого, который оказался в нескольких дюймах от нас.

Не останавливаясь, чтобы даже посмотреть, Легион заводит пистолет мне через плечо и, выпустив шесть пуль в грудь, убивает человека не моргнув и глазом.

Он двигается быстро, как гадюка и тихо, как пантера. Если бы я не знала его, то подумала, что в нем есть что-то животное. Человек такого роста и таким мощным телом не должен быть настолько гибким и изящным, как он, но Легион не человек. В нем нет и капли от человека.

Наш путь усеян мертвыми телами, схватил меня на руки, Легион выбегает из минимаркета.

Благодаря Фениксу и Тойолу на улице еще больше трупов. Для меня останется загадкой, как ни одна пуля не попала в газовые насосы и мы не взорвались.

— Альянс, — кричит Тойол, когда мы приближаемся. Его катаны окрашены ярко-красной кровью, которая капает с лезвий, словно теплый клубничный сироп.

— На пути будут еще, — добавляет Феникс. Он как всегда выглядит собранным и элегантным. Я не могу представить его в бою.

— Давайте валить отсюда, — рявкает Легион, опуская меня на ноги, чтобы я смогла сесть в машину.

— Она ранена? — спрашивает Феникс, заметив кровь на моих руках и ногах.

— Я в порядке, — уверяю его. Порезы поверхностны, и я могу обойтись только аптечкой. Плюс, большая часть крови даже не моя.

Легион прыгает на водительское сиденье и жмет педаль газа в пол, оставляя позади нас столб пыли. Он даже не смотрит на меня, пока мы не проезжаем несколько миль.

— Ты в порядке? — снова этот голос... пронизанный страхом и холодом.

— Я в порядке, — повторяю я, потому что не могу больше подобрать других слов. Комплект в бардачке решил проблему.

— Чёрт. Дерьмо! — кричит он, ударяя рукой по рулю — Я должен быть более осторожным. Мне стоило сначала осмотреть магазин. Если с тобой что-нибудь случится...

— Ли... — Я накрываю рукой его руку, на которой от напряжения побелели костяшки пальцев.

Он дергается, все еще переполняемый адреналином от боя, но я не отступаю. Я чувствую, как сила течет через него — в форме огня и насилия.

— Я в порядке. Это не твоя вина. Честно говоря, я должна поблагодарить тебя. Я бы уже умерла, если бы не ты.

Он бросает на меня быстрый взгляд, сканируя мое тело.

— Клянусь, всем, что у меня есть, я больше никогда не буду рисковать твоей жизнью. Прости меня.

— Здесь нечего прощать. — Я, наконец, убираю руку с его и кладу себе на колени, захватив с собой ощущение его безмерной мощи в ладони. — Во всяком случае, я должна извиниться перед тобой. Они были людьми. Я могла бы остановить их. Но я просто... оцепенела. Я должна была помочь, сделать хоть что-нибудь.

Легион качает головой.

— Не твоя вина. Ты не обучена и не сфокусирована. Я не ожидал, что ты сделаешь то, что делаю я.

— Тогда научи меня, — призываю я, повернувшись в кресле. — Тренируй. Покажи, как пользоваться моим даром и использовать его в сражениях.

Проходит почти целая минута, прежде чем он отвечает.

— Это не твоя работа, Иден. Я не жду, что ты будешь рисковать своей жизнью еще больше, чем сейчас.

— Так... кто они?

Он тяжело вздыхает.

— Альянс Посвященных. Очень древнее тайное общество, которое объединяет каждую религию в мире с единственной целью — искоренить зло.

— Что за...? Поэтому они хотят ликвидировать меня?

— Нет. На самом деле, как раз наоборот. Они думают, что смогут спасти твою душу. — От его злобного смеха у меня кровь стынет в жилах. — На самом деле тайный совет дал команду надеть на тебя смирительную рубашку и запереть до конца дней твоих. Помимо прочего.

— Но как... как они узнали про меня?

— Наверное, так же, как и мы узнали. У Альянса по всему миру есть прислужники. У них, вероятно, по всему миру есть кроты внутри каждой больницы, школы и психиатрических больницах.

Дерьмо.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

К чему еще я была абсолютно слепа? Кто еще, возможно, мог меня искать?

И кому я могу доверять?

— Почему Се7мерка и Альянс не работают вместе? Они же, как и вы охотитесь за теми, кто был Призван?

— Потому что, они благочестивые лизоблюды, которые не узнали бы и слова божьего, если даже бы оно укусило за их самонадеянные задницы, — рычит он.

— Альянс против того, чтобы забирать человеческие жизни. Однако они думают, что могут освободить от Призыва и спасти души смертных, когда на самом деле обрекают их на более ужасное существование. Шоковая терапия. Побои. — Он бросает злой взгляд в мою сторону. — Лоботомия. Поскольку они не убивают своих жертв, то они так чувствуют, что исполняют Волю Божью. Смерть была бы намного милостивее, учитывая то, что они насылают на своих жертв.

— Смерть. Именно то, что требует Се7мерка.

— Это не то, что мы с легкостью берем, Иден. Если есть другой путь, то мы...

— Знаю, знаю. Спасти одного, чтобы спасти миллионы. Но почему спасаешь меня?

Почему бы не пройти все эти неприятности ради кого-то другого?

Я думаю, что он решил уже проигнорировать меня, когда спустя несколько секунд говорит:

— Ты очень ценна. Для нас. — Кадык дергается, когда он сглатывает. — Для меня.

— Почему?

А вот сейчас он действительно игнорирует меня, сосредоточившись на том, чтобы как можно быстрее добраться до нашего, раздираемого войной, города.

Мы выбрали другой маршрут, избегая главных дорог, чтобы оставаться вне поля зрения. И так будет легче определить, следят за нами или нет.

Когда мы останавливаемся, чтобы заправиться, Феникс и Тойол обходят весь периметр, включая уборные комнаты. Я даже не возражаю против того, когда Легион настоял на том, что будет стоять за дверью, пока я буду в туалете.

— Спасибо, — морщусь я, не понимая за что, черт возьми, я его благодарю. Он спас мою жизнь — да. Множество раз, что я даже не могу сосчитать на пальцах одной руки. Но я не понимаю.

И я не куплюсь на то объяснения с Прыгуном. Не тогда, когда в них ничего нет. Черт, они демоны, ради всего святого. Что им все равно?

Черт, почему ему не все равно?

Короткие периоды времени, живя у поганых людей и дерьмовых приемных семьях,

сделали из меня циника и очень осторожного человека, но из благих побуждений. Никто не показал мне ничего другого. Никто, кроме сестры.

И теперь даже она лишь тень моего прошлого.

Держа руку на моей спине, Легион торопливо ведет меня к машине под покровом ночи.

Даже с сомнением, роющим яму в моем мозгу, его прикосновение разоружает меня.

Когда Легион садится на водительское сидение и спустя несколько секунд газует, он поворачивается и его серебристые глаза смотрят на меня, и кажется, что в темноте они блестят еще ярче.

— Каждая человеческая жизнь, которую я когда-либо забирал, остается со мной. Преследует меня. Я вижу их во сне. Я вижу их, когда смотрюсь в зеркало. Я слышу их крики, которые заглушают мои собственные мысли. Иден, если бы был другой путь, я бы им воспользовался. И может быть, нам не удастся спасти тебя. Может мы просто оттягиваем неизбежное. Но я не могу сделать это. Моя душа слишком тяжела, чтобы нести больше одной необоснованной смерти.

Оставшейся путь в Чикаго он молчит, а я делаю музыку погромче, в надежде, что она сможет заглушить крики в моей голове.

— Какого хрена ты говоришь?

Изуродованное шрамом лицо Каина принимает угрюмый вид, и Каин переводит черные, как смоль глаза то на меня, то на своего лидера. Мы едва успели привести себя в порядок, как Легион созвал срочное собрание, несмотря на поздний час.

— Я говорю, что, когда придет время, мне придется выполнять свою часть сделки и найти колдуна.

— То есть ты говоришь, что решил сложить полномочия и сдохнуть!

Стул за ним скрипит и падает с грохотом, когда Каин, вскакивает на ноги.

— Ради нее! Она, мать твою, того не стоит, Ли. Она человек. — Последнее слово пропитанное желчью, слетает с его языка.

— Человек, которому мы пообещали помочь. Человек, которого ты будешь продолжать защищать, если только не хочешь бросить вызов моей власти, — отчитывает Легион, поднимаясь на ноги.

Два демона смотрят друг на друга несколько мгновений, прежде чем Каин отводит глаза, и переводит на меня свой злобный взгляд.

— Это еще не конец. — Хлопнув тяжелой металлической дверью, Каин поставил пресловутую точку в его, наполненных угрозой, словах.

— Он прав, и ты это знаешь, — тихо произносит Андрас, садясь рядом с Лилит.

— Андрас, — ворчит она.

— Извини, Ли, ты наш лидер... наш брат. Наш друг. Что это о нас говорит, если мы просто сидим, сложа руки, и позволяем отдать тебе свою жизнь за девушку, которую ты едва знаешь? Должен быть другой выход. Мы будем сражаться с колдунами. Их ковен не ровня Се7мерки, независимо от их магии.

— Мы не будем бросать вызов Темным. — Легион с усталым выражением лица откидывается на спинку стула. Он ехал весь день, не останавливаясь, чтобы поесть и попить. А после инцидента с Альянсом, он должен быть полностью истощен.

— Ли прав, — добавляет Феникс. — Ввяжемся с ними в войну, разделим темный мир. А значит, будет много жертв — потенциально человеческих жертв. Земля не может быть сопутствующим ущербом.

— А что мы будем делать без лидера? — спрашивает Тойол, с мольбой смотря на Легиона. — Вместе мы сила. Но без Ли, что будет удерживать нас вместе? Кто будет сдерживать Каина, когда он будет произносить одну из своих триад?

— Феникс, — отвечает Легион.

— Что? — Остальные за столом, кроме Джина, взвизгивают.

— Он ученый, дипломат. Он сможет образумить Каина, и повести вас по праведному пути. Плюс, он падший. Он знает Его Слово. Возможно, даже лучше меня.

Феникс качает головой.

— Но я никогда не был одним из Серафимов, Ли. И мои отношения с ними очень хрупкие, в лучшем случае.

— Но они знают тебя. И знают, что я доверяю тебе.

— Кстати, говоря, о серафимах... — начинает Лилит. — Должна быть очень хорошая причина, почему они решили обосноваться здесь. Словно, они знают, что Иден здесь и под нашей защитой. Я знаю, что им нравится появляться время от времени, но сейчас всё как-то по-другому.

— Айрин? — спрашивает Тойол.

В ответ Легион отрицательно качает головой.

— Серафимы презируют способы Наблюдателя. Они никогда не падут так низко, чтобы просто спросить. И точно уж они не объединились с Темными. В их глазах это стало бы кощунством.

— Тогда кто? Или что?

— Не знаю. — В голосе Легиона слышится поражение, словно признавать, этот факт причиняет ему боль. — Но в любом случае, присутствие серафимов не к добру.

— Возможно, я... — от звука моего голоса, кроткого шепота по сравнению с их, все обращают свой взор на меня. Я подавляю дрожь. Я приглашена на их собрание просто из-за любезности.

Но я должна сказать. Должна сделать что-нибудь — что угодно — помимо того, чтобы сидеть без дела и быть жертвой. — Возможно, я могу, поговорить с ними — серафимами. Возможно, если они увидят, что я в безопасности и под присмотром, они отступят. Может быть, даже помогут.

— Нет! — рычит Легион, черты его лица становятся жесткими и грубыми. Этого достаточно, чтобы я вздрогнула, но я больше не боюсь. Не его. Больше не боюсь.

— Хорошо, а что с Альянсом? Не помешало бы на пути иметь на одного врага меньше. Возможно, они были теми, кто информировал серафимов. Я могла бы отправиться к ним — сказать, что мне не причинили вреда, и моя жизнь будет спасена.

— Я сказал, нет! — От резкого тона в его голосе пол под нашими ногами содрогается.

— Но так неправильно! — продолжаю я, игнорируя его приказ. — Я должна сделать хоть что-нибудь! Я отказываюсь скрываться и прятаться все свою оставшуюся жизнь!

— У тебя отнимут жизнь, если ты приблизишься к серафимам или Альянсу.

Я вскакиваю и ударяю ладонями по мраморной столешнице.

— Так, какого черта, мне предполагается делать?

Легион тоже встает на ноги, затмевая мое тело своим. Сила мерцает в его глазах, подобно вспышкам.

— Ты, как предполагается, хоть раз в своей проклятой жизни должна послушаться! Ты, как предполагается, должна оставаться рядом со мной!

Я смотрю на него с отвисшей челюстью. Тишина вокруг стола оглушительна, я сказала бы жуткая. Даже звук моего прерывистого дыхания не заполняет пространство.

Не способная выдержать вес его слов и пристальный взгляд, я отхожу от стола, подальше от Легиона.

Остаться с ним? Ничто никогда не казалось таким заманчивым, но настолько безумно невозможным.

Как последняя трусиха я бегу в самую дальнюю комнату, ту самую, в которой была его пленницей и врагом.

Его другом. Я знаю, что не могу убежать от него, и что-то во мне — что-то иррациональное и управляемое одними эмоциями — не хочет. Я не совсем понимаю этого, чтобы бороться.

Даже если бы и понимала, не могу точно сказать, что стала бы бороться.

Я стою спиной к нему, когда слышу приближающиеся шаги.

Я не дышу, пока не слышу, как закрывается дверь. Но, поскольку его подавляющее тепло касается моей спины, я разворачиваюсь и грудью прижимаюсь к его телу, притягивая его лицо к своему. И я целую его.

Я целую его, отдавая всю себя, весь мой страх, всю ярость, всю безнадежность. Я целую его, сдаваясь в плен его губам и ощущая огонь, бушующий в его груди, словно он может все это забрать.

Целую его и молюсь, что он еще раз спасет меня и ответит на поцелуй.

Напряженными накаченными руками он обхватывает меня за спину и отрывает от пола, предоставляя большой доступ к его губам — таким же горячим и сладким, и повелительным, как всё остальное в нем.

Его толстый и непреклонный язык скользит между моими дрожащими губами и сталкивается с моим. Неистово желая распробовать его больше, я обхватываю Легион за шею, и сжимаю в кулак его длинные волосы на затылке.

Я тяну достаточно сильно, игнорируя укол боли от порезов на руках. Он отвечает на мое жесткое сексуальное желание, вонзаясь пальцами в мою задницу, пока поддерживает мой вес.

Я обхватываю ногами его за талию, острая боль сильнее возбуждает меня.

Я никогда не была той девушкой.

Уверенной, чтобы принять то, чего она хочет. Той, кто может заставить мужчин пасть под ее чарами. Той, которая не позволяет страху сдерживать ее плотские желания.

Но, сейчас, в объятиях Легион, поглощая его удушающее тепло с моим, я не могу вспомнить то время, когда чувствовала себя такой красивой, такой беззаботной. Потому что, когда он бросает меня на кровать и прижимает своим телом, то все остальное уже неважно.

Я никогда не стану той девушкой. Но в течение нескольких минут, или может с того момента, как он привез меня сюда, я стала его, как и сказала Лилит. Точно так же, как чернила пропитали нашу кожу. Так же, как кровь, мчащаяся по нашим венам.

Он отстраняется, всего лишь слегка, но я сжимаю ноги вокруг его талии, будьте прокляты ободранные коленки. Он изучают меня серебристыми глазами, ища любой признак сомнения. А когда ничего не находит, то хмурится.

— Что такое? — шепчу я, накрыв ладонью его щеку.

— Иден... — В его глазах я вижу вспышку боли, и он закрывает глаза. — Ты толкаешь меня на грех.

Я обхватываю вторую его щеку, надеясь, что он сможет ощутить каждую унцию моей решимости.

— Так согреси.

Эти глаза, в которых горят звезды, смотрят в мои, а затем Легион снова обрушивается на мои губы. Он поспешно целует меня, словно мое дыхание поддерживает в нем жизнь.

Мой язык встречается с его, они ударяются, скользят против друг друга, подражая всеми способами, какими я желала его. Лоно изнывает от боли, поскольку я трусь против твердости в его джинсах.

Его налитый ствол настолько очевиден, что выпячивается из-под грубой ткани вдоль бедра, пульсируя и умоляя быть обласканным моим ртом, руками и телом.

Он — желание. Страсть. Он — огонь. И может быть потушен только во мне.

Я тянусь к его штанам, в то время как он срывает с меня футболку, разрывая в клочья.

На долю секунды холодный воздух обжигает кожу моей груди, прежде чем Легион накрывает ее жаром своего рта. Приподняв груди, он стаскивает вниз кружевной лифчик, освобождая острые от возбуждения соски.

Влажными губами, раз за разом, он задевает горошины, прежде чем втянуть в рот и жадно посасывать. Я громко стону, пока Легион покусывает и облизывает, а затем переходит к другому соску и заставляет меня издавать еще более эротические звуки.

Я могу кончить только от этого. Черт, я уже так близка. Но я хочу ощутить его. Хочу его ярость, его агрессию. Я хочу, чтобы он наполнил меня огнем, который бушует под его загорелой кожей.

Я растегиваю его ширинку и обхватываю массивную длину, которая пульсирует между нами. Он слишком толстый и твердый, чтобы свободно вытащить, поэтому опустив немного ноги, я коленями пытаюсь стянуть с Легиона джинсы.

Мой рот наполняется слюной, пока я держу член Легиона в руках и чувствую каждую вену. Я представляю, как обведу их языком, как эти вены будет пульсировать между моих губ.

Я на самом деле никогда не была по-настоящему близка с мужчиной, чтобы хорошо изучить мою плотскую сторону, но по некоторым причинам, я не могу дождаться, чтобы попробовать его. Словно я уже это делала, а в памяти сохранился его вкус на моем языке.

Легион выпускает мои чувствительные соски и садится на колени. Все еще проникновенно смотря на мое извивающееся тело, он начинает мучительно медленно стягивать с себя джинсы.

V-образная дорожка из мышц спускается к твёрдому стволу и небольшой тёмной поросли вокруг него.

Я облизываю губы. Он толще, чем я себе воображала, но от мысли, что он разорвет меня на части в порыве страсти, я еще сильнее возбуждаюсь, и соки желания впитываются в мои трусики.

Он стягивает джинсы по бедрам и меня бросает в дрожь.

Я еще не вижу его головку, но точно знаю, что каждый дюйм его длины прекрасен. Я протягиваю руку к нему, в надежде почувствовать шелковистую кожу кончиками пальцев.

Жара, исходящая от него, обещает растопить мои стенки, а внутренности превратить в жидкость. Его явный размер, вероятно, затронет каждую частичку во мне, пока я буду задыхаться от стонов.

Еще немного ниже, и я вижу большую, набухшую головку, которая будет ласкать моё трепещущее лоно. Еще чуть ниже и....

Раздается стук в дверь.

— Ли, — позвал Тойол, — Каин вернулся. Нам нужна Клятва на крови.

— Черт, — бросает он, натягивая обратно джинсы на бедра. — Черт!

Волшебный момент рассеивается, словно пыль в воздухе. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Покальвание в ногах и руках начинает проходить, а огонь сменяется ледяным холодом. Я отворачиваюсь от Легиона, стыдясь своей наготы, и пытаюсь натянуть обратно футболку на груди.

— Эй, — его голос мягкий, извиняющийся. — Я должен...

— Знаю, — киваю я, все еще отводя взгляд. Всего несколько секунд назад я лежала

перед ним, обнажив себя, умоляя попробовать и почувствовать его. А сейчас я даже в глаза смотреть ему не могу.

Я слышу шелест одежды, пока он приводит себя в порядок. Когда слышу, как Легион направляется к двери, то, наконец, сажусь.

— Ты должна быть там.

Я качаю головой, демонстрируя ему свою обнажённую спину.

— Нет. А ты иди.

— Я хочу, чтобы ты была там. Клятва на крови — это таинство, но... я просто хочу, чтобы ты присутствовала там.

Я робко смотрю на него через плечо.

— Думаю, что это плохая идея.

— Тебе решать. Но, если бы ты захотела... если бы позволила мне разделить эту часть меня с тобой, для меня бы это многое значило. Я хочу, чтобы ты увидела меня.

И я понимаю, что именно он хочет сказать этим.

Он нёс тяжесть тысячи потерянных душ на протяжении веков, в надежде искупить свои грехи. Вот что люди видят, когда смотрят в эти, притягательные серебристые глаза. Вот что они думают, когда слышат его имя. Но он не такой. В нём есть не только не это. Легион просто никому не позволял увидеть другую его сторону.

"Я Ад на Земле, Иден. Но это не значит, что я хочу этого".

Может быть, именно таким способом он хочет открыть и показать мне себя тем, кем он хочет быть. Может быть, это его первый шаг.

— Хорошо.

Один раз кивнув, он кладет руку на дверную ручку.

— Хорошо. Я жду тебя в коридоре.

Я понятия не имею, что собой представляет Клятва на крови, но это кажется чертовски пугающим. Я, вероятно, должны была спросить, во что снова ввязываюсь, но была слишком сбита с толку интимным моментом, который мы разделили.

До сих пор, если честно. В одну минуту мы сражаемся за наши жизни, а в следующую уже срываем одежду друг с друга. Я не понимаю его. Большинство дней он ведет себя так, как будто терпеть меня не может.

Но есть дни, когда он добрый и ласковый. Как тогда, когда обнимает меня во время кошмаров.

И после вечеринки у Наблюдателя... как он прижимался к моей заднице и сказал, что пока целовал Айрин, представлял на ее месте кого-то другого.

И как он рассказывал историю о его татуировках, и особенно та, когда он потерял крылья.

По крупицам он показал мне, кем является на самом деле, а я была слишком занята, противостоянием ему, чтобы увидеть это. Итак, какова бы не была кровавая Клятва, я буду стоять рядом. Это самое меньшее, что я могу сделать, учитывая все, что он сделал для меня.

Учитывая все, что он значит для меня.

Я быстро одеваюсь и выхожу в коридор. Легион стоит, прислонившись к двери напротив лазарета — двери, как сказал Феникс, которая ведет к хранилищу.

— Готова?

Нервно улыбнувшись, я пожала плечами.

— Как никогда.

Он открывает дверь, и первое что меня поражает так это запах. Выжженная земля и палёное дерево, и какие-то благовонья. Единственным источником света в огромном пространстве являются свечи, которые отбрасывают золотое сияние с разных точек комнаты.

В центре комнаты полукругом стоят остальные члены Се7мерки в ожидании своего лидера. Легион кивает мне и оставляет около входа, а сам делает шаг вперед и завершает петлю вокруг большой, запечатленной в полу, звезды.

Пентаграмма. Святое дерьмо, это сатанинский ритуал.

— Это не то, что ты подумала, — говорит Легион, прочитав беспокойство на моем лице.

Я киваю, но не смею сделать шаг ближе. Теперь, когда мои глаза приспособились к тусклому свету, я оглядываю комнату. Высокотехнологичные тренажеры стоят на противоположной стороне в комплекте с подвешенными к потолку тяжелыми грушами.

На другой стене висят мишени, некоторые изрешечены. У них здесь есть оружие.

Как? Я имею в виду, да, комната огромная, в два раза больше общей спальни. Но как люди не слышат звуки стрельбы с улицы?

По той же причине, почему кричать было бесполезно, когда меня привезли сюда впервые.

Все звуконепроницаемое. Черт, не удивлюсь, что есть какое-нибудь заклинание, которое сдерживает шум.

— Начнем, — призывает Легион. Я чувствую взгляды других на себе, они сомневаются в моем присутствии.

Без сомнения, Каин в бешенстве. Но Легион игнорирует их и подходит к маленькому столбу у стены. Красная декоративная подушка лежит на нем, а сверху на ней кинжал.

С почтением Легион осторожно берет кинжал в ладони. Рукоять кинжала украшена мерцающими красными драгоценными камнями, которые кажется, пылают от прикосновения Легиона.

Он встал между Фениксом и Каином.

— Клятва на крови показывает единство Се7мерки, — заявляет Легион, в его голосе слышится древний акцент. — В этом мы едины, поскольку наша цель единственная. Наша жертва — кровь, олицетворяющая жизни, которые мы должны забрать, чтобы спасти тех, кто не может спасти себя от несправедливости. Это усиливает нашу связь и нашу решимость. В этом кругу мы принимаем единую сущность.

С этими словами он режет кинжалом открытую ладонь, и густая кровь капает на пол. Ли передает кинжал Фениксу, он делает то же самое, а затем они берутся за окровавленные руки.

Рядом с Фениксом стоит Лилит. Она забирает у него кинжал и не только режет себе руку, но и Фениксу тоже, прежде чем сжать его руку.

Дальше все происходит по кругу, до тех пор, пока кинжал снова не возвращается к Легиону, Каин отпускает почести, режет себе обе ладони, после чего возвращает кинжал обратно на подушку.

Затем Каин возвращается, оставляя за собой кровавый след, чтобы взять лидера за руку.

И затем я чувствую странный запах.

Их кровь... движется. Стекается к центру. Она буквально скользит, одновременно создавая большой темно-красный бассейн.

Се7мерка начинает напевать — на языке, который я никогда не слышала и, наверное, о

котором никто не знал — в унисон. Начиная с низкого ропота, они увеличивают тембр, громкость и скорость. Выкрикивая мифические слова и магические заклинания, они вызывают сильный, холодный ветер, который раздувает мои волосы и от которого по коже бегут мурашки.

Я отхожу назад, насколько могу, пока не врезаюсь в кирпичную стену. Пение достигает своего апогея, и с диким, почти животным визгом — возможно, это звук издала я или кто-то другой — свечи вспыхивают огнем.

Тишина. Тишина, которая присутствует только в смерти.

Внезапно, комнату охватывает огонь, свечи вспыхивают злым пламенем. И то, что свет показывает, чертовски меня пугает. Я больше не вижу Семерки. Я вижу зло.

Оставаясь на месте, они превращаются в чудовищ. Монстров. Рогатых, краснокожих существ со светящимися глазами, которые мучают вас в ночных кошмарах и преследуют в часы бодрствования.

Они мерцают, словно явление — простые вспышки призраков, которые пытаются закрепиться на этом уровне. Однако, это нечто самое ужасное, что я когда-либо видела, и мои легкие разрываются от крика, который чужд даже моим ушам.

Их голоса, на это раз мрачные и бесчеловечные, заглушают мои крики, и они остаются неслышанными.

Головы монстров продолжают мерцать, демонстрируя мне вспышки ужасающего зла. Я не могу на это смотреть или зажмуриться, поэтому я приседаю и прячу голову в коленях. Мои джинсы влажные от слез, а тело скованно страхом. Я не могу убежать, даже если бы могла.

Я думала, что знала страх перед лицом бедного, проблемного ребенка, который родился и вырос в опасной части Чикаго. Как я ошибалась.

Минуты, может быть, часы, хотя мне кажется, что время остановилась, но я точно не уверена. Я слишком напугана, чтобы поднять голову. Что, если они всё ещё там, стоят в своих истинных формах и ищут человека, которым можно бы полакомиться?

Теплая рука касается моего плеча, и я кричу, отбиваясь руками. Легион осторожно хватает меня за запястья и притягивает к груди.

— Шшш. Это я, хлопущка. Это я.

Я не перестаю с ним бороться, потому что знаю, что это он. И что он... действительно Ад на Земле.

Но Легион не прекращает обнимать меня, не прекращает успокаивать словами. Он показал мне, какой на самом деле и я не могу справиться с этим. Я больше не вижу в нем того сильного, стойкого и прекрасного воина.

Я могу принять убийцу, окутанного легендами и тайнами. Но не знаю, достаточно ли я сильна, чтобы принять это. И это истинная причина моих слёз.

Он прижимает меня к груди, пока мои крики не превращаются в рыдание, и я оседаю в его руках, больше не отталкивая, а наоборот прижимаясь еще плотнее.

— Мне очень жаль, — шепчет он мне в волосы, целуя дыханием сбитые локоны — Я не хотел тебя пугать.

— Тогда зачем? — мой голос охрип от крика.

Легион поднимает мою голову за подбородок, чтобы я встретила с ним взглядом. Его глаза наполняет сила, которую я не могла себе представить в самых мрачных ночных кошмарах. Я изо всех сил стараюсь не отвести глаз.

— Я хотел, чтобы ты меня увидела и всех моих демонов. Так же, как я вижу твоих. Ты хочешь мужчину, но захочешь ли ты монстров, живущих в нем?

Я не отвечаю ему.

У меня просто нет ответа.

Истощение приходится двоюродной сестрой страху, и когда я перестаю плакать, мне кажется, что я не в силах открыть глаза.

Легион по-прежнему занят делами Се7мерки, а я не могу представить, что усну после проведенной ночи, но все же засыпаю сразу же, как только падаю на кровать.

Однако усталость не справляется с кошмарами. А учитывая то, что увидела — почувствовала — кажется, делает кошмары более яркими.

— Дорогая Сестра, — мурлычу я, пропуская через свои окровавленные пальцы ее локоны. — Знаешь, это скоро закончится. Просто скажи то, что я хочу услышать, и все исчезнет.

— Зачем ты это делаешь? — плачет она — Зачем причиняешь боль всем этим невинным людям?

— Причиняю боль? — смеюсь я. — Я никого не трогаю, Сестра. Это ты, ты все делаешь.

— Нет, — она качает головой, а слезы скатываются по испачканным кровью щекам. — Ты ведь знаешь, что это ты делаешь. Как ты можешь быть такой злой?

— Злой? — снова злобный смех вырывается из моей глотки. Я наматываю волосы Сестры на кулак и резко тяну назад, теперь наши лица разделяют лишь несколько дюймов.

Сестра старается вырваться из моей хватки, но она в полной власти моего гнева. Закипая от презрения, я оскаливаюсь и шепчу ей на ухо:

— Ты еще даже не видела зла. Пока что.

В это время по комнате раздаются шаги, от звука которых влага собирается между моих обнаженных бедер. Грязной рукой я скольжу вниз по животу, чтобы поласкать себя.

— Ммм. Как раз к финалу.

Я поднимаюсь на ноги, давая ему полный вид на мою задницу. Прерывисто дыша, я пылаю для него. Когда он прижимается сзади, из груди вырывается всхлип.

— Мы весело проводим время? — напевает он, едва задевая кончиками пальцев моего плеча.

Я дрожу, чувствуя его прикосновения по всему телу, они как лапки тысячи пауков.

— Да, Хозяин, — с придыханием отвечаю я.

— Хорошо. Продолжай. — Он шагает по промозглой комнате и прислоняется к серой цементной стене.

Я перевожу свой порочный взгляд на милую девушку с оттенком кожи поджаренного зефира и темными, кудрявыми волосами. Сестра.

— Укуси её.

Сестра смотрит на рядом, истекающую кровью, девушку. Девушку, которую я заставляла Сестру бить, жечь, резать и трахать в течение последнего час.

Удивительно, что она все еще в сознании, хотя... едва ли. Человеческая воля — такая красивая вещица. Сильная, но очень податливая. Особенно, когда сломанная.

— Пожалуйста, — рыдает она. — Прошу, не заставляй меня.

— Кусай ее за грудь до тех пор, пока не почувствуешь вкус крови на языке, — приказываю я.

— А затем укуси за другую. А пока ты кусаешь, трахай ее пальцем. Ей понравится. Используй всю руку.

Как грустная, рыдающая марионетка, Сестра наклоняется вперед и прижимается ртом к левой груди девчонки. Ей и восемнадцати не дашь, но тело у нее потрясающее. Тело, которое мне нравится калечить.

Молодая девушка кричит от мучительной боли, когда Сестра рвет зубами ее кожу, пока пальцем ожесточенно водит в ее вагине.

Ей стоило бы поблагодарить меня. Это лучше, чем тот черенок от метлы, которым, по моему приказу, Сестра её раньше трахала.

Они обе плачут и кричат в агонии, но их заглушает звук моего собственного маниакального смеха. И когда мой хозяин подходит и толкает меня на колени, не удержавшись, я, просто стенаю, когда он обнажает свой толстый член и грубо пихает мне в горло...

Сирены стихают в темной спальне и мне страшно.

Тьма и жар охватывают мое дрожащее тело, превращая кошмар в несвязную реальность. Сирена звучит, как мой хриплый голос, и как только я делаю глубокий вдох, все смолкает. Я трогаю лицо руками, пытаюсь вытереть кровь, но ее нет. Слезы. Я плачу.

И жар, который успокаивает меня, исходит от него.

— Я с тобой, Иден. Это просто сон, детка. С тобой все в порядке.

Легион.

Его руки, как якоря, возвращают меня в безопасность его постели. Слова, как бальзам, успокаивают мою растерзанную душу.

Я прижимаюсь к нему сильнее, в надежде, что он сможет поглотить мое беспокойство. В ответ, Легион тянет меня к себе на грудь так, что я теперь сижу верхом на нем.

Я чувствую себя такой маленькой, такой хрупкой поверх его огромного тела. Его серебристые глаза блестят для меня в лунном свете и Легион, кажется, таким смущенным и робким.

Поэтому я наклоняюсь к его лицу и желаю поцелуя в результате похотливого безумства.

Он целует меня, словно мир разрушится на моих губах, мягко, нежно и настойчиво.

Сильные руки обхватывают мою задницу, в таком положении вряд ли моя футболка многое прикрывает.

И я рада этому. Мне нужно чувствовать его непоколебимую силу. Мне нужно знать, что он не исчезнет сквозь пальцы, как всё остальное. Как все остальные.

Я ласкаю твердые, точеные мышцы его груди и живота, веду рукой вниз до тонких пижамных штанов. В этот раз я не остановлюсь.

Я продолжаю спускаться вниз до вьющихся волос вокруг его толстого основания. Дрожь сотрясает Ли, но он продолжает целовать меня, все глубже проникая языком.

Ощущать жар его тела и желание невыносимо мучительно, поэтому я разрываю поцелуй, чтобы снять с себя футболку.

Легион обхватывает мою грудь руками и от воспоминания того, как он ласкал их ртом, с моих губ слетает тихий стон.

Он тоже помнит и, усевшись достаточно далеко, Легион всасывает сосок в свой влажный рот. Я громко стенаю, желая ощутить его губы на всем дрожащем теле.

Я больше ни секунды не могу ждать. Мне нужна его боль внутри. Нужно дрожать от чего-то другого, помимо страха и гнева. Стереть все эти кошмары, наполняясь им.

Я спускаю его штаны до колен, обнажая твердую, гордую длину.

Он огромен, но я желаю его. Я хочу, чтобы он медленно, разорвал меня на части. Возможно, именно от этого мне станет лучше.

Возможно, мне нужно потянуть, распутать струны моего хрупкого здравомыслия и обнажить его перед ним. Возможно, он смог бы увидеть красоту моего хаоса.

Я сказала себе, что мне необходимо попробовать его, но прямо сейчас, с ним, таким горячим и пульсирующим в моей ладони, я не могу себе представить, что не впускаю его в ту часть меня, которая горит для него.

Не желая терять связь с его языком и зубами на моих сосках, я приподнимаюсь и упираюсь ланом в его головку. Эти звездные глаза встречаются с моими.

— Ты уверена?

Я киваю.

— Более чем когда-либо за долгое время. А ты?

На секунду в его глазах появляются мрачные эмоции, после чего он кивает.

— Да. Я так долго... очень долго... ждал тебя.

И на этом, изогнув бёдра и сделав глубокий вдох, Легион срывает с меня трусики. И, положив руки мне на талию, чтобы подтолкнуть, он скользит внутрь меня.

Мы оба задыхаемся от ощущения, которое я никогда в жизни не испытывала.

Мое тело с жадностью всасывает это палящее вторжение, умоляя проглотить его целиком.

Требуется несколько толчков, чтобы Легион полностью вошел в меня. Я могла бы просто сидеть и ждать кульминации. Мне не пришлось бы даже двигаться.

Просто ощущать эйфорию от того как наши тела связаны между собой самым интимным способом было бы достаточно.

Но там, где Легион колебался — почти сопротивлялся — раньше, он изо всех сил компенсирует это. Обхватив меня за бедра, он движется внутри меня, медленно, глубоко и волнообразно.

Плавно и эротично двигаясь, он задевает самые чувствительные места. Словно он танцует, поворачивает бедрами, сжимает задницу, создавая восхитительное трение против моего набухшего клитора.

И как только, оргазм начинает змеей ползти вверх по моему позвоночнику, Легион не нарушая ритм, переворачивает меня на спину.

Он закидывает мою ногу себе на плечо для более глубокого проникновения.

Я разбиваюсь на тысячу осколков, от спазмов в моём лоне, вызывающих внезапный поток удовольствия, который затрагивает нас обоих. Я уже давно такого не испытывала, но черт... он воздерживался в течение века.

И, тем не менее, он по-прежнему продолжает. Все еще двигаясь к оргазму, который, безусловно, будет неизбежным.

И когда его спина напрягается, Легион дрожит и набухает внутри меня, с пылким уничтожающим взглядом, он толкается вперед бедрами, ревя на луну и наполняя меня до краев каждой унцией своей жестокой красоты.

— О. Мой. Бог, — тяжело дышу я и смотрю на него в полном изумлении.

Коварная улыбка появляется на его губах.

— Даже он сейчас не сможет спасти тебя.

Я не успеваю сделать даже вдоха, как быстро переворачиваюсь на живот, и Легион тут

же входит в меня.

С каждым жестким толчком, он грубо впивается пальцами в кожу моей задницы. Я чувствую, как он грудью касается моей потной спины, когда лежит на мне, удерживая в заложниках своего тела.

— Ты именно этого хотела, да? — шепчет он мне в ухо. — Увидеть мою тьму. Как она растекается внутри тебя, оскверняет тебя. Ты хочешь мой грех, Иден? Теперь он твой.

Я едва дышу сквозь приглушенные стоны, не говоря уже о том, чтобы ответить. Я кусаю подушку, чтобы не закричать.

— Что случилось? — мурлычет он, словно беспощадный камышовый кот. Я чувствую, как он кусает меня за заднюю часть шеи, подбородок, горло, шею.

Я извиваюсь под ним.

— Не нравится быть помеченной злом? Я говорил тебе, хлопущка. Я слишком долго ждал тебя, чтобы сейчас позволить уйти.

И как любая рационально-мыслящая женщина, я должна бояться его злого тона, но он лишь побуждает мое тело обернуться вокруг него, сжимая его грех и умоляя о большем.

— Да, вот так, — стонет он. — Удерживай меня. Чувствуй меня. Я хочу жить и умереть глубоко внутри тебя.

Я буду держаться, как можно дольше, наслаждаясь ярким пламенем, который он разжигает между моих бедер.

Но каждый удар — это как поцелуй смерти, и чем сильнее я сопротивляюсь, тем ближе подхожу к кульминации. Его вес, его размер... сокрушают меня, но все же делают целой. Я еще никогда не чувствовала себя такой крепкой в его руках, такой сильной.

Даже зная, что он разрушает меня изнутри.

— Легион, — молю я, чувствуя, как оргазм все ближе подбирается. Он ускоряет свой ритм, уговаривая мое тело, словно заклинатель змей.

— Не сопротивляйся мне, — шепчет он. — Охота, лишь больше разожжет во мне желание.

Его дразнящие слова, как эротический эликсир. Я чувствую себя пьяной, голова кружится от накала страсти, но есть нечто большее, что лежит между нашими влажными и тяжело дышащими телами.

Что-то глубокое, что я раньше никогда не чувствовала. И каждый раз, когда он толкается внутри меня, это чувство копает глубже, связывая себя с моей плотью и проникая в мою кровь. Наполняя мое сердце.

Я не хочу этого ощущать, но чем больше сопротивляюсь Легиону, тем глубже ощущаю, как он заражает мою душу. Я дрожу с головы до ног, взывая к пощаде.

Легион слышит мои крики и резко ставит на колени, широко раздвигая мне ноги.

Когда он жестко входит в меня по самые яйца, с силой способной разорвать меня пополам, я кричу и неудержимо сотрясаюсь. Он скользит рукой между моих бедер, чтобы продлить оргазм, посылая меня через шторм извилистого удовольствия. Я влага и тепло. Я блаженство и боль. Я Рай. Я Ад.

Сжимая мои волосы в руках, он снова кончает, вскоре после меня, выпуская свой сладкий грех. Упав на кровать в смятые простыни и разбросанные подушки, мы тяжело дышим. Молчание опускается на нас, как утренняя роса.

Я и Легион поворачиваемся и теперь лежим лицом друг к другу. И в свете вечерней зари улыбаемся.

— Что такое? — спрашивает он, его голос хриплый, но все же удивленный.

— Ничего. Неужели трудно поверить, что я улыбаюсь, потому что счастлива?

— Да, на самом деле. Не то, чтобы я жаловался.

— Мммм. Мое тело немного запаздывает, но прямо сейчас, я просто... поражена.

— Чему?

Я смотрю, как капля пота скользит по его бицепсу и ловлю ее пальцем.

— Что ты здесь со мной. Что после более сотни лет ты выпускаешь кого-то. Впускаешь меня.

— Думаю, что могу тоже сказать и насчет тебя. — Он убирает выбившийся локон волос с моего лба. — Исключая конечно ту часть про сотню лет.

Я поворачиваю лицо в направлении его ладони и целую ее.

— Некоторые дни, кажутся длиннее. — Я вижу недоумение в его глазах. — Близость всегда давалась мне с трудом. Знать, что кто-то чувствует по отношению к тебе — ощущать их мерзкие мысли, когда ты настолько сильно уязвима — может стать своего рода отказом от интимных отношений.

— Так как ты борешься с этим?

Я пожимаю плечами.

— Напиваюсь в стельку так, что на все становится плевать или до тех пор, пока не смогу установить связь. Для этого мне нужна концентрация. Когда эмоции зашкаливают или в голове туман, мне практически не удается это сделать.

— Хммм, — кивает он. — Возможно, я смогу помочь?

— Правда?

— Да. Мозг, как мышцы. Нам просто нужно поработать над ним.

— А что на счет остального? — спрашиваю я, дерзко выгнув бровь.

— И со всем остальным я тоже могу поработать.

С дразнящими поцелуями и легкими прикосновениями я перекаत्याю Легиона на спину и снова сажусь на него верхом. Он уже твердый, но я хочу продлить этот момент. Это большая редкость увидеть его таким оживленным и щедро дарящим улыбки.

— Скажи мне кое-что. Почему я? Спустия столько времени, почему ты нарушаешь обет ради меня?

Нахмутив лоб, он сжимает челюсть.

Вот, черт. Не стоило спрашивать. Именно тогда, когда мы ломаем серьезную преграду, я открываю рот и напоминаю ему о том, чем он пожертвовал.

Его молчание я принимаю, как сигнал, что пора уходить, но Легион крепко держит меня, когда я пытаюсь слезть с него.

— Я скитался по земле долгое время, а в аду и того дольше. Я нежился в чужой боли и перерождался в разврате, также я познал бесценную милость. Однако за все те годы, я никогда не мог быть тем, кем являюсь — чем являюсь — без предрассудков и преамбул. Люди тянутся к очарованию тьмы, но они боятся её. Они хотят окунуться в нее, но не позволяют тьме сожрать их. Но ты... ты рождена в грехе. Ты создана из этой тьмы. И хотя я знаю, что ты гораздо выше всего этого, но я чувствую себя... как дома. С тобой, в тебе, это заставляет меня вспомнить чувство, что значит быть частью чего-то.

Я смотрю на этого человека... демона... ангела... и слезы наполняют мои глаза.

— Ты можешь быть собой. Только собой. И никем больше.

Нежность в середине ночи. Свиристый защитник. Проблеск игривого флирта. Это все он.

Совсем не тот, кем он должен быть, по мнению остальных. Тем не менее, я все еще далека от понимания.

— Да.

Он несет бремя потерянных душ. Я несу тяжесть своих собственных порочных демонов. Мы разные, но все же мы по-своему родственные души. Как если бы Вселенная или Бог, или другая могущественная сила ждала нас обоих, пока мы найдем друг друга.

Мне больше не нужно спрашивать его. Я встаю на колени и опускаюсь на его член. И теперь пусть тело говорит за меня. Это медленный, неторопливый обмен, полный хриплых шепотов и мелодичных вздохов.

И когда уже нечего сказать, мы кончаем вместе, переплетая наши пальцы и языки. Изможденная и без сил, я засыпаю прямо на груди Легиона, убаюканная колыбелью его сердцебиения.

Это единственное место на земле, в котором я бы хотела остаться навсегда.

* * *

Когда я просыпаюсь, после короткого сна, я смотрю вверх и вижу, что Легион наблюдает за мной с легкой улыбкой на лице. Он совершенно по-другому выглядит при дневном свете — более уязвимым. Это самое красивое зрелище, которое я когда-либо видела.

— Когда ты вот так смотришь на меня, то я могу увидеть в тебе ангела, — шепчу я хриплым от сна и секса голосом.

— Правда?

— Да. Но я также могу увидеть, что ты очень, очень плохой мальчик.

Он смеется, и вибрация от его груди щекочет мои обнаженные груди.

— Только когда меня провоцируют.

— Учитывая, что я чувствую, как в меня сзади что-то упирается, я думаю, что каким-то образом спровоцировала тебя.

Он проводит пальцами по моим волосам, а затем гладит спину, посылая мурашки вдоль позвоночника.

— Ты провоцируешь меня каждый день. Просто, потому что дышишь. Просто из-за того, кто ты.

На затекших и шатких руках, я поднимаюсь на локти.

— Я должна была догадаться. Мне кажется, я притягиваю плохих парней.

— Приятно слышать.

— Да? — мурлычу я, прижимаясь задницей к нему.

— Мммм, — стонет он. — Тебе лучше остановиться или мы никогда не вылезем из постели.

— Как по мне, то звучит неплохо. — Еще один толчок и вращение бедрами.

— По мне тоже. Я ничего больше не хочу, как провести весь день внутри тебя. Но... — Он виновато смотрит на меня, отчего кажется почти человеком. — Серафимы в городе и значит, что они чего-то хотят.

— Понимаю, — произношу я, подавляя укол разочарования.

— Но я хотел бы взять тебя кое-куда. Сегодня вечером. Ты будешь ждать меня? -

Его искренний вопрос кажется странным, словно в нем присутствует скрытый смысл,

который я не могу расшифровать.

— Конечно, — искренне отвечаю я. — Когда тебе нужно уйти?

— Через час. Я хотел дожидаться, когда ты проснешься.

— Через час, да? — Я соблазнительно прикусываю нижнюю губу. — Как скоротаем время?

Серебристые глаза Легиона мерцают злым блеском.

— Не знаю. Есть какие-нибудь идеи?

— Есть парочка.

С этими словами, я сползаю вниз по его телу и обхватываю руками мощные бедра, а затем вбираю его в рот настолько, насколько могу. Легион громко и без всяких стеснений стонет, намотав на кулак мои спутанные волосы, он подается вперед бедрами навстречу моему языку.

На вкус он даже лучше, чем я себе представляла.

Все идут с Легионом, чтобы встретиться с Серафимами, за исключением Лилит, которая решает остаться и составить мне компанию. Не могу отрицать, что рада этому, особенно учитывая то, что произошло ночью.

И этим утром. И в душе пятнадцать минут назад. Я знаю, что ничем не могу с ней поделиться — не то, чтобы хотела — но я чувствую себя так замечательно, что совсем не помешает женская компания, даже если все это ложь.

Даже если ее специально подослали со мной подружиться. Все-таки я скучаю по ее дружбе, да и просто по общению с другой девушкой. Я скучаю по сестре.

Лилит казалось взволнованной от предстоящего девичника, и поэтому она практически выталкивает парней за дверь. Я едва успела пожелать Легиону удачи.

Я хочу сказать больше — сделать больше — но знаю, что это плохая идея. Я построила жизнь на фундаменте из тайн. Сейчас не время, чтобы ворошить этот склеп.

— Итак, я спланировала кучу дел для нас! — радостно заявляет она. — Маникюр, педикюр, мороженое, кино — полный набор!

— Серьезно! — Не могу скрыть то, как меня от услышанного передергивает. — Тебе не стоило все это делать для меня. Кроме того, твои ногти идеальны. — Трудно поверить, что в жизни эта девушка участвует в боях.

— Ну а твои нет.

Знаю, что она не со зла, но все же она права, и... ауч.

— Ладно. Куда ты меня поведешь? — вздыхаю я. Сопротивляться ей бесполезно.

Лилит от радости хлопает в ладоши.

— Следуй за мной!

Мы проводим большую часть дня в ее спальне, которую она превращает в самый настоящий салон красоты.

Лили сделала мне маникюр и педикюр, покрасила волосы в более глубокий цвет (в чем я очень нуждалась) и исправила линию бровей, и все это потягивая шампанское.

На заднем фоне играет классика *Girl Power*, так же *Legally Blonde* и *Mean Girls*, пока Лилит играет в куклу Барби в натуральную величину. То как она наслаждается каждой секундой, определенно помогает мне потеплеть по отношению к Лилит. Теперь я понимаю, почему она была так взволнована.

Каждый день она находится в окружении мужчин, без реальной связи с внешним миром. Возможно, она скучает, по нам так же, как я. Может быть, не все было ложью.

— Могу задать тебе вопрос?

Лилит снова наполняет наши бокалы жидкостью с розовыми пузырьками.

— Конечно.

— Ты когда-нибудь... не знаю. Ты встречалась с парнями?

— Ты имеешь в виду, спала ли я с кем-то из Се7мерки?

Я краснею от чувства вины, и делаю глоток.

— Нет. Мы слишком близки для этого. Ты видела Клятву. Обмен кровью — это святое. В их глазах я сестра. Ближе, даже.

В этом есть смысл.

— А с другими парнями?

— У меня были любовники, — пожимает она плечами. — Бесчисленное количество. Но без обязательств. Трудно совмещать с моим видом деятельности, и я не люблю лгать. Это было самое трудное, когда я встретила тебя. Я знала, что ты та за кем я должна присматривать, и я ненавидела то, что приходилось обманывать тебя.

Понимая, я киваю. Она сделала то, что должна была, и я не могу винить ее за это. Я не могу предъявлять к ней претензии, учитывая, что простила Легиона за участие во всем этом.

— Я понимаю, — отвечаю я ей.

— Правда?

— Да. Я всю жизнь притворяюсь. Не потому, что хочу обмануть людей, а потому что хочу защитить. И честно говоря, все это делаешь и ты. Ты и Се7мерка. Даже Каин, хотя он меня и ненавидит. Было бы, наверное, в тысячу раз хуже, если бы русские в ту ночь схватили меня, или Альянс. Так что... спасибо.

Лилит улыбается и отводит взгляд, но я успеваю увидеть в её глазах слезы. Я не особо хорошо знаю, что нужно делать в такие моменты, поэтому просто даю ей время прийти в себя и молюсь, чтобы это случилось побыстрее.

— Итак, как Колорадо-Спрингс? — спустя несколько минут спрашивает она, и осторожно проводит пальцем под глазами, чтобы не растереть тушь.

— Хорошо. Странно, но хорошо. — Я слегка хмурюсь.

Даже с их сумасшедшими фокус-покусами, мне очень понравилась встреча с семьей Скотос. Даже с пророчеством о моей злой судьбе, которой мне не избежать, но я не собираюсь говорить Лилит об этом. Не тогда, когда в собственной голове это еще не уложилось.

Я рассказываю ей о великолепии Бродмура, и его пышной, зеленой земле и умеренной температуре.

— Стихийная магия, — поясняет она. — Не удивительно, особенно учитывая тот факт, что на них работает Светлый Чародей.

— Все равно, это было удивительно. Я раньше никогда не покидала Иллинойс. И увидеть скалистые горы и открытые земли равносильно тому, что побывать на другой планете.

— Ты никогда не покидала свой штат? — Лилит выглядела ошеломленной, словно я сказала ей, что нюхаю ради развлечения сахарную пудру.

Я пожалала плечами, игнорируя румянец от смущения на щеках.

— Не было денег на путешествия. Я всегда хотела, но ты знаешь, как это.

— Ну... надеюсь, мы сможем вскоре изменить это. — Она лучезарно улыбается и сжимает мою руку.

Оставшейся день мы проводим, поедая ее заначки всякой еды и мороженое для гурманов. Должна признать, что между фильмами и макияжем, я весело провожу время.

Никаких разговоров о кошмарах или обреченности. Мы даже не упоминаем ее демоническую форму во время Клятвы на крови.

И как ни странно, как и Легиона, я не вижу ее каким-то клыкастым, рогатым, краснокожим зверем.

И для разнообразия, так чертовски приятно, просто делать вид, хоть даже полдня, что мы обычные девушки.

Остальные члены Се7мерки с мрачным видом возвращаются после наступления темноты. Не говоря ни слова, они расходятся кто по комнатам, кто в укромные уголки дома.

Каин и Тойол остаются в гостиной и садятся за видеоигры, бормоча что-то о грядущем дерьме. Феникс уходит почитать. Андрас, Лилит и Джин готовятся к патрулированию. А Легион... Легион ничего не говорит.

— Эй, — говорю я ему в спину. Он направляется прямо в спальню, не проронив ни слова, идет к запертому шкафу, который я заметила, когда была здесь в первый раз. Легион молчит, поэтому я продолжаю говорить, просто чтобы заполнить неловкое молчание.

— Как прошла встреча с Серафимами?

— Хорошо.

Он достает ключ из кармана брюк и отпирает дверцу — это не шкаф — а арсенал. Подсвеченное флуоресцентными лампами оружие разного калибра и размера с гордостью весит на каждой стене.

Здесь есть и другие виды оружия: ножи, мечи, арбалеты и множество смертоносных приспособлений. Небольшой участок отведен для боевой одежды и обуви.

Неудивительно, что он держал его запертым. Даже без особых навыков, я могла бы нанести серьезный урон, если бы получила доступ. Все еще могу, но он доверяет мне. Он впустил меня и от этого его отчужденность, жалит меня гораздо меньше.

— Что-то не так? — наконец-то, я спрашиваю, переминаясь с ноги на ногу. Я ненавижу, что чувствую неуверенность. Ненавижу, что весь день прихорашивалась, чтобы ему понравиться. Ненавижу, что мне не наплевать.

— Нет. Просто... — тяжело вздохнув, Легион потирает затылок, после чего снимает свою шапку. Та же шапка была на нем, когда он пришел в мой магазин. Боль от воспоминаний эхом звенит в моей груди.

— Да брось, Ли. Я не хочу, чтобы между нами были секреты. Особенно если это как-то связано со мной, я имею право знать.

Он еще раз глубоко вдыхает, прежде чем посмотреть на меня.

— Серафимы не только знают, что ты у нас, они так же знают про Прыгуна.

Адриэль. Это из-за Адриэль.

— И что это значит?

— Это значит, что они тебя тоже хотят. Насколько сильно? Не знаю. Может быть достаточно, чтобы снабдить демонов ангельским ядом, хотя такое преступление прямая дорога к изгнанию. Поэтому, естественно, они все отрицают.

— Думаешь, они способны лгать? Я имею в виду, они же ангелы.

— Это ничего не значит, Иден. Величайшее зло, которое только когда-либо существовало, в прошлом было ангелом. Я когда-то был ангелом. И ты видишь, где я оказался. В ловушке между двумя мирами, опозоренный и изгнанный.

Я делаю шаг ему навстречу и кладу руку на плечо. Когда он не отходит и не убирает мою руку, я подхожу ближе.

— Неважно, нет определенного слова или названия, или какой-то старой легенды, которые дадут определение кто ты... что ты. Ты способен проявлять доброту, ты честен и справедлив. И ты показал мне все это, той кто не заслуживает такой милости. Верь в себя.

И ты показал мне все это, той кто не заслуживает такой милости. Верь в себя.

Кивнув один раз, он отводит взгляд. Когда Ли не поворачивается ко мне, я говорю:

— Эй, мы можем никуда не ходить сегодня вечером, если ты не хочешь.

— Нет. Я хочу. — Он отходит от меня и перезаряжает оружие.

— Сегодня вечером полнолуние и я не хочу пропустить его. Кроме того, ты терпела Лил целый день. Я не завидую тебе, но должен сказать результат меня впечатлил.

Легион смотрит на меня так, что у меня дрожат коленки, его ярость меняется на что-то более чувственное. Я нервно касаюсь волос.

— Ты заметил?

Копируя мое действие, Легион касается моих волос, накручивая себе на палец.

— В тебе я замечаю всё, Иден. Когда ты уже поверишь мне?

Потупив взгляд в пол, я краснею, как глупая школьница. Его горячее прикосновение исчезает, и я чувствую, что он делает шаг назад.

— Тогда до вечера.

Я киваю.

— До вечера.

— Хорошо. Давай посмотрим, смогу ли я тебя еще впечатлить.

Как будто он за последние двадцать четыре часа не впечатлил меня, Легион подмигивает и покидает комнату.

* * *

Большинство девушек надеются на ужин или кино. Но думаю, что Легион предпочитает совершенно другой тип свиданий. К его счастью, я тоже.

Мы едем по городу под покровом ночи, мимо проносящихся машин и пешеходов, как ползучая черная змея.

Мы провели много времени в Ягуаре, но после вчерашней ночи теперь все по-другому. Более интимно.

Словно электрический ток, который течет между нашими телами и пронизывает кровь неоновыми искрами.

Интересно, он это тоже чувствует? И как бы отвечая на мой невысказанный вопрос, Ли с шипением сквозь зубы выдыхает и плотно сжимает челюсть. Либо Легион разозлился, либо завелся, как и я. Надеюсь, что последнее.

— Мы приехали, — объявляет он, подъезжая к ветхому зданию. Я была настолько поглощена его присутствием, что даже не заметила, как мы приехали в Саутсайд.

Не просто в Саутсайд. Это мой район. Мой дом. Черт, мы с Сестрой жили здесь раньше.

Боль поднимается от внутренностей к горлу, когда я вспоминаю смех и слезы, которые мы разделили в этих стенах. Я помню, как свет и любовь сестры когда-то заполняли крошечную квартирку и превращали ее в дом.

Это все что мы могли себе позволить, пока она училась в школе медсестер, и хотя она добилась многого, чтобы двигаться дальше, Сестра не хотела оставлять меня. Я бы не позволила ей помогать мне финансово, и она сохранила мою гордость.

Хотя я едва могла покрыть и половину расходов на аренду, она никогда не обижалась на меня.

Я даже не заметила, что Легион вышел из машины и открыл мою дверь.

— Зачем ты привез меня сюда? — шепчу я, мои слова заглушает вой сирен и гангстерский рэп в мимо проезжающих машин.

— Потому что я хочу тебе кое-что показать. Это не займет много времени.

Кивнув и протянув ему руку, я позволяю Легиону вывести меня из машины. Встав рядом с ним, он не отпускает моей руки, да и я тоже. Не отпускает и тогда, когда мы идем через ветхий вестибюль.

Не отпускает, пока мы поднимаемся на лифте на крышу. Пока выходим на улицу, ощущая холодный воздух, который бьет по щекам.

Он держит меня за руку, предлагая тепло и уют, словно знает, как мне тяжело находиться здесь. Это было совсем недавно, но это место кажется далеким воспоминанием.

— Пустой и заброшенный, — шепчу я.

— Я купил здание и заплатил жильцам. Щедро заплатил, — смущенно пожимает он плечами. — Дом действительно не пригоден для жилья. Предложение покинуть здание приняли все восторженно.

— Бьюсь об заклад. Это место — адская дыра, — замечаю я, ирония слов не ускользает от нас, и мы тихо смеемся.

— Но это был твой дом.

— Был. Но без Сестры, это как любая хреновая свалка в городе.

Кивнув, он шагает на карниз и смотрит на огни Чикаго.

Я следую за ним, наблюдая за наркоторговцами и проститутками, на их обычных местах, которые я знала. У наркопритона через улицу по-прежнему был непрекращающийся поток клиентов.

А Вилли, пьяный жилец, по-прежнему шатается в грязном плаще с наполовину пустой бутылкой дешевого рома.

Когда-то это был мой дом. Но теперь все это похоже на чужую жизнь, которая разыгрывается в классическом фильме о трущобах в любом городе США.

— Я провел много дней на этой крыше, пока ты спала в своей кровати. — Легион говорит со мной, но не сводит глаз с раскинувшейся перед нами сценой.

— Я наблюдал за тобой, слушал твои крики сквозь тонкие стены, желая спасти тебя от ужасов твоих кошмаров. Никто не пытался тебе помочь, даже если слышали тебя и от этого меня тошнило.

У меня просто нет слов, чтобы сказать ему, что здесь это в порядке вещей.

Люди не задавали вопросов, которые не касались их. Все они знали, что я просто сумасшедшая, которая все держит в себе.

Наркотики, алкоголь, психические заболевания, насилие в семье... у всех были собственные проблемы.

— Мы не могли вмешиваться, до тех пор, пока точно не узнали, что ты та самая.

Та самая. Маленькая зверюшка Люцифера. Девушка, которая развяжет ад на земле.

— Ты сказал, что хочешь что-то показать мне, — говорю я, желая уйти от разговора обо мне или пророчестве. Я все еще не могу переварить его.

— Я говорил, что у меня есть определенные способности, которых я лишился на земле. То, что осталось у меня, лишь малая часть того, на что я способен. Но все же... это может быть впечатляющим.

— Что ты можешь?

Легион, наконец-то, смотрит на меня. Сейчас его глаза блестят ярче, чем луна и звезды вместе взятые.

— Позволь мне показать тебе.

Он поднимает ладонь и... ничего не происходит.

Я ожидала свечения, искр или огня, но ничего.

Через несколько секунд я слышу отчетливый звук крыльев. Я не вижу их всех, но слышу. Их трудно не услышать. Десятки, а может быть, сотни птиц закрывают небо, направляясь в нашу сторону.

На несколько секунд они закрывают собой полную луну, закрашивая ее в мерцающую черноту. Мой первый инстинкт — пригнуться, но Легион успокаивает меня, говоря, что все в порядке.

— Они не причинят тебе вреда. Они мои глаза и уши, мои маленькие, крылатые послы.

— Ты разговариваешь с ними? — удивляюсь я, когда крылатые создания всех форм и размеров дождем спускаются с неба. Легион прав, они не беспокоят меня. Словно они все под контролем.

— Да, но не так как ты думаешь. Я не чирикаю или пою, хотя мне сказали, что я неплохо горланю Highway to Hell (прим. песня AC/DC "Шоссе в ад").

Я громко смеюсь, прикрывая замерзшей рукой рот.

— Да чтоб я сдохла! Легион, ты же шутишь?

С забавной улыбкой, он пожимает плечом.

— Возможно. Ты же не думаешь, что я все время был огнем и серой?

— Нет. Совсем нет. Просто приятно видеть тебя таким. — Я улыбаюсь зверю, который наблюдал, как я сплю на его груди.

Человеку, который смеялся над моей музыкой и вредной пищей, который утешал меня в темные часы. Я никогда не чувствовала себя такой особенной, столь обожаемой, чем, когда я была в его объятиях.

Легион поднимает палец, позволяя маленькой желто-черной птичке сесть на него. Она выглядит такой хрупкой по сравнению с размером и силой Легиона. В одно мгновение он может раздавить ее.

Крошечное существо пищит и стрекочет, словно разговаривает с ним.

— Он сказал, что рад видеть тебя, Иден.

Мои глаза от удивления расширяются.

— Что? — спрашиваю я, нервно сглотнув. — Он тебе это сказал? Он видел меня?

— Они просто наблюдали за тобой, когда я не мог. Но они никогда не вмешивались.

— А разве птицы не улетают на зиму на юг?

— Они скоро улетают, — кивает он. — Тогда другие животные будут призваны, чтобы выполнять мои приказы.

Меня трясет.

— Пожалуйста, скажи, что сюда не собирается прибежать стая крыс.

— Нет, — улыбаясь, качает он головой. — Хотя, я могу управлять многими мелкими животными. Они очень выручают, когда меня призывают или я занят на других миссиях.

Крупные животные сильнее, более волевые. Да и в любом случае, в городе они мне мало, чем могут помочь.

— Это все, что ты можешь контролировать? — спрашиваю я, а мои подозрения выливающиеся в вопрос выходят намного холоднее, чем я ожидаю.

— Пока, да, — отвечает он с самодовольной улыбкой. Легион возвращает внимание к птичке, сидящей у него на пальце, его выражение лица становится мягким и он шепчет:

— Лети, дружок.

Крошечная птичка расправляет крылья и взлетает в звездное небо, забирая с собой стаю

крылатых стражей. Кажется, как будто они осторожны, чтобы не задеть меня, хотя от их количества и силы возникает ветер, от которого шевелятся волосы и одежда.

В течение долгих мгновений, окутанная в кокон падающих вниз мягких перьев, я в изумлении гляжу на абсолютно великолепных Божиих созданиях. Включая Легиона.

Мы проводим остаток вечера за разговорами, намеренно избегая развернувшуюся и разрушенную войной реальность. Здесь холодно и когда Легион подходит ко мне, видя, как я дрожу, он заключает меня в теплые объятия, и я больше не чувствую холода.

Я знаю, что не должна удивляться его заботливости. Он кажется не таким типом, который с легкостью делится подобным чувством, но он делился тогда, когда я еще этого не знала.

Я больше не узнаю того мужчину — чудовище — который угрожал и напал на меня после того, как вытащил из бойни. И хотя есть в нем то, что меня еще пугает, но я больше не боюсь его. Если честно, я больше боюсь себя.

— Могу я задать вопрос?

— Все что угодно. — Его горячее дыхание проникает в меня, согревая внутри.

— Дориан, Темный Король сказал... — я чувствую, как Легион напрягся рядом со мной, но я не отступаю. — Что он имел в виду, когда сказал "это было давно"? Ты знал его раньше?

Он переминается с ноги на ногу, но не отпускает меня.

— Заметила, да? Дориан, которого я встретил, далеко был от изящного короля, рядом с которым мы сидели. Давным-давно я наткнулся на Дориана Скотоса, когда между Темными и Светлыми был разлом. Он был холоден, безжалостен и жаждал власти, но он также был молод и не контролировал себя. Мы получили наводку о маленьком ковене, который напропалую выкачивал жизнь из людей. Так мы все подвергались риску разоблачения, ни Светлые, ни Темные не могли укротить этот ковен, поэтому туда вмешалась Се7мерка. Это случилось почти двести лет назад. Дориана бросало из стороны в сторону, его переполняла злость и боль. Но я увидел в нем что-то, что дало мне надежду на его будущее. Я решил, что буду приходить к нему время от времени, иногда даже наставлял на путь истинный. Он мне понравился, все еще нравится. И я рад видеть то, как все он поменял, особенно для своего народа. Похоже, он установил мир.

— Вау. Так ему более двухсот лет? — Великолепному колдуну в его самый худший день не дашь и тридцати. Но опять же, отец Габриэллы выглядит ненамного старше.

— На самом деле старше, но ненамного. Он еще молодой по их меркам. Его брат, которого я должен отыскать, еще моложе. Он умер чрез два столетия, а для них это большая редкость. Я могу понять, почему Дориан готов пойти на всё, чтобы вернуть брата.

Я поднимаю глаза на него и вижу, как он нахмурился.

— Но за счет твоей жизни? Слушай, мне нравится Габриэлла, и мне даже Дориан нравится, но просить умереть тебя ради их дела... эгоистично. Глупо. Как человек может даже просить о таком?

Он смотрит на меня и, обхватив руками мое лицо, нежно поглаживает большим мозолистым пальцем. Прикосновения его горячей кожи к моей вызывает электрический разряд в животе.

— Когда ты находишь то, ради чего стоит жить, ты готов умереть за это.

Грустная улыбка ложиться на его губы.

— Мы все умираем, хлопущка, еще никому не удалось обмануть смерть. Но не переживай, я найду обратную дорогу к тебе.

— Обещаешь? — шепчу я.

— Даже, если мне придется ползти из самых глубин Ада, я никогда не оставлю тебя. Только не снова.

Прежде чем я успеваю спросить, что значат его пронизательные слова, Легион накрывает ртом мои губы, и я пью обжигающий эликсир, пьянея от его вкуса. Мы страстно и дико целуемся до тех пор, пока близость, кажется недостаточно близкой.

— Ладно, — отрываясь от моих губ, говорит он. — Поехали домой.

— Уже? — дразню я. Когда он обнял меня, я уже была готова показать ему, как сильно желаю его тела.

— Я не смог провести внутри тебя день, но намереваюсь сделать это ночью.

Легион берет меня за руку и ведет к лифту. Как только мы оказываемся внутри, он прижимает меня к выцветшей алюминиевой стене и целует, сжимая руками через свитер мою грудь.

Я стенаю от его силы, осязаемого безумства, которое, кажется, проходит сквозь кончики его пальцев. Я так сильно хочу этого мужчину, что мне все равно кто он. Мне все равно, кто я.

Он нужен мне, каждая его частичка внутри моего тела, моей души. Сердца. И это не имеет смысла, но в мире полном монстров, в том числе людей и других, ничто не кажется более прочным, чем заряженная химия между нами. В это, я верю.

Оказавшись на нижнем этаже, мы бежим к машине, смеясь от нахлынувшего страстного желания.

Как только мы садимся на мягкие кожаные сидения Ягуара, Легион заводит двигатель и врывается в ночь, положив руку на мою ногу. Я накрываю его руку своей, переплетая наши пальцы.

Я больше не слышу сирен. Я не вижу преступников, крадущихся в тени ночи, убегающих куда-то далеко от их человечности. Я даже не чувствую их злобу и омерзение.

Никакого вкуса крови на языке, единственное, что я чувствую — Легион. И мой город — улицы, которые жевали и выплевывали меня, покрытую грязью и кровью — никогда не выглядел еще таким красивым.

Я откидываю голову на сиденье и улыбаюсь, позволяя почувствовать себя самой счастливой впервые с тех пор, как... впервые за всю мою жизнь.

После всего, что случилось, после всего, чему еще предстоит случиться, я собираюсь быть эгоисткой. Собираюсь смаковать чувство силы Легиона, переплетающее с моей, и его запах выжженной земли и дыма, вьющейся в мою кожу.

Великолепно. В этот самый момент, рядом с ним я чувствую себя великолепно.

— Почему бы тебе не включить музыку, — с хрипотцой говорит он.

Я протягиваю руку и настраиваю стерео на спокойную радиостанцию R&B. Не на хард-роковом хип-хопе, который может заглушить мою ярость и печаль. Сейчас я хочу музыку, которая передавала бы музыку моей души.

— Мне нравится эта песня, — замечает Легион, кивая головой. Он сжимает мою ногу/бедро, прежде чем медленно скользит вверх.

— Да?

— Да. Она напоминает мне...

Взрыв разрывает всю левую сторону машины, с искрами металл скручивается в серебристые ленточки. Стекло разбивается вокруг нас, и осколки усеивают наши головы,

разрезая плоть, словно крошечные кинжалы.

Звуковой барьер скрежета и разрушения вокруг меня сменяется слабым визгом стали об мостовую. Стиснув зубы, я отчаянно пытаюсь схватиться за что-то, но из-за силы тяжести я парю в невесомости.

Я лечу сквозь кровавые облака и паленой резины, не видя земли. До тех пор, пока не ударюсь об нее.

Все стихает и замолкает вокруг меня, несмотря на приглушенные крики вдалеке.

Моргнув, я ощущаю давление в голове, и как горят глаза от слез и крови. Я чувствую запах бензина и горелой пластмассы, ядовитые пары усиливают боль в животе. Я так устала.

Очень сильно устала. Я хочу спать, пока боль совсем не исчезнет. Пока этот кошмар не превратится в прекрасный сон, который своим ослепительным светом заслонит уродство, окружающее меня.

И в этом сне будет Легион, он будет улыбаться, обнимать меня, наполняя меня своим жаром. Успокаивая, растерзанную, меня своим твердым телом.

Но я не чувствую его огня рядом со мной. Лишь грязный асфальт под щеками и разбитое стекло под ладонями. Здесь лишь леденящая пустота смерти.

Я узнаю комнату.

Чувствую сырой, холодный цементный пол под босыми ногами. Вдыхаю сырой воздух с оттенком вкуса крови. Я чувствую тошнотворный смрад гниющей плоти.

Мои ноги и руки связаны за спиной.

Выгнувшись на стуле, я понимаю, что прикована к нему, металл вгрызается в спину. Я вся в царапинах и порезах, некоторые из них кровоточат, но, по крайней мере, я одета. Это единственное, что удерживает меня от того, чтобы не сломаться.

Это и тот факт, что Легион сидит прикованный к стулу в другой части комнаты. Раненый, без сознания, но дышит.

Я знала, что все следы приведут меня сюда, но думала, что у меня больше времени. Мы думали, что у нас больше времени. Я не готова. Я вкладываю силу в слова, надеюсь, что они доберутся до той части, которая мне не принадлежит.

"Адриэль, если ты меня слышишь, я еще не готова".

Ни звука голоса. Ни прошептанной команды. Только молчание одинокой смерти.

— Легион, — резко шепчу я, приглушенные слова, грохочут в моей болезненной голове, — Легион, очнись!

Он стонет, давая мне маленький огонек надежды. Очевидно, тот, кто забрал нас из-под обломков любитель. Потому что, когда он очнется, его ничто не сможет удержать.

— Легион, пожалуйста! Слушай меня. Я хочу, чтобы ты очнулся.

Он снова стонет, качая из стороны в сторону головой, словно пытаюсь пробиться наружу.

Его рана на голове сильно кровоточит, от чего свитер пропитался густой, липкой субстанцией. Мне нужно добраться до него.

Я должна вытащить его отсюда, пока мои ночные кошмары не воплотятся в жизнь.

Я тяну веревки вокруг запястий, но чем сильнее борюсь с ними, тем слабее становлюсь. Плюс, кажется, веревки пропитаны каким-то раствором, который обжигает кожу, когда я пытаюсь тянуть.

Я стискиваю зубы, глубоко вдыхаю и сильнее тяну. Слышу, как веревка жжет мою кожу, словно руки погрузили в электролит, но я сдерживаю крик. Но, несмотря на все мои старания, веревка просто не поддается.

— Веревка пропитана особым раствором серебра с примесью ангельского яда. Весьма неприятно для тебя. И более изнурительно для нашего друга, — напевает неровный голос. Голос, который преследует меня на протяжении последних четырех лет.

От страха я подпрыгиваю и начинаю всматриваться в комнату. Кроме Легиона и меня, здесь по-прежнему никого нет. "Это только в моей голове", говорю я. Произошел несчастный случай. Я поранилась и потеряла много крови. У меня просто галлюцинации.

— Ты действительно не веришь, Иден?

Я проглатываю ужас при звуке моего имени на его губах. Нет, нет, нет. Этого не может быть. Только не сейчас. Я качаю головой, словно пытаюсь выкинуть голос из головы.

— Тебя здесь нет. Ничего из этого не происходит.

— Как ты можешь такое говорить, после всего времени, которое мы провели вместе? Я был все это время с тобой, ждал, когда ты придешь ко мне. И вот ты здесь. Всё что тебе нужно, это произнести слова.

— Нет! — кричу я. Слово отскакивает эхом и умирает во тьме.

— Нет? — Я слышу позади себя шаги, хотя никто не входил в дверь с тех пор, как я очнулась. И если он был здесь все время...

Это он. Мужчина из моих ночных кошмаров. Незнакомец из туалета, который трахал меня, пока я лизалась и сосалась с его спутницами.

Люцифер.

То как его изображают в книгах или фильмах абсолютная ложь.

Просто страшные истории, чтобы скрыть правду, которая стоит передо мной, одетый в темный, сшитый на заказ, костюм, который облегает его тело, как перчатка. Люцифер намного моложе, чем можно было бы ожидать, высокий и поджарый, как пловец. А его лицо...

Я всегда удивлялась, почему он был любимчиком Бога, самым красивым и талантливым из всех ангелов. Теперь, бесспорно я понимала почему.

"Красивый" не описывает его в полной мере. "Восхитительный" меркнет перед ним. Его красота возвышается над любыми словами на разных языках, которым можно было бы его описать.

Его глаза точно такие же, какими я запомнила в доме Наблюдателя — темные и штормовые, испещренные оттенками заката. Они напоминают мне северное сияние, жуткие цвета постоянно меняются.

Не человеческие. Посоперничать с этими манящими глазами могут только его чувственные губы, которые кажутся слишком полными и при одном виде хочется ощутить их вкус.

Его идеальные золотисто-каштановые волосы чуть слегка ниспадают на лоб. Тонкий нос, выраженные скулы. Его лицо — это произведение искусства.

— Ты же знаешь, я могу заставить все это исчезнуть. Просто скажи слово.

Отказываясь смотреть на него, я крепко закрываю глаза и отворачиваюсь.

— Чего ты от меня хочешь?

— О, драгоценная Иден. Ты действительно спросила об этом? — В ужасе я вдыхаю, когда слышу, как он идет ко мне. — Тебя. Я хочу тебя. Разве я не ясно дал понять? Ты определенно поняла это, когда наши пути пересеклись в туалете Айрин.

— Нет. — С плотно закрытыми глазами, я яростно трясу головой. — Это было не по-настоящему. Этого не было на самом деле.

— Да неужели? Я заставил тебя почувствовать, я заставил тебя стонать. По мне так это было по-настоящему.

Еще один шаг, и он касается теплой рукой моей щеки.

Я резко дергаюсь в сторону, отказываясь быть искушенной его прикосновением.

Но от ощущения его кожи, воспоминания тащат меня обратно в особняк, обратно в ту уборную. Я скольжу вверх-вниз на его члене со странной женщиной, сидящей между нашими бедрами.

— Ты все еще чувствуешь меня, не так ли? — Я смотрю на него сквозь слезы ярости и вижу на его лице самодовольную улыбку, которая украшает эти полные губы. — Да, чувствуешь. В ту ночь ты была огнем, Иден. Ты сияла, отбросила в сторону все человеческие

запреты. Свобода тебе к лицу. И это только начало, представь, как ты будешь выглядеть — что будешь чувствовать — если полностью отдашься мне. Ты будешь непобедима.

— Пошел нахер, — плюю я.

Он от души смеется.

— Твоя прерогатива. И ты скоро окажешься на нем снова. Это судьба, милая. И ты не шути с судьбой.

— Если ты думаешь, что я буду делать всё, что ты захочешь, то ты сумасшедший. Лучше сразу меня убей, потому что я никогда, слышишь, никогда не стану твоей секс-игрушкой.

— Моей игрушкой? — Он имеет наглость выглядеть оскорбленным, и даже такой его вид, заставляет меня дрожать.

— Я не хочу, чтобы ты была моей игрушкой, Иден. Хочу, чтобы ты стала моей невестой. Разве ты не понимаешь? Все сны, все мысли которые я вкладывал тебе в голову, заставлял каждую никчемную, жалкую тварь страдать за неуважение к тебе... все это мои тебе подарки. Я показывал, как сильно о тебе забочусь.

Небольшая волна облегчения накатывает на меня, когда до меня доходит смысл его слов. Это все он. Он.

Он заставлял делать меня все эти ужасные вещи. Он говорил мне обижать, воровать, драться. Айрин ошиблась насчет моего извращенного сознания. Дьявол заставлял меня делать это.

От этого мне лучше не становиться, учитывая, что я слишком слаба, чтобы слушать, но может быть, я могу рассчитывать на спасение. Если Се7мерка его ищет, почему я не могу?

Мне просто нужно продержаться еще немного, чтобы отыскать способ как выбраться отсюда и доставить Легиона в безопасное место.

— Чего ты хочешь? — спустя секунду спрашиваю я. Говори с ним. Несомненно, Се7мерка уже в курсе ДТП, учитывая, что по всему городу установлены камеры. Может быть, какая-нибудь система сигнализации Ягуара сработала и тем самым сообщила им о происшествии. Они, наверное, уже в пути.

— Сказал же — я хочу тебя. Твою верность. Твое тело. Твое сердце. Пойдем со мной, и ты сможешь проливать грязь и слабость в этот мир. Ты станешь богиней — королевой. Ты будешь править со мной наравне, тебя все будут уважать и бояться. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Тебе больше и секунды не придется тратить на бесполезные человеческие эмоции, такие как чувство вины или сомнения. Я буду заботиться о тебе, Иден, так как ты заслуживала все эти годы. Позволь мне стать твоей истинной семьей.

Искушение в его предложении неоспоримо, но я знаю, что это говорит зло.

Он взывает ко мне, проращивая то семя зла, которое посадил в меня, когда я еще была эмбрионом. Я должна и буду бороться.

Я сдерживаю панику и надеваю маску холодного безразличия.

Он придурок, любящий слушать собственный голос. Всё, что я должна делать, так играть с его нарциссизмом немного дольше, чтобы дать Легиону шанс прийти в сознание. Надеюсь, он уже очнулся и просто притворяется, ожидая удобного случая для атаки.

— А если я откажусь, — категорически спрашиваю я.

Коварная ухмылка.

— Мери, дорогая. Можешь подойти сюда?

Кровь шумит в ушах так громко, что я даже не слышу, как шаркающими шагами, она выходит из невидимой части комнаты. Перед глазами красная пелена и все что я могу

разглядеть это мокрое от слез и перепачканное кровью лицо. Сестра.

Сестра стоит передо мной, голая и дрожащая, ее руки связаны, а во рту кляп

Её темные, мелкие кудри взъерошены и спутаны, ноги в грязи, словно она была заключена в грязной клетке. Помимо этого, она, кажется, не пострадала. Но я знаю, что удача скоро отвернется, если я не буду играть в игры Люцифера.

— Если ты откажешься, твой Легион умрет, я отправлю его обратно в ад на вечные муки. А твоя драгоценная сестра... Ты весело проведешь время с ней и ее новыми друзьями. Я не могу заставить тебя пойти со мной добровольно, но я могу сделать так, что ты этого сама будешь желать. И когда ты поймешь свой выбор, то увидишь, что Ад может быть добродетелью.

Я проглатываю желчь, подкатившую к горлу, и пытаюсь сосредоточиться.

Говорить в приступе ярости и ужаса не спасет нас. Если он увидит, как это влияет на меня — если он узнает, что я буквально разрушаюсь внутри — он использует это против меня.

— Этого недостаточно. Если ты хочешь меня, ты должен освободить всех. Освободить людей от Призыва и никогда не использовать их, в том числе и меня. И никогда больше не заразишь другого человека.

Он удивленно поднимает бровь.

— Разве ты в том положении, чтобы торговаться? — недоумевает он, протягивая ко мне руку. Мой свирепый взгляд тверд, как и мое решение.

— Ты хочешь меня по определенной причине, и это точно не потому, что ты хочешь сделать меня невестой зла или по какой-то другой ерунде. Ты хочешь наследника, и ты знаешь, что я могу дать его тебе.

Я вижу в его глазах удивление.

— Ах, вижу, колдуны поработали. Думаю, нужно нанести им визит, чтобы знали своё место.

— Ты не станешь. Ты оставишь их в покое, также как оставишь в покое Се7мерку.

— Се7мерку? — запрокинув голову назад, снова он смеется.

— О, дорогая Иден. Как ты думаешь, почему ты здесь? Думаешь, я смог бы с такой легкостью похитить тебя и их лидера?

Он... он намекает, что Се7мерка как-то причастна к этому? Они бы никогда не предали Легиона. Они его любят. Уважают. И меня... ладно, меня они в основном терпят. Все, кроме...

Каин.

Демон убийства. Злодей в истории Каина и Авеля.

— Дерьмо собачье, — говорю я, отрицая мысль, что Каин предал своего брата. Но это же не в первый раз.

— О, боюсь, что так. Я думаю, в их рядах возникли небольшие разногласия. Кажется, они устали от маленького развлечения Легиона. — Он пожимает плечами.

— Ты врешь. Они бы никогда не пошли против него. Они семья, то, что тебе никогда не понять. И даже если бы кто-то хотел от меня избавиться, то уже давным-давно убил бы. Так что, пошел ты и твои игры разума. Я не куплюсь на это.

— Ты серьезно не понимаешь? — рычит Люцифер, показывая впервые признаки разочарования, и заставляя, стоящую подле него сестру вздрогнуть. — Ты просто не понимаешь, как ничтожна для них. Правда. Даже для твоего любимого Легиона. Я знаю его

Я любил его, как собственную плоть и кровь. Я сражался, убивал и трахался рядом с ним. Ты ничего для него не значишь. Ты всего лишь развлечение — и только. Ты одна из тысячи.

— Врешь.

— Да? Он тебе сказал, почему без ума от тебя? И это никак не связано с твоим красивым личиком и идеальной грудью.

Будь сильной, Иден. Он просто пытается заморочить тебе голову.

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, но ничего не выйдет.

— Он не сказал! — Люцифер хлопает в ладоши, почти легкомысленно с надеждой высказаться еще более язвительно.

— Давай пригласим его на нашу милую вечеринку, и ты сама спросишь у него. Приступим?

Он смотрит через комнату на Легиона, который все еще ничком сидит на своем металлическом стуле. А затем словно выманивая испуганного кота, Люцифер воркует:

— Легион.

Глубоко вздохнув, Легион приходит в себя и яростно дергается на стуле.

Запах и звук шипящей плоти наполняет воздух, когда Ли пытается вырваться из пропитанной серебром веревки. Но он жив и он очнулся. Слезы благодарности наполняют мои глаза.

— Хорошо, что ты присоединился к нам, мой старый друг, — насмехаясь, говорит Люцифер.

— Какого хрена ты делаешь? — оскалив окровавленные зубы, рычит Легион.

Я знаю, веревка приносит ему немало страданий, но Легион не падает вида. Быстро взглянув в мою сторону, он оценивает мои раны, а затем переводит убийственный взгляд на прекрасного зверя, стоящего передо мной.

— Я просто хотел поближе узнать нашу милую Иден и ее сестру, Мери. А ты знаешь меня... мы просто говорили, и тут всплыло твое имя. Видишь ли, Иден, кажется, думает, что ты на самом деле заботишься о ней. Ха! Но ты ведь не поделился с ней, о том, почему так сильно заинтересовался ею? Утаил самое лучшее.

— Иден никаким образом с этим не связана. Отпусти ее, — хрипло говорит Легион, но слова его достаточно жесткие, чтобы заставить взрослого мужика обмочиться в штаны.

— У тебя проблемы со мной, так что перестань быть трусом и давай уже покончим с этим. Или ты еще слишком слаб, чтобы бороться?

Люцифер усмехается, словно угроза Легиона щекочет ему ребра.

— Ох, я скучал по тебе. Seriously, скучал. Иден, а ты знаешь, что Легион играл важную роль в нашем падении с небес? На самом деле, это очень интересная история. И так брат мой, ты расскажешь или лучше я?

— Закрой свой поганый рот, напыщенный мудака.

Люцифер поворачивается ко мне, не обращая внимания на демона, бросающего в него острый, как кинжал, взгляд. Пока, все что я вижу это Легион. В ловушке и беспомощный. Я не позволю людям, которых люблю, умереть вот так.

— Все началось, когда я и Легион возглавляли Серафимов... — говорит Люцифер, не отказываясь быть в центре внимания, словно все взгляды прикованы к нему.

— Как ты знаешь, я был любимчиком, но Легиона так же любили. Но была та, кто особенно была поражена им. Так очарована, что предала своего супруга и отдалась ему. Очень, очень позорный поступок для нас, как небесных существ, как ты можешь себе

представить. Но он был убежден, что влюблен и ничто не могло удержать его от нее. Хотя, возможно он и был влюблен, но, к сожалению, этой любви оказалось недостаточно, чтобы спастись от гнева Божьего. Это произошло примерно тогда, когда мне, откровенно говоря, уже наскучила та политика и вечное целование задниц, и не только мне одному. Так что, когда разнеслась весть о лживости и позоре Легиона, мы придумали план — бунт. Я стал мозгами и лицом этого плана, да, ну честно, посмотри на меня, а Легион стал мышцами. Мы хотели создать наш собственный рай, жить по собственным правилам. Мы бы делали все что захотели, не опасаясь суда или преследований. Однако, бедный, несчастный любимый Легион не разделял таких чувств. Его окрестили не только прелюбодеем, но и насильником. Она сказала, что он изнасиловал ее.

— Нет, она не говорила! — рычит Легион. — Это был ты! Ты кусок безвольного дерьма.

— Ох, семантика. Моя версия куда более непристойная. — Люцифер подходит и встает передо мной, в его глазах триумф. На этот раз я не отвожу взгляд. Я не хочу слушать, но ничего не могу поделать с этим.

Все секреты, вся ложь... теперь обретает смысл.

— Во всяком случае, с тех пор он тонет в жалости к самому себе, грусти и тоскует по своей давно утраченной любви, бла, бла, бла. Как ее звали, дорогой брат? Её звали...

— Адриэль, — шепчу я, когда имя душит меня.

— Да! — восклицает Люцифер, изображая удивление.

— Адриэль. Тот самый ангел, который обитает в твоей душе. Видишь ли, она забрала бы ее полностью, если бы не мое влияние. Кстати, всегда, пожалуйста. Но я полагаю, маленький кусочек её истинной любви лучше, чем ничего.

— Не слушай его, Иден. Он безумец. Иден, посмотри на меня. Посмотри на меня, детка.

Не могу. Я не могу смотреть на него. Не могу смотреть на сожаление в его глазах.

На сожаление от того, что позволил мне поверить, что именно меня он желал. А сожаление о том, что я узнала, что всего лишь сосуд, носитель, его истинной любви.

По щекам текут слезы, но я молчу. Моя сестра связанная и голая передо мной. Её жизнь разорвали на мелкие куски. А мое разбитое сердце сейчас главной роли не играет.

— Я подумал, что лучше ты узнаешь об этом, — тихо говорит Люцифер, почти с... состраданием.

Даже с раскаянием. Он подходит еще ближе.

— Ни с кем не должны так обходиться. Я не врал тебе и никогда не стану. Он не любит тебя, просто не может.

— Знаю. — Ком в моем горле пульсирует с каждым слогом.

— Иден, они все жалкие существа. Семерка использовала тебя ради своей корыстной цели. И как только они закончили бы с тобой, то бросили бы. Как твоя мать, твой отец. Как все в твоей жизни. Чувство потери должно быть забыто навсегда.

Я не в силах с ним не согласиться. И даже если бы и могла, то не стала бы. Я понимаю, что он говорит правду.

Я слышу быстрые, тяжелые шаги и прежде чем кидаю взгляд в сторону двери, она распаивается, впуская в комнату мрак.

— Какого хрена! Ты сказал, что он не пострадает.

— Ну, так, я и не навредил ему. Бронемашина въехала в него, — Люцифер лишь пожимает плечам демону, который рвался на помощь к Легиону. Это просто удар за ударом. Не уверена, что смогу выдержать больше.

Нас не Каин предал. Не он устроил все это, сдал меня Люциферу на блюдечке с каемочкой покрытой ангельским ядом.

А Лилит.

— Это в план не входило, — бормочет она, обнажая лезвие, чтобы разрезать веревку Легиона. Он фыркает и вырывается.

— Отвали от меня, предательница, — рычит он. Лицо его искажено от ярости и боли. То, что я очень хорошо знаю.

— Ли, мне очень жаль, но... — Лилит чертовски смелая, чтобы выглядеть обиженной на его вспышку гнева. — Она разделила нас. Мы не можем противостоять Призыву, Альянсу и Серафимам. Люцифер обещал защитить и уважать ее желания. Он поклялся не причинять ей боли.

— Правда, — соглашается Люцифер. — О и давайте не будем забывать маленький секрет нашей милой, сладкой Лилит, которая влюблена в тебя. Seriously, не понимаю такой популярности...

— Ты это устроила, потому что влюблена в него? — кричу я.

Гнев и ярость мчатся по моим венам, душа на своем пути шок и боль. Я всего лишь пешка — разменная монета.

— Ты больная, повернутая на всю голову сука? Ты говорила, что он тебе, как брат! И ты рискнула моей жизнью- жизнью моей сестры — ради влечения! Глупая сучка. Клянусь Богом, тебе повезло, что я связана.

— Разве она не восхитительна? — сияет Люцифер, чем лишь больше злит Лилит. Мне плевать кто она. Ни один ад не сравнится с разъяренной женщиной. Она-то должна знать.

— Я столетиями была рядом с ним и тут, вдруг, появляется какая-то уродина, трясет перед ним задницей и сиськами, и внезапно все теряет смысл. Се7мерка. Миссия. Я. Я должна быть с ним! Я все сделала правильно! Неужели я должна была стоять в стороне и позволить какому-то человеку отвлекать его внимание? Я слишком долго работала над этим. И не позволю похоронить нас из-за твоего жалкого существования.

— Закрой свой поганый рот, Лилит, — приказывает Легион.

— Это, правда! — кричит она в ответ. — Ты бы рискнул жизнями братьев, будущим Се7мерки ради нее? После всего, через что мы прошли? Скажи мне, что ты любишь ее и я приму любое наказание, которое ты потребуешь. Скажи, что выбираешь ее, а не нас.

Серебристые глаза Легиона находят мои, в лунном свете в них бурлит ложь, и его губы приоткрываются.

Даже с окровавленным лицом и выражением неизгладимого сожаления, он, все так же красив, как в ту первую ночь, когда пришел в магазин.

Я улыбаюсь сквозь болезненное воспоминание, желая, чтобы я никогда не видела его, желая, чтобы никогда не заинтересовалась такой яростной красотой. Тогда бы я никогда не узнала той боли, от осознания того, что не увижу его больше.

— Отпусти мою сестру. Отпусти всех невинных людей. Никогда больше не Призывай. И я пойду с тобой. Я сделаю все, что ты захочешь.

— Нет! — рычит Легион. — Не слушай их! Иден, пожалуйста, посмотри на меня!

Медленно лицо Люцифера расплывается в ухмылке, и веревки на моих руках и ногах внезапно исчезают. Я вскакиваю со стула, игнорируя протестующую боль в теле, и обнимаю дрожащее тело сестры.

— Мне так жаль, прости меня, — плачу я, развязывая кляп и веревки на ее запястьях. К

счастью, на веревках не была серебра, но даже оно бы не остановило меня. Я скидываю с себя порванное, перепачканное кровью пальто и оборачиваю вокруг ее плеч.

— Я никогда не хотела, чтобы с тобой такое произошло. Тебе больно?

— Я в порядке. Но Иден, ты не можешь. Прошу, не делай этого. — Но, даже произнося эти слова, она понимает, что уже слишком поздно. Теперь она знает, почему я пыталась держаться подальше от нее. Но и этого было недостаточно, чтобы спасти ее.

Я поворачиваюсь к Люциферу, который все еще отказывался отпустить сестру.

— Отпусти ее. Убедись, что она в безопасности. Дай мне слово.

Он кивает.

— Как только ты возьмешь меня за руку, она окажется в своей квартире, одетая, в тепле и уюте. Она даже не вспомнит, что была здесь.

Я с трудом сглатываю, передразнивая его жест.

— А они?

— Вережки рассеются, и он будет свободен. — С ободряющей улыбкой, он протягивает ко мне руку. — Все будет хорошо, Иден. Я обещаю, что никогда не причиню тебе боли.

Я киваю и зарываюсь лицом в растрепанные волосы сестры, тихо моля о силе. Но не удивляюсь, когда в очередной раз мои молитвы не услышаны.

— Я люблю тебя, Сестра. Даже если ты этого не вспомнишь, помни, что я люблю тебя.

Я целую ее заплаканные щеки, потом закрываю глаза, проникая последний раз в ее разум. Страх наполняет легкие, и я скольжу в течение нескольких секунд, пробуя на вкус ее доброту и искренность милой души.

— Отпусти меня.

Ее руки тут же падают по бокам, позволяя мне отступить. Позволяя мне уйти. Вот, что я хотела сделать по требованию Легиона. Он хотел оттолкнуть меня от собственной сестры, только так он мог использовать и манипулировать мной ради своих эгоистичных целей. И я позволила ему это. Я была так счастлива быть его питомцем, просто заменой той, кого он по-настоящему желал. И теперь я лишилась их всех.

— Хотела бы попрощаться? — спрашивает Люцифер. Я знаю, кого именно он имеет в виду. Я смотрю через комнату и останавливаю взгляд на Легионе, который все еще сидит на стуле, а рядом с ним стоит Лилит. Я доверяла им. Я волновалась за них. После всего, что они для меня сделали, я искренне поверила, что достойна спасения. Я действительно думала, что они способны на доброту, милость и любовь. А теперь вижу их мерзкие, отвратительные существа, какими они на самом деле являются.

— Нет.

— Иден, нет! Не делай этого! Прошу послушай...

Со следующим вдохом, я отпускаю страх, боль, которые облепили меня словно вторая кожа.

Я отпускаю человеческую жизнь, через которую, как призрак, скиталась двадцать-два года. Я изгоняю темных, безумных демонов моего прошлого, и принимаю протянутую руку Люцифера.

Приближая Исход Эдема.

— Не прикасайся ко мне, мать твою. Ты больше никогда не дотронешься до меня. Поняла?

Легион вырывает руку из железной хватки Лилит, она ногтями царапает и без того истерзанную кожу, и распахнув дверь, Ли чуть не срывает ее с петель.

Он не чувствует боль. Он не чувствует себя дерьмом, после того как очнулся и увидел Иден скованную серебром на стуле, ее голая сестра лежала перед ней и он — Люцифер — самодовольно улыбался.

Ебанный садист. Он должен был вырвать его чертову глотку в тот самый момент, когда у него был шанс.

— Что случилось? — Феникс срывается со своего места на диване и через несколько секунд оказывается у выхода, остальные следуют по пятам.

— Она, вот что случилось, — рычит Легион, указывая окровавленным пальцем на Лилит, которая с полными от слез глазами стоит в дверях. — Она — чертова изменница, она предала Се7мерку.

— Прощу, Ли. Просто выслушай меня. Это было к лучшему. Ради блага — ради всего, за что мы боремся.

— Где Иден? — спрашивает Феникс. Хотя разворачивающаяся перед ним сцена является ответом на его вопрос.

Легион пронесится мимо его братьев, на лицах которых был шок.

— Она подставила нас. Она дала ему именно то, в чем он нуждался, чтобы план сработал. Теперь Иден у него. Блядь! Она у этого бесхребетного ублюдка.

Он дергает свои перепачканные кровью волосы и мчится по длинному коридору, останавливаясь у двери слева. Остальные члены Се7мерки, включая Лилит, следуют прямо за ним.

— Да ты, мать твою, прикалываешься? — кричит Каин. — Лил, умоляю, скажи, что это ошибка, и ты не настолько тупая, чтобы предать нас.

Блондинка дает волю слезам и тихо рыдает, не способная опровергнуть обвинения.

— Святое дерьмо, — качая головой, произносит демон со шрамами. Он смотрит на брата, на своего лидера.

— Что мы будем делать?

Группа демонов входит в комнату, наблюдая, как Легион направляется к стойке, на которой лежит священный кинжал, Искупитель. Достав его, Легион вкладывает кинжал в руки Феникса.

— Используй.

— Что? — Феникс качает головой, обратно отдавая его в руки Легиона. — Это нелепо. Ли, брат мой, пожалуйста, будь разумным.

Отказываясь слушать слова Феникса, Ли передает кинжал Каину.

— Не будь трусом. Сделай это. Убей меня. Только так я смогу добраться до нее.

— Ли, я слышу тебя. Но это не выход. Если ты умрешь, то с Се7меркой будет покончено. И что тогда?

— Тогда ты поведешь их. Или Феникс. Мне все равно. Я должен забрать ее. Сейчас же!

— Пожалуйста, Легион. Мне так жаль, — плачет Лилит в углу. — Не делай этого!

Прошу!

— Кто-нибудь увидите ее отсюда! Не хочу видеть лицо предателя. Убирайся, прежде чем я собственными руками разорву тебя на куски! — Отчаянный гнев, покрывающий его язык, заставляет Лилит расплакаться еще сильнее.

— Пошли, Лил, — шепчет Андрас, выводя ее из комнаты. Он бросает печальный взгляд на Легиона, прежде чем исчезает в соседней комнате.

— Возможно, есть другой способ... какая-нибудь лазейка, о которой мы не знали, — предлагает Тойол. Он поворачиваются к Джину, выражение лица которого такое же мрачное, как и у остальных.

— Должно быть что-то, что мы упускаем из виду, так ведь? Другой способ привязать его к земле и вернуть обратно.

Джин тяжело вздыхает и качает головой, бросая взгляд, на ритуальный круг, вырезанный в полу.

— Черт. Мне жаль, Ли. — Тойол проводит рукой по задней части шеи, когда паника охватывает его. Выхватив из-за пояса, маленькое черное устройство, он чертыхается.

— Проклятье. Сработала сигнализация...

Он смотрит на монитор, переключая изображения с камер наблюдения.

— Никого нет... подождите. Что это...? Я сейчас вернусь.

Тойол выскальзывает из комнаты, захватив собой катаны и Джина по пути. Честно говоря, они благодарны за вторжение, никто из них не мог сделать того, о чем просил Легион, и они не могли выдержать уныние в его глазах.

Брат испытывает боль, и они ее чувствуют. Его боль — их боль, и они еще никогда не чувствовали, чтобы Легион так страдал.

Потерять Иден было плохо, но и Легиона тоже? После многовековой дружбы и общения? Они не будут участвовать в смерти друга.

— Ли, давай успокоимся на секундочку и обдумаем все, — говорит Феникс, всплеснув руками. — Говоришь, вернешься назад. Найдешь ее. И что дальше? Как ты вернешь ее сюда, когда ты уже не сможешь войти в эту реальность? Тогда, что хорошего быть с ней? Нам нужен план. Тот, который гарантирует, что вы оба вернетесь целыми и здоровыми.

— И если она там, тогда она сама выбрала пойти с ним, — добавляет Каин, нарезая круги по комнате. — Она выбрала его, Ли. Может тебе стоит принять это.

Легион громко рычит, метнув убийственный взгляд на своего друга.

— Она не выбирала его. Нас подставили. На кону стояли либо я и ее сестра, либо она. И черт... она подчинилась ему ради нашего освобождения. И будь я проклят, если буду сидеть дальше без дела, в то время как она пожертвовала собой ради ничего. На ее месте должен быть я. Разве вы этого не видите? Я должен был пожертвовать собой ради нее. — Легион снова протягивает кинжал Фениксу. Он уравновешен и рассуждает логично, он поймет насколько Иден дорога Легиону.

Только он знает о любви, которая когда-то у него была и которую он потерял. И отыскав, Иден — не Адриэль — у него появилась надежда. Он наконец-то понял, что значит быть живым.

Неохотно Феникс берет Искупитель в руки, обведя пальцем рубины, врезанные в рукоять.

— И ты абсолютно уверен? Ты безоговорочно уверен в том, что хочешь сделать?

— Нет, только не это, — вставляет Каин, стоя позади двух братьев, яростно матерясь. —

Он ведет себя, как чертов мудака.

Игнорируя брата, Легион срывает окровавленный, изодранный свитер, обнажая смуглую расписанную чернилами кожу. Его порезы и синяки уже зажили, хотя рубцы вокруг запястья по-прежнему красные и устрашающие на вид.

Но это неважно. Через секунду он вернется в ад и сможет ходить в любом понравившемся ему обличье.

— Я дал клятву, Феникс. Ей... всем вам. Я отдал жизнь, посветив себя этому делу, потому что был потерян и искал искупления. Но на самом деле, я искал ее. С того с самого дня, как пал с Небес. Не Адриэль. А ее — Иден. Я говорил тебе раньше... я защищу ее или умру, пытаюсь защитить. — Он поднимает подбородок, обнажая горло. Грудь Легиона вздымается с последним рваным дыханием на Земле. — Ну, я не умер. Пока.

Больше книг на сайте — Knigolub.net